

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ПОДПИСЬ

РАССКАЗОВ ЛЕОНИД ДЕМЕНТЬЕВИЧ

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ
КРИЗИСНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Специальность 09.00.11 – «Социальная философия»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора философских наук

Научные консультанты:

доктор философских наук, профессор Осинский И.И.

доктор философских наук, доцент Бадмаева М.В.

Улан-Удэ - 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗИЦИОННЫХ КРИЗИСНЫХ ПРОЦЕССОВ	22
§1. Сущность общественного сознания	22
§2. Содержание современных глобализационных процессов	44
§3. Кризис как социально-философская проблема.....	69
ГЛАВА 2. КРИЗИСНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ	90
§1. Основные формы проявления кризисных процессов в современных обществах.....	90
§2. Духовный кризис как проявление кризисных процессов социума.....	109
§3. Современные глобализирующиеся общества в контексте типов научной рациональности и философской рефлексии.....	133
ГЛАВА 3. КРИЗИСНОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ТИПЫ	154
§1. Социальные кризисы в отечественной и зарубежной литературе.....	154
§2. Кризисное сознание общества переходного периода	171
§3. Типы и проблемы кризисного сознания общества	199
ГЛАВА 4. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КРИЗИСНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ	214
§1. Российское общественное сознание в аспектах современных теорий и концепций глобализации	214
§2. Экология и устойчивое развитие России: анализ кризисного общественного сознания и способов его регулирования	231
§3. Будущее российского общества в условиях глобализации и кризисного общественного сознания	250
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	270
БИБЛИОГРАФИЯ	283

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Общественное сознание и общественное бытие как базисные компоненты жизнедеятельности общества подвергаются в различные исторические эпохи существенным качественным изменениям. В условиях глобализации – необходимого объективного этапа в развитии человечества – общественное сознание, отражая кризисные явления общественного бытия, соответственно, становится кризисным. В XXI веке кризисное сознание предстает в виде эпохального противоречия, которое, с одной стороны, представлено рациональным оптимизмом, породившим цивилизацию и заведшим ее в тупик (экологический кризис), с другой стороны, разум, проявив свою ограниченность, породил глобальные проблемы – комплекс острейших социоприродных и социокультурных противоречий (духовная деградация, перенаселенность Земли и др.). Это противоречие сформировалось в результате нарушения баланса (равновесия) отношений в системе общественное бытие – общественное сознание, которое восходит к идеям просвещения и прогресса, помноженных на идеи капитализма, свободу рыночных отношений, в которых человек становится товаром – объектом купли-продажи на рынке труда. Разрыв в этой системе был исторически порожден различными факторами. При выделении человека из мира природы в условиях присваивающего хозяйства обществу соответствовало мифологическое сознание, а в эпоху глобализации, когда человечество сформировало мировой рынок, ему понадобилось глобализационное сознание, которое сегодня отстает в развитии от своего материального экономического базиса. На всех этапах человечество развивалось благодаря качественным изменениям своих материальных и духовных основ. Сегодня стало ясно, что кризисные тенденции глобализации явили миру, невиданные ранее возможности и проблемы, от которых нельзя уйти, а решать их приходится сознанию, оказавшемуся в кризисе, из которого, сознание должно найти выход.

Российское общество, как весь мировой социум, испытало на себе влияние глобализации. С одной стороны, в стране проявились собственные кризисные тенденции в виде раскола социума на «большое» общество (масса) и «малое» (элита), что привело к нищете первых и богатству вторых. С другой стороны, общество испытывает конфликты, порожденные глобализацией, которые можно выразить в виде бинарных оппозиций капитализм-социализм, Запад-Восток, Север-Юг, глобализация-глобализм. Анализ субъективных и объективных основ кризисного сознания российского общества показал, что задержка развития духовного начала по отношению к прогрессирующему материальному началу вовсе не означает, что Россия должна следовать проектам глобализма (американизма, вестернизации), общества потребления, которые прямо противоположны отечественной культуре. В России исторически духовные ценности доминируют над материальными ценностями, а рост благосостояния обеспечивается за счет роста экономических, научно-технических показателей, бережного отношения к природе. В условиях глобализационного кризиса Россия активно участвует в разработке мировой стратегии устойчивого и поступательного развития, учитывая планетарные процессы, формирующие мир как единство многообразного, имеющего несколько векторов, центров и сил развития.

Кризисный переходный период российского общества стал затяжным, поэтому необходимо выявить природу и содержание кризисного сознания, которое препятствует продвижению проектов модернизации, евразийства, коэволюции, ноосферогенеза и др. Актуализация процессов познания и изменения кризисного сознания непосредственно окажет влияние на социоприродные и социокультурные процессы. Решению проблем общественного сознания в условиях глобализационных кризисных процессов посвящено данное исследование, которое завершают концептуальные положения сбалансированного прогрессивно-циклического развития России в проективном и творческом потенциале кризисного сознания.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на широкий спектр предлагаемых воззрений в области социально-философского исследования общественного сознания в условиях современных глобализационных кризисных процессов вопрос о его месте и роли в общественном развитии требует уточнения. В истории общественное сознание представлено различными формами. Миф изучает К. Хьюбнер¹, мораль, искусство и философию – Платон, Аристотель², религию – А. Блаженный, Н. Макиавелли³, в Новое время философию исследуют Р. Декарт, Б. Спиноза⁴, в Новейшее время – К. Маркс, Ф. Энгельс⁵ и отечественные ученые Г.М. Гак, Б.А. Грушин, Д.И. Дубровский, М.Я. Ковальзон, В.П. Майкова, Ю.А. Серебрякова, В.И. Толстых, А.К. Уледов, И.Т. Фролов⁶. В марксизме - общественное сознание отражает общественное бытие, является совокупностью коллективных представлений. Глобализацию как кризисное явление мирового сообщества, создавшую предпосылки установления диалектического равновесия между унифицирующими общепланетными и уникальными национальными, локальными процессами и явлениями исследовали в аспектах *глобализма* зарубежные ученые У. Бек, Зб. Бжезинский, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Э. Ласло, К. Поппер, А. Тоффлер, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон⁷. Отечественные ученые представили *глобализацию* в аспектах: «ноосферы» («социоэкосферы»)

¹ Хьюбнер, К. Критика научного разума. – М.: ЦОП Института философии РАН, 1994. 326 с.

² Платон. Государство // Хрестоматия по истории философии: в 3 ч. Ч. 3. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 448 с.; Аристотель. Никомахова этика // Собрание сочинений: в 4 т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. 830 с.

³ https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/; Макиавелли, Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия. – Минск: Харвест, 2004. 704 с.

⁴ Декарт, Р. Правила для руководства ума // Сочинения: в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. 654 с.; Спиноза, Б. Трактат об усовершенствовании разума и о пути, которым лучше всего направляться к истинному познанию вещей // Избранное. – Минск: ООО «Попурри», 1999. 592 с.;

⁵ Маркс, К. Ницета философии // Собр. соч. Т.3. – М.: Политиздат, 1967. 466 с.; Энгельс, Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1987. 349 с.

⁶ Гак, Г.М. Учение об общественном сознании в свете теории познания. – М.: Наука, 1967. 356 с.; Грушин, Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. 368 с.; Дубровский, Д.И. Проблема сознания в философии и науке. – М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2009. 472 с.; Келлье, В.Ж. Формы общественного сознания. – М.: Политиздат, 1959. 264 с.; Ковальзон, М.Я. Общественное сознание и общественные науки. – М.: Знание, 1973. 64 с.; Майкова, В.П. Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной России: диссертация...доктора философских наук: 09.00.11. Москва, 2014. 259 с.; Серебрякова, Ю.А. Национальное самосознание и национальная культура: сущность, специфика и взаимодействие: социально-философский аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Иркутск, 1997. 339 с.; Толстых, В.И. Общественное сознание и его формы. – М.: Политиздат, 1986. 367 с.; Уледов, А.К. Структура общественного сознания. – М.: Политиздат, 1968. 346 с.; Фролов, И.Т. Философия и этика науки: итоги и перспективы // Вопросы философии. – 1995. - №7. С.32-37.

⁷ Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Дельта, 2001. 638 с.; Бжезинский, Зб. Выбор. Мировое или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2010. 264 с.; Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире – СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.; Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. 120 с.; Ласло, Э. Макродвиг (К устойчивости мира курсом перемен). – М.: Тайдекс Ко, 2004. 208 с.; Поппер, К. Открытое общество и его враги. – М.: Наука, 1945. Т. I 326 с.; Тоффлер, Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.; Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 437 с.; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: «Terra Fantastica», 2003. 379 с.

В.И. Вернадский, «постэкономического общества» В.Л. Иноземцев, «мир-системы» И.В. Купряшкин, а также *общей теории глобализации* И.М. Подзигун, Г. Салихов, А.Н. Чумаков, Х. Шахназаров⁸. Анализ кризиса дан в трудах зарубежных философов, М. Вебера (идеальные типы), Г.В.Ф. Гегеля (законы диалектики), Т. Парсонса (законы и структура общества), О. Шпенглера, А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассета (кризисы культуры), К. Маркса (кризисы капитализма)⁹, а также отечественных исследователей А.Д. Арманда (человек-природа), А.А. Богданова (тектология), П.А. Сорокина (социально-культурная динамика), Л.Н. Гумилева (теория пассионарности), Н.Г. Левинтова, В.С. Барулина, В.В. Жерехина, С.А. Кузьмина, Д.И. Люри, А.Н. Медушевского, С.А. Яворской, Р.И. Соколовой (общая теория кризисов), Т.Ю. Сидориной (социально-культурные кризисы), А. Геде, В.М. Лейбина, А.Л. Чижевского, Ю.В. Яковца (циклично-генетической динамики и системных кризисов)¹⁰. Формы кризисных процессов в современных обществах в аспектах *глобализма* исследовали отечественные мыслители К.О. Глазунов, Л.М. Карапетян, И.Ф. Кефели, А.С. Панарин, В.В. Шляпников¹¹. Общественное сознание в аспектах духовного кризиса России и Запада изучали зарубежные

⁸ Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. 271 с.; Иноземцев, В.Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.01/22.00.03. – Москва, 1998. 392 с.; Купряшкин, И.В. Капиталистическая мир-система и проблемы современности: социально-философский анализ идей и концепций: дисс. ... канд. филос. наук. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. 170 с.; Подзигун, И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ: дис. ... д-ра. филос. наук. – М.: изд-во РАГС при президенте Российской Федерации. 2003. 384 с.; Салихов, Г.Г. Человек в глобализирующемся мире: социально-философский анализ: диссертация ... доктора философских наук : 09.00.11. - Уфа, 2010. 361 с.; Чумаков, А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. – М.: Канон+, РООН «Реабилитация», 2006. 516 с.; Шахназаров, Г.Х. Современная цивилизация и Россия. – М.: Мысль, 2003. 566 с.

⁹ Вебер, М. Избранные произведения. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. 702 с.; Вебер, М. Избранные произведения. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Прогресс, 1990. 808 с.; Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Эксмо, 2007. 880 с.; Парсонс, Т. Система современных обществ. – М.: Мысль, 1995. 456 с.; Шпенглер, О. Закат Европы. – Новосибирск: ВО «Наука», «Сибирская издательская фирма», 1993. 592 с.; Тойнби, А.Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. 568 с.; Ортега-и-Гассет, Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Избр. труды. – М.: Наука, 1997. 657 с.; Маркс, К. Капитал. Теория прибавочной стоимости // Собр. соч. Т. 26. Ч.2. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1963. 680 с.

¹⁰ Анатомия кризиса / А.Л. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерехин и др. – М.: Наука, 1999. 456 с.; Барулин, В.С. Соотношение материального и идеального в обществе (Методологические аспекты проблемы). – М.: Политиздат, 1997. 143 с.; Богданов, А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2 кн.: Кн.2. – М.: Экономика, 1989.351 с.; Геде, А. Философия кризиса. – М.: Наука, 1978. 356 с.; Гумилев, Л.Н. От Руси к России. – М.: АСТ: Астрель, 2012. 411 с.; Кузьмин, С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. – М.: Прогресс, 1996. 445 с.; Левинтов, П.Г. Социально-философское содержание категории кризис // Философские науки. – 1980. – №1. – С.42; Лейбин, В.М. «Модели мира» и образ человека (Критический анализ идей Римского клуба). – М.: Наука, 1982. 568 с.; Медушевский, А.М. Конституционные кризисы в обществах переходного период // Вопросы философии. – 1999. – №12. – С.7; Сидорина, Т.Ю. Философия кризиса. – М.: Флинта: Наука, 2003. 456 с.; Соколова, Р.И. Глобальный кризис и российское государство: социально-философский аспект: автореферат дисс. ... д-ра философ. Наук. – М.: изд-во РАН Института философии, 2007. 55 с.; Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. 543 с.; Чижевский, А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Наука, 1995. 458 с.; Яворская, С.А. Кризис культуры и кризисное сознание в системе социокультурной динамики: дис. ... канд. ист. наук. – Саранск: ГУ «НИИ гуманитарных наук при прав. республики Мордовия», 2006. 224 с.; Яковец, Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999. 448 с.

¹¹ Глазунов, К.О. Глобализм как предмет социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2002. 167 с.; Карапетян Л.М. О понятиях «глобализм» и «глобализация» // Философские науки, 2003. - № 3. - С.47-60; Кефели И.Ф. Глобализм на перекрестке мнений // Социально-гуманитарные знания. 2003. - № 2. - С.3-17; Панарин, А.С. Глобализм как вызов жизненному миру. За Хайдеггера. – М.: АСТ, 2004. 567 с.; Шляпников, В.В. Социально-философский анализ глобализма и антиглобализма как основных тенденций мирового развития: автореф. дис. ... канд. филос. - СПб., 2007. - 16 с.

мыслители К. Манхейм, Г. Маркузе, Э. Мунье, Ф. Ницше, М. Хоркхаймер, А. Швейцер¹² и отечественные ученые Н.А. Бердяев, А.А. Богданов, Н.Я. Данилевский, Б.К. Джегутанов, Р.К. Омельчук, С.А. Храпов¹³. Вопросами научного теоретизирования диалектики общественного бытия и общественного сознания разных эпох занимались зарубежные исследователи Т. Кун, Л. Лаудан¹⁴ и отечественные мыслители С.Ю. Пискорская, И.А. Пфаненштиль, В.С. Степин, Н.М. Чуринов¹⁵. Кризисное сознание общества периода XIX-XXI вв. активно изучали: за рубежом А. Вебер, Э. Гуссерль, Т. Имамичи, Э. Фромм, К. Ясперс¹⁶ в России Ю.Н. Давыдов, В.А. Кутырев, Н.И. Лапин, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Т.Ю. Сидорина, Н.В. Устрялов, С.Л. Франк¹⁷. Сущность кризисного сознания анализировали В.П. Леньшин, В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова, Л.Л. Штуден¹⁸. Аспекты современного российского общественного сознания активно изучали Л.А. Гусейнова, Г.В. Осипов, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядов¹⁹. Субъективные и объективные основы общественного сознания и способы его регулирования исследованы в трудах

¹² Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. 272 с.

¹³ Бердяев, Н.А. Дух и машина. – М.: Просвещение, 1990. 346 с.; Богданов, А. Наука об общественном сознании (краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). – М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 236 с.; Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М.: Де’Либлири, 2015. – 768 с.; Джегутанов, К.Д. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ: дисс. ... д-ра филос. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. 322 с.; Омельчук, Р.К. Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Улан-Удэ, 2011. 377 с.; Храпов, С.А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России: дис. ... д-ра филос. наук. – М.: изд-во Российского государственного социального университета, 2011. 304 с.

¹⁴ Кун, Т. Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2007. 365 с.; Лаудан, Л. Наука и ценности // Современная философия науки: хрестоматия. – М.: Логос, 1996. С.295-342.

¹⁵ Пискорская, С.Ю. Стиль научного познания и его стандарт: монография. Красноярск: Изд-во Сиб. гос. аэрокосмич. ун-та, 2007. 244 с.; Пфаненштиль, И.А. Глобализация: проблемы и перспективы. – Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2006. 484 с.; Степин, В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.; Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода: философские очерки. 2-е изд., доп. – Красноярск: СИБУП, 2003. 515 с.

¹⁶ Вебер, А. Кризис европейской культуры. Избранное. – СПб.: СПбГУ, 1999. 746 с.; Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философии. Культурология. XX век. – М.: Наука, 1995. 456 с.; Имамичи, Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. – 1995. – №3. – С.79-80; Фромм, Э. Во имя жизни // Человек и социокультурная среда. – 1992. – №2. – С.232; Ясперс, К. Истоки истории и ее цель. – М.: Наука, 1978. 492 с.

¹⁷ Давыдов, Ю.Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории // История теоретической социологии. – 1999. – Т. 3. – С.5-17; Лапин, Н.И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. – 1992. – №1. – С.10-11; Мережковский, Д.С. Атлантида-Европа: Тайна Запада. – М.: Прогресс, 1992. 260 с.; Розанов, В.В. Европейская культура и наше к ней отношение. – М.: Просвещение, 1990. 268 с.; Сидорина, Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 2002. 239 с.; Устрялов, Н.В. Проблема прогресса. – М.: Наука, 1998. 268 с.; Франк, С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. 511 с.

¹⁸ Леньшин, В.П. Формирование массового сознания молодежи в современном мире (социально-философский аспект исследования): дис. ... д-ра филос. наук. – М.: изд-во Академии ФСБ России. 2004. 340 с.; Мантатов, В.В. Синергические стратегии для человеческого развития и окружающей среды // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2013. – №6. – С.14-19; Мантатова, Л.В. Стратегия развития: ценности новой цивилизации. – Улан-Удэ: издательство ВСГУТ, 2004. 242 с.; Мантатова, Л.В. Философские перспективы устойчивого развития информационного общества. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2002. 244 с.; Штуден, Л.Л. Кризис сознания как феномен культуры: автореф. д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2000. 39 с.

¹⁹ Гусейнова, Л.А. Глобальное и региональное в гармонизации социоприродных систем: философско-методологический анализ: автореферат диссертации ... доктора философских наук: 09.00.11, 09.00.08. – Москва, 2009. 42 с.; Осипов, Г.В. Россия и США: новая архитектура взаимодействия // Социологические исследования. – 2016. – №11. – С.35-45; Тощенко, Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.; Ядов, В.А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. – 2014. – №7. – С. 47-50.

В.И. Куйбаря, А.А. Сычева, А.Н. Чумакова²⁰. Будущее российского общества в условиях кризиса общественного сознания может быть скорректировано на основе перспективных проектов евразийства и модернизации, которым посвящены труды А.Т. Горяева, Н.И. Лапина, Ю.В. Яковца²¹. И, тем не менее, отмечается острая потребность в масштабных и целевых исследованиях кризисного сознания российского общества в условиях современных глобализационных кризисных процессов, удовлетворению которой посвящена данная диссертация.

Объект диссертационного исследования – российское общественное сознание в условиях современных глобализационных кризисных процессов.

Предмет исследования – кризисное сознание российского общества в условиях современных глобализационных кризисных процессов.

Цель исследования – выявить особенности кризисного сознания российского общества и влияние на него глобализационных кризисных процессов. Для достижения поставленной цели предлагается решение следующих исследовательских задач:

1) проанализировать сущность современного российского общественного сознания и его влияние на развитие общества;

2) раскрыть содержание современных глобализационных процессов;

3) изучить «кризис» как общественное явление;

4) вскрыть противоречивую природу кризисного сознания как социокультурного и социоприродного явления;

5) систематизировать типы и проблемы кризисного общественного сознания в условиях глобализации;

6) установить взаимосвязь и взаимозависимость глобализации и кризисного общественного сознания;

²⁰ Куйбаря, В. И. «Эколого-информационное общество» как этап развития глобальной цивилизации: мировоззренческо-методологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Иркутск, 2011. 292 с.; Сычев, А.А. Этика экологической ответственности. – М.: Альфа-М, 2016. 320 с.; Чумаков, А.Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. – 20013. - №2. С. 23-37.

²¹ Горяев, А.Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Волгоград, 2003. 251с.; Лапин, Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. – 2014. - №7. – С. 8-19; Яковец, Ю.В. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: научный доклад. – М.: МИСК, 2017. 64 с.

7) раскрыть феномен российского общественного сознания в аспектах современных теорий и концепций глобализации;

8) сконструировать и обосновать концептуальные положения сбалансированного прогрессивно-циклического развития России в проективном и творческом потенциале кризисного сознания.

Теоретическая и методологическая основа исследования, в целом, представлена полидисциплинарным и разноаспектным современным научным мировоззрением и методологией в аспектах социально-философского знания, а также диалектико-материалистическим методом, объективирующим анализ всего многообразия явлений общественного сознания в их противоречивых отношениях, взаимосвязи и динамике развития, исследуемых в диссертации.

Методология представлена также подходами – социокультурным, деятельностным, синергетическим, культурно-историческим, компаративистским, универсального эволюционизма.

Социокультурный подход позволяет исследовать проблемы взаимоотношений общества и человека как единство субъективного и объективного. Деятельностный подход призван уточнить диалектическую взаимосвязь и развитие человека и его бытия, которое он сам создает и воспроизводится вместе с ним. Синергетический подход описывает порядок и хаос, устойчивость и изменчивость общественного бытия и общественного сознания как соотношение организации и самоорганизации в системах общество – природа и общество – человек. Культурно-исторический подход раскрывает прошлое, настоящее и будущее российского общества как единство традиционного и инновационного в их развитии. Компаративистский подход сравнивает Россию с Западом и Востоком в учениях о глобализации и глобализме, Евразийстве и модернизациях. Универсально-эволюционистский подход изучает природу, общество и сознание человека в их диалектической взаимосвязи и развитии как единство материального и духовного.

Исследование опирается на принципы историзма, всеобщей связи и развития, системности, стохастической динамики, самоорганизации, открытости. Принцип историзма устанавливает границы между экстраполяцией и интерпретацией явлений общественного бытия и общественного сознания. Принцип всеобщей связи и развития вскрывает противоречивую основу явлений социоприродного и социокультурного характера в их единстве и борьбе. Принцип системности представляет природу, общество и сознание как комплекс взаимосвязанных элементов. Принцип стохастической динамики (от греч. *στοχαστικός* – «умеющий угадывать») – случайной исследует общественное сознание в аспектах линейного (статистического) и нелинейного (вероятностного) характера в условиях неопределённости (точках бифуркации) российских общественных явлений и процессов. С помощью принципа самоорганизации критически осмысливаются культурно-цивилизационные основы российского общества в аспектах природного (естественного – самоорганизующегося без участия человек) и надприродного (искусственного – организующего с помощью человека). Принцип открытости обобщает воззрения российских и зарубежных философов на сознание российского общества в аспектах преодоления традиций тоталитарных (административно-командных) замкнутых, неразвивающихся объектов.

Применены общенаучные методы познания анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, идеализация, аналогия, моделирование, обобщение и сравнение.

Гипотеза исследования: разрыв в системе бытие-сознание общества составляет диалектическое противоречие, порождающее наиболее острые проблемы современности. Диссертант предлагает на основе изучения сущности, видов и форм кризисного общественного сознания сформулировать концептуальные положения сбалансированного прогрессивно-циклического развития России. Данное исследование - это первый шаг на пути масштабного социально-философского изучения кризисных российских процессов

социоприродной и социокультурной действительности, которое позволит в дальнейшем осуществить корректный выбор новых ориентиров социального развития, поиск кризисным российским обществом своей социокультурной идентичности с целью создания эффективной социальной организации, а также разработки мировоззренческих и методологических принципов построения социально-гуманитарного знания и комплекса наук о природе, соответствующих идеалам и ценностям глобализирующегося мира.

Научная новизна исследования

1. Проанализирована сущность современного российского общественного сознания и его влияние на развитие общества, которая проявляется во всех сферах его жизнедеятельности. Выяснилось, что общественное сознание консервативно, а общественное бытие динамично развивается. Российское общественное сознание с присущими ему конкретно-историческими духовными ценностями, стремится восстановить целостность бытия в аспектах общество-природа и общество-человек. Его целостность задана идеально российской культурно-цивилизационной идентичностью, принципами коллективизма и взаимопомощи, нарождающимся планетарным общественным сознанием.

2. Раскрыто содержание современных глобализационных процессов и явлений в аспектах социально-философского знания как противоречивых тенденций объективного и субъективного характера. Установлено, что основное противоречие глобализации – между стремительными цивилизационными изменениями и консервативностью культуры, а также между объективными общепланетарными процессами, называемыми глобализацией и глобализмом как проектом. Философско-методологическая проблематика глобализации, как единство многообразия, которое оформляет общее основание для актуализации творческих и эвристических потенциалов человека дополняется социально-философскими аспектами модернизации – многообразием человеческих возможностей, реализуемых в диалектическом

единстве социоприродного и социокультурного бытия общества. Глобализация и модернизация как диалектическое единство многообразного и многообразие единства требуют рефлексии культурно-цивилизационных оснований современного общества.

3. Изучен «кризис» как общественное явление. Установлено, что кризис – это перелом в характере движения, переходные состояния, сменяемые друг друга, этапы и качественные изменения в системах общество-природа и общество-человек. В кризисе видна разница между начальным и конечным пунктами развития системы, которая характеризуется в динамике – организационная фаза (строительство, созидание) и дезорганизационная фаза (крушение, разрушение) и проявляется в статике промежуточными фазами между ними в точках «пик, вершина» (депрессия – «скелет, хребет») и «дно, ложбина» (дезингрессия – «прах, пепел»).

4. Вскрыта противоречивая природа «кризисного сознания», которая проявляется в переходные периоды общества. Сознание обнаруживает свою кризисную природу 1) в период «соединения» (организации) новых форм надындивидуального сознания и 2) в период «разъединения» (дезорганизации) старых форм общественного сознания. Организационная фаза характеризуется такой эмоциональной формой, как радость, счастье, удовольствие, а дезорганизационная фаза, как страдание, уныние, несчастье. Исторически кризисное сознание как социоприродное явление представлено следующими формами общественного производства: присваивающей, производящей, рыночной, наконец, цифровой экономикой. Как социокультурное явление кризисное сознание предстает как рефлексия дифференциации видов сознания, например, мифологии, религии, научного и, наконец, планетарного (экологического).

5. Систематизированы типы и проблемы кризисного общественного сознания (КОС) в условиях глобализации. Предмет типологии КОС – разрыв/установление, перестройка/трансформация связей или перемещение

границ в системе общественное бытие – общественное сознание. Деформация связей, в конечном итоге, приводит к КОС, которая выражается в нарушениях его структуры и функций. Классификация типов КОС строится по принципам: 1) *соотношение тип-вид* (некоторые типы и виды совпадают, так как являются устойчивыми, например, экономическое кризисное сознание общества было сформировано на заре человеческой хозяйственной деятельности и воспроизводится сегодня. Некоторые типы появляются впервые, например, экологическое сознание, глобализационное и др.; 2) *кризисная природа*: а) *динамическая организационная и дезорганизационная*; б) *статическая* – достижение «дна» (низ) или «пика» (верх). Классифицируются проблемы кризисного сознания общества путем вскрытия противоречий, которые породили эти проблемы, например, противоречие между культурой и цивилизацией породили болезни и разрушили экологию и т.п.

6. Установлена взаимосвязь и взаимозависимость глобализации и кризисного общественного сознания как диалектического единства материальных и духовных основ противоречивого общественного целого. В результате выяснилось, что основное противоречие современного общества проявляется между стремительными изменениями в структуре общественного бытия и отстающего от него по темпам развития общественного сознания. С одной стороны, глобализация как объективное явление общественной жизни повлияла на общественное сознание, проявив его кризисную природу в условиях перехода от одной формы бытия – локальной, к другой – планетарной. С другой стороны, глобализм как проект, имеющий субъективное основание, актуализировал поиск российским обществом своей социокультурной идентичности с целью создания эффективной социальной организации в условиях перехода от одной формы общественного бытия – к другой.

7. Раскрыт феномен российского общественного сознания (РОС) в аспектах социально-философского знания. Установлены следующие типические черты РОС: 1) атомизация (индивидуализация), 2) критичность, 3) целостность,

4) сопротивляемость переменам, 5) утопичность (эсхатологичность), 6) стремление к единому направляющему вектору развития России, 7) сочетание соперничества и взаимопомощи, 8) альтернативность («или – или»), 9) борьба мировоззрений «большого» общества (масса) с «малым» обществом (элита), 10) иррациональность (проявление самых разнообразных форм чувственности, эмоциональности, верований и т.п.), например, желание и стремление «помочь всему миру», «дружить со всеми народами мира» и др.

8. Сконструированы и обоснованы концептуальные положения сбалансированного прогрессивно-циклического развития России в проективном и творческом потенциале кризисного сознания. Эти положения имеют целью вывести наше общество из затяжного кризиса, который усугубляют *инерция*, *сопротивление* и *перенос* кризисным сознанием деструктивных форм идеального – утопии, фантазии, фобии и др. Данные формы купируют конструктивные социоприродные и социокультурные тенденции, препятствуют раскрытию потенций сознания и снижают его активность. Регулирование процессов социокультурной идентичности российского социума и его социоприродной адаптации возможно на основе баланса состояний устойчивости/изменчивости и переходов к стабилизационной реальности через кризисную реальность.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Став кризисным в результате отражения кризисных процессов общественного бытия и, испытав собственные качественные изменения, общественное российское сознание стремится к уравниванию (балансу) культурных и цивилизационных составляющих. Это равновесие оформляется путем преодоления разрыва между материальными и духовными основами общества. В России стабилизация общественного сознания возможна через управление коэволюционными процессами в системах общество-природа и общество-человек на основе установления синергетического равновесия между внешними глобализационными и внутрироссийскими процессами.

2. Глобализация, по сути, – это кризис современного бытия общества, проявляется в виде перехода общества из одного качественного состояния (локального) в другое качественное состояние (планетарного) и требует целостного взгляда на мир. Наряду с прогрессивными глобализационными тенденциями проявляются тенденции регрессивного деглобализационного характера: стремительные цивилизационные изменения уравниваются консервативностью культуры. Сегодня глобализация создает предпосылки для развития российского общества в виде двух моделей. Первая – перспективная – открыть в духовных глубинах культуры ответ на вызовы современности, что всегда выводило российское общество из кризиса через сохранение жизнеспособных форм общественного бытия и сознания. Вторая – тупиковая – принять, навязываемые «мондиалистские» проекты, препятствующие развитию России как многоконфессиональному и многонациональному государству, учитывающему интересы разных народов.

3. «Кризис» как социально-природный процесс и как социально-культурное явление в условиях глобализации свидетельствует о том, что Россия прошла точку невозврата в прежнее состояние, ее настоящее требует философско-методологической рефлексии, а будущее – проектной социально-философской детерминации. Концептуально выход из кризиса для нашей страны будут определять культурно-цивилизационные детерминанты развития, основанные на законах целого, реализуемые через согласованные действия бытия и сознания общества в условиях глобализации в аспектах устойчивого развития и становления ноосферной цивилизации.

4. В современном российском обществе возникла острая необходимость философско-методологического анализа проблем социоприродного и социокультурного характера. Решение этих проблем в аспектах социально-философского знания будет оформляться в парадигмах устойчивого развития на основе коэволюции российского общества в аспектах неоевразийского и других проектов, противостоящих мондиалистским тенденциям. Синергетика

российского социума с мировым сообществом будет осуществляться через разрешение противоречий между кризисным общественным сознанием России и нарождающимся планетарным (ноосферным) сознанием. Баланс между кризисным сознанием, порожденным глобализацией и нарождающимся стабилизационным сознанием нашего общества и ноосферным сознанием, будет достигнут путем уравнивания цивилизационной и культурной компоненты.

5. Философско-методологические подходы типологии и социально-философские аспекты проблем кризисного общественного сознания (КОС) восходят к диалектически противоречивому единству общественного бытия и общественного сознания в эпоху глобализации. Систематизация КОС, с одной стороны, включена в известные теоретико-познавательные (материализм-идеализм и др.) концепции и практико-ориентированные подходы (капитализм-социализм и др.), с другой стороны, имеет собственную природу, а потому занимает особое место в структуре философской рефлексии. Типология КОС в целях создания эффективной социальной организации всех уровней и направлений развития классифицируется по признакам: *организационные* (созидательные) и *дезорганизационные* (разрушительные) тенденции, а также установление их *места положения* – это «верхние» и «нижние» точки развития. Российское КОС сегодня охватывает социум – своего совокупного носителя – и сферы его общественного бытия, поэтому его проблемы устраняются через разрешение противоречий, его сформировавших и восстановление баланса (равновесия) в системе общественное бытие – общественное сознание.

6. Глобализация как объективный процесс, объединяющий человечество в единую систему жизнеобеспечения и жизнедеятельности, создала предпосылки для формирования единого материально-духовного комплекса. Глобализм в виде мондиалистских проектов (американизация, вестернизация) доказывают обратное, что трансатлантический и транстихоокеанский союзы, основанные на

принципах механицизма и редуционизма и индивидуалистическом типе общественного устройства, не намерены вступать с нашим обществом в единую взаимовыгодную коалицию. Для российского общества, основанного на культурных традициях холизма и коллективистском типе общественного устройства, глобализация воспринимается, как возможность совместить свой вектор духовности (синоним целостности) и вектор глобализации – формирование планетарного (ноосферного) сознания, как необходимость интеграции человечества в единую систему жизнеобеспечения и безопасности.

7. Феноменальность российского общественного сознания (РОС) предполагает и выход из кризиса российского социума не через реформы, а через познание его кризисной природы и специфики, глубинные основы его иррациональности, «архетипы» и др. Российское общество в условиях затянувшегося кризиса не может ожидать изменений объективного, судьбоносного характера. Процесс выхода из кризиса предполагает активную работу общественного сознания через самопознание социумом его причинно-следственных связей и отношений. Разрешение противоречий, сформировавших феномен РОС, строится через *направление* тенденций РОС в конструктивное русло проводимых российских реформ, *уравновешивание* другими нарождающимися конструктивными силами и центрами и *преследование/ограничение* деструктивных тенденций РОС.

8. Концептуальные положения сбалансированного прогрессивно-циклического развития России в проективном и творческом потенциале кризисного сознания – это систематизированная социально-философская рефлексия проблем антропосоциогенеза и философско-методологическая проектная детерминация будущего нашего общества, реализуемая посредством актуализации потенциала кризисного сознания. Синергетика «национальной мысли» и «мировых событий» (Н.А. Бердяев) – вот ключ к решению проблем России. В условиях затяжного, тотального, изматывающего кризиса наше общество может выйти из него только за счет активного влияния сознания на

бытие общества, но для этого социум должен разрешить проблемы своего кризисного сознания. Данные положения позволяют установить природу и содержание кризисного сознания, выявить степень его влияния на общественное бытие, в результате чего появляется возможность активного продвижения российских реформ.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что сформулированные в исследовании теоретические выводы углубляют и расширяют представления о сущности и существовании общественного сознания и глобализации, подвергшихся кризису, позволяют делать более широкие сравнительные выводы. Результаты, полученные в ходе исследования, расширяют и углубляют методологический базис социально-философских исследований общественного сознания в условиях кризисных глобализационных процессов, дополняя гносеологический подход к пониманию общественного сознания как ведущего компонента социоприродных и социокультурных изменений российского общества.

Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов в разработке и реализации проектов культурно-цивилизационного характера в целях анализа и регулирования кризисных общественных процессов в аспектах общественного сознания на муниципальном, региональном и национальном (федеральном) уровнях.

Материалы и выводы исследования используются диссертантом во время чтения лекций и проведения семинарских занятий в ФГБОУ ВО «КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, а также при подготовке учебных пособий по философии, глобалистике, регионоведению и спецкурсу «Современные процессы глобализации» на философских, обществоведческих, гуманитарных, международных факультетах высших учебных заведений г. Красноярск и Российской Федерации.

Апробация результатов исследования: Положения диссертационного исследования апробированы на:

а) Всероссийской конференции с международным участием «Социально-культурные процессы в современных условиях интеграции и дезинтеграции» (г. Улан-Удэ, 27-29.06.2017 г.): выступление с докладом «Россия в условиях трансформации: философский анализ кризисных социально-культурных и социально-медицинских тенденций»;

б) Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современные тенденции развития педагогических технологий в медицинском образовании», посвященной 75-летию КрасГМУ (г. Красноярск, 1-2.02.2017 г.): выступление с докладом «Формирование общекультурных компетенций студентов медицинского вуза в аспектах развития критического мышления»;

в) Всероссийской конференции с международным участием «Специфика образования (воспитания) в XXI веке: интеграция эпистемологического, онтологического и аксиологического подходов» (г. Новосибирск, 05-07.12.2016 г.): выступление с докладом «Философия медицинского общественного сознания в аспектах российской системы образования в условиях глобализации»;

г) XI международной конференции («Байкальская встреча») «Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире» (г. Улан-Удэ, 16-19.06.2016 г.): выступление с докладом «Интеллигенция – ведущая сила современности: философский анализ кризисных явлений российского общества»;

д) VII Российском философском конгрессе (г. Уфа, 05-10.10.2015 г.): выступление с докладом «Социально-философский анализ кризисных явлений образования в России» на секции «Философия образования»;

е) заседаниях кафедр: глобалистики и геополитики СФУ, философии СФУ, философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета;

ж) заседаниях Красноярского отделения РФО 18.02.2010 г. и 25.03 2015 г., где были представлены концептуальные положения сбалансированного

прогрессивно-циклического развития России в проективном и творческом потенциале кризисного сознания.

В частности:

1. Для Гуманитарного института СФУ разработан дистанционный курс по подготовке специалистов в сфере общественной дипломатии и международных отношений «Глобальные проблемы человечества. Роль и место России в их разрешении». На кафедре «Глобалистики и геополитики» подготовлены публикации учебных пособий проекта «РУСЛЮ» для аспирантов в контексте глобальных изменений образования и общественного сознания.

2. Для «Центра тестирования профессионального образования» СибГТУ разработана «Методология исследования трудных жизненных ситуаций граждан группы риска, способы профилактики социальных кризисов» и «Методика определения типа современного безработного и методы работы с ним».

3. За период с 2007 по 2016 гг. некоторые идеи диссертации были опубликованы в:

18-ти статьях журналов перечня ВАК: «Вестник БГУ», «Философия образования»; «Профессиональное образование в современном мире»; «Историософские, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики», «Известия высших учебных заведений Поволжский регион. Серия «Гуманитарные науки»; «Глобальный научный потенциал»; «Век глобализации»;

2-х монографиях «Кризисное сознание в контексте глобализационных процессов», «Природа кризиса сознания в эпоху глобализации: социально-философский анализ актуальных общественных явлений»;

59-и статьях международных, общероссийских и межвузовских сборниках философской, общественной и социально-гуманитарной направленности.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, содержащих по три параграфа каждая, заключения и библиографического списка. Общий объем **328** страниц машинописного текста.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗИЦИОННЫХ КРИЗИСНЫХ ПРОЦЕССОВ

1. Сущность общественного сознания

Общественное сознание как социально-философская категория и как социальное явление характеризуют одну из сторон общественной жизни – отражение новых для человечества свойств и качеств социального бытия. В условиях глобализации произошло качественное изменение духовной сферы человека, которому способствовала реализация проекта «планетарного масштаба» в виде манипулирования общественным сознанием с использованием Интернета и других информационных технологий. Оно непосредственно связано с общественным бытием, определяется им, но как активно-творческий процесс предстает в виде идей, теорий и стремлений людей, оказывающих, в свою очередь, влияние на общественное бытие. В аспектах настоящего диссертационного исследования общественное сознание представляет собой диалектическое единство материального и идеального культурно-цивилизационного комплекса мирового социума в целом, и российского социума, в частности.

Общественное сознание отражает, координирует и преобразует материальное бытие общества, являясь при этом, самостоятельной и относительно независимой формой духовности культуры. Общественное сознание – это противоречивый, многоаспектный, многоуровневый и динамический процесс, поддерживаемый активностью индивидуальных сознаний.

Как культурно-цивилизационный компонент оно содействует воспроизводству общества в единстве его глобализационных и модернизационных процессов и явлений в настоящий период. В целом, общественное сознание как совокупность надындивидуальных сознаний,

выраженное в его познавательно-преобразовательной творческой способности, всегда направлено на поиск и решение проблем общества.

Теоретико-методологические основания анализа общественного сознания в настоящий период требуют уточнения. И.Т. Фролов полагает, что «методология в широком смысле имеет дело с принципом объективности и детерминизма, историзма и системности, с анализом логической природы, методов и приемов конкретного исследования в науке. Эти методологические основания мы сегодня стремимся развивать, следуя принципу плюрализма и свободы мышления» [312, 32-33]. По его мнению, «человечество на пороге XXI столетия оказалось перед лицом глобальных изменений, которые заставляют решать нетрадиционные задачи в таких областях, как экология, демография, образование, медицина, ядерная безопасность, ресурсы жизнеобеспечения, информация. Важно, чтобы ориентиром этого поиска стало утверждение приоритета человека как «меры прогресса», достоинства и самоценности человеческой личности» [Там же, С.35-36]. В конечном итоге, этос истинной науки остается неизменным: принцип объективности и органическое соединение его с гуманистическими ценностями, свобода научного поиска и ответственность ученых перед обществом, человеком и человечеством.

Исторически вопрос о сознании (со-знании, сознавании) или отношении внутреннего, идеального и внешнего, материального мира человека возник очень давно. Так, еще Аристотель отмечал, что «сама отдельная вещь и суть ее бытия есть одно и то же не привходящим образом, и это ясно еще и потому, что знать отдельную вещь – значит знать суть ее бытия, так что и из рассмотрения отдельных случаев следует с необходимостью, что обе они нечто одно» [8, с. 196-197]. Стоики были первыми, кто обратил внимание на то, что должно быть нечто общее, объединяющее мир чувств и внешний мир человека, ему противостоящий.

С.Л. Франк об этом писал следующее: «В древности, которой – как это ни кажется нам странным – вообще понятие сознания было чуждо, оно было

впервые введено стоиками, как со-знание (συναίσθησις)», т.е. как высшее, общее знание о нашем «я», сопутствующее всем частным ощущениям и впечатлениям» [309, с. 54]. Так, древние греки полагали, что есть две стороны процесса познания, ориентирования человека в мире: «я» и «не-я», что имеет практический смысл. По его мнению, «сознание должно быть со-ведением, совестью – тою стороною сознания, которая главенствует над остальными и через посредство которой разум управляет нашими страстями, стихиями нашей душевной жизни» [Там же, с. 54].

Тема сознания становится актуальной в кризисные (переходные) периоды в развитии общества. Н. Макиавелли также писал следующее о всеобщности человеческих проблем и работе сознания: «Один образ действий соответствует особенностям времени, а другой не соответствует. Судьба изменчива, а человек упрямо отстаивает свой образ действий, так что, пока между ними единство, человек продолжает процветать, а когда приходит несогласие его процветание заканчивается» [174, с. 116-117]. Переход общества от одной ступени к другой в своем развитии предполагает, прежде всего, изменение сознания. Так в эпоху глобализационных изменений общественное сознание формируется, как проект – заинтересованными в «омассовлении» определенными кругами, с другой стороны, как настоятельная потребность – общими проблемами:

- отношения основных социальных общностей: Север и Юг, Запад и Восток, богатые и бедные;
- взаимодействие общества и природы;
- отношения человека и общества.

Общественное сознание в марксизме отражает общественное бытие и предстает как совокупность коллективных представлений, присущих определённой эпохе, отражая, в то же время, по сути, все богатство духовного, идеального мира конкретного общества.

Опираясь на диалектико-материалистическое понимание истории, мы исследуем противоречия в системе «общественное бытие – общественное

сознание» в их единстве и многообразии, полагая, что изменения в общественном бытии влекут изменения в общественном сознании, и, наоборот. Разумеется, общественное сознание невозможно отделить от его носителя – социума, который сформирован историческим прошлым и настоящим – системой производственных отношений, которые объединяют систему отношений человек – общество и общество – природа.

Исходя из понимания общественного сознания К. Марксом – это форма идеального мира человека, которая определяется, в конечном итоге, материальным общественным бытием, хотя и имеет, в то же время, собственное существование и оказывает на него активное влияние. Отказ от материалистического взгляда на историю, попытка воздействовать на взгляды и поступки людей, полностью игнорируя их обусловленность общественным бытием, ведет к социальному хаосу.

Ф. Энгельс по этому поводу писал следующее: «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это – исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и, вместе с тем, очень различное содержание» [350, с. 26-27]. Связь времен и сознания, общественного сознания и общественного бытия – вот вечный круговорот жизни общества. Сознание в целом и производное от него понятие и явление общественного сознания, суть отражение бытия (общественного бытия).

Согласно К. Марксу, «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Мир явлений сознания есть нечто идеальное, а идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [188, с. 25] и «сознание уже с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» [186, с. 27].

Ф. Энгельс констатировал в этой связи: «Великий основной вопрос философии есть вопрос об отношении мышления к бытию, духу и к природе» [352, с. 31-32]. Отсюда можно сделать два вывода:

1) общественное сознание вторично, общественное бытие первично (что очевидно на первый взгляд, но очень важно для доказательства в дальнейшем природы кризисного общественного сознания);

2) общественное сознание оказывает «обратное» воздействие на структуры общественного бытия (что совсем не очевидно при доказательстве роли кризисного общественного сознания в жизни общества в условиях глобализации).

Экономическое положение – это причина и активность, а все остальное – пассивное следствие. Взаимодействие всех сторон жизни общества происходит на основе экономической необходимости, всегда прокладывающей себе путь. Исходя из материалистического понимания истории общества определяющим для научной парадигмы моментом, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, «является производство и воспроизводство действительной жизни на экономической основе, которая, в свою очередь, и порождает идеологические формы отражения материальной стороны жизни общества» [187, с. 394-395]. В классовом обществе сознание имеет ярко выраженный классовый характер, существуя в виде классового сознания. В переходный период общества оно выражается как эпохальное (например, глобализационное) сознание, отражающее глобализацию, приобретает качества кризисного сознания как объективного явления.

Общественное бытие включает в себя всю совокупность объективных общественно-практических отношений, возникающих на базе производственных отношений, и материальные элементы производительных сил.

Общественное сознание включает в себя совокупность всех учений, взглядов, знаний и переживаний членов данного общества, возникающих как результат отражения общественного бытия. Эти категории являются центральными в историческом материализме, положения которого разделяет и придерживается диссертант.

Таким образом, не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Поэтому изменяясь условия жизни людей, их общественные отношения, их общественное бытие, изменяются также о них представления и взгляды. Но не все так очевидно в условиях глобализации, когда человечество достигло пределов своего земного бытия – освоило околоземное пространство (космос), проникла в глубины микрочастиц (микрокосмос), но предельно размножившись и практически исчерпавши ресурсы, человечество оказалось на грани деградации и вымирания. Ф. Энгельс по этому поводу писал, критикуя Е. Дюринга: «Мир един не потому, что мысль объединяет все явления, а потому, что мир материален, что все явления и процессы природы суть проявления движущейся материи» [348, с. 37]. В целом, общественное сознание – это совокупность идеальных форм человеческой деятельности, соответствующих определенной эпохе, а также понимание и отношение конкретного общества, социальных классов (групп) к этой деятельности и своему общественному бытию. Уточним понятие и явление *общественное сознание* в трудах советских ученых и философов нашего времени.

В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон отмечают: «Общественное сознание – это отражение реального жизненного процесса людей, их общественного бытия, возникающее на основе общественно-исторической деятельности людей, практики. Формами сознания современного общества являются политические идеи, правосознание, мораль, религия, искусство и художественные взгляды, философия» [123, с. 6]. Они пишут о том, что «признание специфики различных форм материи и соответствующих им форм или ступеней развития свойства отражения и, в частности, признание определенной специфики общественного бытия и общественного сознания» [129, с. 5-6].

А.К. Уледов полагает, что «общественное сознание отражает материальный мир и проявляет себя через многообразные идеи, представления, взгляды, настроения людей. Во всех структурных образованиях мы имеем дело

как бы со всем общественным сознанием, обнаруживающим себя с той или иной стороны, на том или ином уровне отражения действительности, сохраняющим то или иное состояние и т.д.» [300, С. 5]. Проблема исследования структуры общественного сознания во многом будет зависеть от обоснованности методологических принципов научного анализа сознания, которое является одним из самых сложных явлений общественной жизни.

Общественное сознание, образуя одну из подсистем общества в целом, должно рассматриваться в качестве совокупной характеристики последнего. Как отражение общественного бытия оно создает новую, иную, «идеальную действительность» с новым пониманием функций, роли и места отдельных элементов ее в общественном развитии.

По мнению В.И. Толстых, «социальная сущность и функции сознания в рамках социально-философского знания выступает как вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания, решаемый материализмом и идеализмом с принципиально противоположных позиций» [282, с. 10]. Следовательно, общественное сознание первоначально возникло в результате общественного разделения труда, когда человеческая деятельность обрела новые всеобщие формы сознания в виде их социальности, например, политическое сознание, правовое сознание, мораль, искусство, религия, наука, философия.

А.В. Леопа пишет о значимости «исторического сознания». Согласно философу, «задачей исторического сознания является восстановление прерванной связи между историческими корнями и будущим, которая образует основные ориентации человека в современном мире» [167, с. 21]. Сегодня общество в условиях переходного периода испытывает потребность в преемственности прошлого опыта, традиций как основополагающего ядра всего культурного наследия, чтобы избежать прежних ошибок и войти в будущее, имея твердое духовное и материальное основание для развития.

Ю.А. Серебрякова отмечает такой феномен общественного сознания как «национальное самосознание, которое еще только начинает формироваться как массовый феномен со всеми издержками и противоречиями, присущими периоду становления» [251, с. 4]. Актуальность анализа национального самосознания связана с необходимостью создания обновленной теории нации, соответствующей реалиям современного мира, в котором наряду с тенденциями взаимодействия и интеграции народов наблюдается стремление к сохранению ими этнического и культурного своеобразия» [Там же, с. 4]. Следовательно, национальное самосознание – это один из ключевых компонентов общественного сознания любого национально-государственного образования, без которого невозможно развитие общества.

Согласно А.И. Ракитову, «общественное сознание не является простой суммой индивидуальных сознаний людей, живущих в данное время и в данном обществе. Оно есть то общее, что содержится в сознании членов общества, классов и общественных групп в ту или иную историческую эпоху» [233, с. 133]. Общественное сознание отражает и познает не только производственные отношения и производственную деятельность и тем сильнее воздействует на общественное бытие, чем точнее его отражает.

Б.А. Грушин пишет о роли и месте общественного сознания в жизни общества следующее: «Общественное сознание, объективируемое, с одной стороны, как материальная и духовная культура человечества, с другой – реализуется во множестве едва уловимых, проявляющихся лишь в «текущих» поступках людей образований вроде традиций и настроений, нравов и верований, социальных симпатий и предрассудков» [75, с. 24]. В основном, созданное предшествующими поколениями, оно в каждый момент своего существования общества рождается буквально «на глазах», в потоках мыслей и чувств живущих поколений. В то же время, сознание существует в обществе не только в его индивидуальных, но и в надывидимых, в том числе непосредственно общественных, формах.

А.Г. Спиркин полагает, что «сознание имеет не только внутриличностное бытие, оно объективируется и существует надличностно» [263, с. 47-48]. Так, общественное сознание, не совпадая с индивидуальным сознанием, образует качественно особую духовную систему, живущую своей относительно самостоятельной жизнью. Его нельзя представить обособленно, вне духовной культуры. Овладевая продуктами духовного производства, «распредмечивая» их, т.е. переводя в идеальный план заключенное в них содержание, люди тем самым овладевают и общественным сознанием.

Согласно Э.В. Соколову, «до сих пор нечетко различаются простые, функционально однородные частички общественного сознания, то есть «элементы» в собственном смысле, и более сложные образования, состоящие из ряда функционально неоднородных элементов» [257, с. 45].

Г.М. Гак наряду с идеологией выделяет в структуре общественного сознания собственно познание, общественную психологию и идеологию [60, с. 3, 42, 79].

В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон пишут: «В структуре общественного сознания наблюдаются срезы, в том числе на глобальном, то есть касающемся системы в целом, уровне ее расчленения. В сфере отражающего сознания (знаний) традиционно выделяются два уровня – так называемого обыденного и теоретического сознания» [124, с. 11-12].

Д.И. Дубровский отмечает: «Содержание понятия сознания многомерно, не поддается линейному упорядочению. Оно охватывает не только индивидуальное сознание, но и разные формы общественного сознания (групповое, массовое, институциональное и т.д.); будучи системообразующей философской категорией и определяя многочисленные устоявшиеся темы и направления исследований, оно, вместе с тем, занимает центральное место в психологии и психиатрии, широко употребляется в социологии, в гуманитарных науках, в естественнонаучных дисциплинах» [99, с. 5]. Поэтому тот, кто решает вопросы тех или иных социальных групп, например, государство, представители

финансово-промышленных групп, политическая, экономическая элита, тот и формирует общественное сознание.

В.П. Майкова полагает, что «общественное сознание представляет собой духовную сферу общества и играет в его жизни такую же роль как в судьбе индивида играет его разум. Через и посредством общественного сознания формируется в обществе правопорядок, осуществляется согласование усилий индивидов, различных социальных групп общества в решении проблем общественного развития» [173, .3]. Глобализация в сфере общественного сознания изменяет и характер приема, хранения и использования знаний об обществе, которые зачастую, не отражают сущность общественного бытия и перестают быть значимыми и для человека, и для общества [Там же, с. 3]. Общественное сознание в определенных случаях может и не соответствовать общественному бытию, ибо способно саморазвиваться – опережать общественное бытие (теории, идеи) или отставать от него (несформированность глобализационного сознания как ответ на вызовы современности).

Согласно О.А. Ермолаевой, «в современном понимании общественное сознание определяется как совокупность научных идей и теорий, обыденных чувств, настроений, привычек и традиций, которые отражают реальную жизнь общества и окружающего мира» [105, с. 60]. Она выделяет в общественном сознании «четыре социальные функции:

- 1) познавательную;
- 2) производственную (она превратилась в непосредственную производительную силу общества);
- 3) культурно-мировоззренческую;
- 4) прогностическую – прогнозирование дальнейшего развития действительности – природы и общества» [Там же, с. 68].

Общественное сознание, таким образом, есть отражение общественного бытия и, в частности, отражение общественных отношений. Социально-регулятивный потенциал общественного сознания – это совокупность

имеющихся нормативных возможностей для упорядочения общественных отношений в различных сферах социума.

По мнению К.С. Арутюнян, «современное общественное сознание – это сложная динамическая система, которая представляет собой совокупность научных идей и теорий, обыденных и профессиональных знаний и навыков, а также психологических чувств, настроений, привычек и традиций, которые отражают реальную жизнь общества и окружающего мира» [14, с. 37]. Ученый отмечает «новые» формы общественного сознания: научное, экологическое, педагогическое, медицинское, историческое» [Там же, с. 40-41]. Эти и другие «новые» формы, например, управленческое, информационное, также могут претендовать на свое место в ряду классических форм общественного сознания, потому что они: 1) охватывают общество в целом; 2) устойчиво воспроизводятся со своими носителями – управленцами, информационщиками, которые, похоже, заняли свое место в социуме надолго и являются востребованными обществом.

О духовном общественном сознании в аспектах целостности и гармоничности пишет Б.Ц. Жамбалдоржиев следующее: «Одной из причин приближающейся экологической катастрофы является непонимание и игнорирование всеединства мира, где человек представляет одно из звеньев бесконечной цепи взаимодействий в природе. Мир живет по законам целого. Необходим целостный подход ко всем сторонам общественного развития, обеспечивающим гармоничность единой социальной системы» [106, с. 3]. По его мнению, «целостный подход к социальным явлениям – важнейшее условие преодоления экологического кризиса. Современное экологическое сознание представляет лишь первую ступень осознания единства человека со всем миром как равных партнеров, а духовное сознание выражает идею глубинного «родства» всех процессов и явлений мироздания» [Там же, с. 3-4]. Смысл и значение духовных ценностей в том, чтобы сформировать всеобщую целостность бытия, полагая, что единство человека и природы на идеальном

уровне задано генетически. В контексте исследования философа «духовное сознание» и «общественное сознание» являются синонимами, потому что имеют одни и те же смысловые основания, которые можно выразить словами целостность, системность, гармоничность и единство природного и человеческого.

П.Т. Караева, обобщая выводы своего исследования об общественном сознании, пишет следующее: «В реальных исторических условиях общественное сознание предстает в различных видах общественного сознания: родоплеменного, народностного, национального; в настоящее время формируется новый исторический вид общественного сознания – глобализационное общечеловеческое сознание» [119, с. 115]. Назрела необходимость формирования планетарного общественного сознания, чтобы ответить на вызовы современности. В результате анализа трудов философов и ученых можно сделать следующие выводы.

Во-первых, будучи первичным, материальным, общественное бытие обуславливает не только содержание, но и формы общественного сознания.

Во-вторых, все изменения общественного сознания прямо или косвенно вызываются изменениями в общественном бытии.

В-третьих, общественное сознание может активно влиять на изменение и развитие общественного бытия, но само это влияние, в конечном счете, определяется объективными законами развития и функционирования общественного бытия.

В-четвертых, современное общественное сознание – это сложная динамическая система, которая представляет собой совокупность обыденных настроений и мировоззренческих установок, эмоций и психологических чувств, привычек и традиций, которые отражают реальную жизнь общества и окружающего мира, а также научных идей и теорий, обыденных и профессиональных знаний и навыков.

В-пятых, оно обретает сегодня новые формы, например, медицинское сознание, экологическое сознание, управленческое сознание, информационное сознание, педагогическое сознание, глобализационное сознание, которые связаны с общественными преобразованиями и дифференциацией общественного труда, что находит отражение в видах деятельности социальных субъектов, которые и становятся носителями этих форм общественного сознания.

В-шестых, оно противоречиво и одно из противоречий, которое характеризует общественное сознание – это противоречие между воспроизводством традиционных форм социальности, например, институты семьи, родительства, отцовства, материнства и новообразованиями – рождение потомства «в пробирках», речь идет об ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), трансплантация органов от живых доноров и трупов. В данном случае мы подчеркиваем феномен консервативности общественного сознания, его сопротивляемости нововведениям, чаще всего, рожденным экономическими и технологическими нововведениями, преследующими извлечение прибыли и игнорирующими элементарные морально-нравственные нормы, не учитывающие межнациональные и межконфессиональные связи и отношения.

В-седьмых, одной из форм общественного сознания можно выделить в особую группу массовое сознание – это собирательное понятие, обозначающее сознание значительной части людей, массы граждан, принадлежащих чаще всего к разным социальным группам, слоям и классам. Оно не синонимично общественному сознанию и характеризуются, как правило, влиятельным в обществе мировоззрением, имеющим политическое содержание. Например, к носителям массового сознания можно отнести участников масштабных политических, социокультурных и иных движений современности в России, например, «Единороссы» (члены политической партии «Единая Россия»), «клубберы» (любители ночных клубов), «фанаты» (болельщики почитатели

спортивных команд) и т.п. Соответственно, массовое сознание этой части социума формируется именно их предметной деятельностью – политической, развлекательной. Проявляется массовое сознание в виде восприятия социальных явлений, за которыми они следят и в которых участвуют, а также в том, каким образом они воздействуют на эти социальные явления и как они воспроизводятся в этом виде социальной реальности как носители этого массового сознания.

Общественное сознание можно определить, как процесс активного деятельного духовного отражения социумом общественного бытия. Оно включает в себя весь колоссальный объем духовной культуры человечества. Таким образом, общественное сознание – это *процесс*. Оно непрерывно развивается, совершенствуется, обогащается новыми знаниями, новой ментальностью. В развитии его существует преемственность, обеспечивающая определенную самостоятельность общественного сознания, взаимовлияние и взаимодействие его уровней и форм.

Общественное сознание *активно*. Активность его проявляется не только в непрерывном, возрастающем стремлении к развитию и обогащению новыми знаниями. Общественное сознание оказывает огромное обратное воздействие на бытие общества, на всю общественную жизнь. Оно служит важнейшим и необходимым фактором решения встающих перед обществом проблем. Без общественного сознания не было бы общества как такового.

Общественное сознание *деятельно*. Сила его воздействия на общество зависит от полноты и точности отражения в общественном сознании реальных закономерностей и потребностей общества, от конкретных условий и объективных возможностей изменения общественного бытия, от связи сознания с практической деятельностью. При этом следует заметить, что по мере прогрессивного развития общества роль общественного сознания все более возрастает.

Общественное сознание *исторично*. Общественное сознание различных исторических эпох существенно отличается друг от друга не только по своему уровню развития, но и по качественным показателям. Достаточно сопоставить сознание людей рабовладельческого и рыночного общества или сознание людей дореформенной Петровской эпохи в России и современное сознание.

Структура общественного сознания достаточно сложна. Оно имеет сферы, типы, виды, уровни и формы. Все эти элементы общественного сознания взаимосвязаны и взаимообусловлены. У общественного сознания две сферы: индивидуальная и социальная. Общественное сознание неотделимо от индивидуального, хотя индивидуальное сознание очень специфично. Сознание каждого человека в определенной мере обусловлено его особенностями, воспитанием, условиями жизни, ментальностью. Вместе с тем всякое индивидуальное сознание формируется и развивается под определенным влиянием тех материальных и духовных условий, в которых живет человек. Именно этим определяется исторический характер и деятельностное влияние общественного сознания. Вступая в жизнь, каждый индивид застаёт сложившуюся материальную и духовную культуру общества. Он в меру своих способностей усваивает ее. Под ее влиянием формируется менталитет индивида. И все же определяющее влияние общественного сознания не снижает индивидуальности личности, специфичности ее сознания. С другой стороны, общественное сознание не может развиваться без своего носителя – без людей, без индивидов. А мозг индивидов не мог бы функционировать вне всего исторического и культурного наследия общества. Излагая все это, следует подчеркнуть, что общественное сознание не арифметическая сумма индивидуальных сознаний, а качественно новое явление – своеобразная объективная действительность. Каждый человек, придя в этот мир, наследует созданную поколениями систему общественного сознания. Он вносит в нее свой посильный вклад. Но каждый человек смертен, и, прожив какой-то отрезок

времени, он уходит в небытие. А общественное сознание остается и воспринимается, и развивается все новыми и новыми поколениями.

К типам общественного сознания относятся уровни развития и особенности общественного сознания различных эпох в развитии человечества: общественное сознание первобытнообщинного общества, рабовладельческого, феодального и рыночного общества. Сейчас формируется сознание общества новой информационной цивилизации XXI века.

К видам общественного сознания относятся: общественные взгляды, общественное мнение, общественное настроение.

По уровню отражения действительности в общественном сознании выделяются два уровня: обыденное сознание и теоретическое сознание (идеология).

Общественное сознание многообразно, многопланово, многоуровнево. Оно включает в себя ряд форм, представляющих собой различные способы духовного освоения действительности. Каждая форма имеет свой особый способ отражения действительности, по-своему воздействуя на общественное бытие.

По мере общественного прогресса и развития общественного сознания количество его форм, естественно, возрастает. В первобытном обществе существовало только обыденное сознание. Оно проявлялось в трех формах: мораль, эстетическое и религиозное сознание. В настоящее время функционирует 6 форм общественного сознания: политическое, правовое, нравственное, эстетическое, философское и религиозное. Ряд форм общественного сознания формируется, например, экологическое. Все современные формы общественного сознания проявляются и в обыденном, и в теоретическом сознании, разумеется, на разных уровнях и в различном качестве.

По своему характеру и направленности формы общественного сознания делятся на субъектно-субъектные и субъектно-объектные. Каждая форма

сознания имеет свой субъект и объект. Субъектно-субъектные формы общественного сознания имеют своим объектом другой субъект. А объект субъектно-объектных форм сознания, как правило, не одушевлён и не может быть субъектом. К субъектно-субъектным формам относятся: политическое сознание, правовое сознание и нравственное сознание. Общественное сознание имеет следующие типические характеристики:

1) выступает как оценочно-познавательная деятельность социальных общностей, результатом которой являются коллективно выработанные и широко распространенные суждения, эмоции и поведенческие установки по общественно значимым проблемам и явлениям;

2) может выражать точку зрения определенной социальной группы, наделенной властью и их идеологические установки в виде публичных высказываний или единую коллективную точку зрения социума в целом;

3) является синонимом духовной жизни общества, в которой отражаются потребности и интересы общества в их целостности, системности и гармоничности материального и идеального, природного и общественного;

4) является одним из способов понимания и истолкования мира;

5) содержит взгляды, эмоции, поведенческие установки, чувства, побуждающие к социальным действиям;

6) устанавливает прямые и обратные связи с окружающим миром;

7) формируется в связи с появлением проблем общества как мировоззрение и методология современности;

8) отражает статические и динамические характеристики общественного бытия в неразрывно связи со своим носителем – социумом.

Многие философы, как правило, выделяют и классифицируют формы общественного сознания по следующим признакам: 1) объект отражения; 2) предмет отражения; 3) цель отражения; 4) форма отражения; 5) способ отражения; 6) социальный носитель; 7) структура, элементы, связи и функции общества; 8) взаимосвязь с общественным бытием.

Следовательно, общественное сознание – это специфическая и конкретно-историческая форма отражения бытия общества, в целом, и его социальных групп (классов, общностей), в частности.

Общественное сознание современной России обретает новые смысловые характеристики. Например, уходя от тоталитарного сознания, оказалось в ловушке потребительских установок, с которыми приходится бороться, преодолевая инерцию традиционализма, и все больше проявляет потребность в инновационном развитии.

Оно лишено потребности в служении чему-либо или кому-либо, но проявляет себя в таких феноменах, как «Бессмертный полк», акция, которая вовлекла в свои ряды миллионы россиян и без особого призыва «сверху». Современное российское общественное сознание легко маневрирует между бинарными оппозициями: фатальность – предсказуемость; оптимизм – пессимизм; обыденность – научность; «пассионарность» – «рациональность».

Но в целом, оно проявляет раздробленность и скрытую, невыраженную потенцию, которая, вероятно, может проявиться не в идее, как принято считать, а в открытии национального архетипа (генотипа), который и представляет ядро общественного сознания, его духовное основание в исторической ретроспективе, но в новом свете современности. Оно должно объединить в себе материальное бытие человека, выраженное в уверенности в завтрашнем дне с его духовными основами, где человек обретает себя как существо коллективное и ответственное, но и как уникальный микромир макромира вселенского масштаба. Именно такая цельность позволит россиянину не зависимо от его национальности, социальной и профессиональной принадлежности и вероисповедания стать цельной личностью.

Общественное сознание, как духовная реальность, находится в диалектической зависимости от общественного бытия, обладая, в то же время, относительной самостоятельностью. Оно определяет такое развитие общества, задает такое его направление, которое совпадает с общественным бытием. В

современной России взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания противоречива и представляет собой замкнутый круг: раздробленность бытия порождает раздробленность общественного сознания, и – наоборот. Общественное сознание – это целостное, многоуровневое и сложное явление духовного мира человека, которое формируется и проявляется как идеальная форма общественного бытия.

В условиях глобализации общественное сознание подвергается воздействию определенных факторов, в результате чего оно обретает современные характеристики. Так, например, усиливающаяся роль ТНК (транснациональные компании), сказывается в продвижении интересов держателей капитала, и, соответственно, в формировании общественного сознания, как правило, «потребительского». Выражается это в формировании сознания масс, как потребителей товаров, производимых ТНК и носителей идеологии ТНК. По масштабам *потребительского общественного сознания* можно судить по тому, что в настоящее время в мире насчитывается более 7 тыс. ТНК, в сферу деятельности которых входят около 700 тыс. дочерних предприятий. Основными странами базирования почти всех крупнейших ТНК являются США, Великобритания, Япония. Достаточно сказать, что в списке 100 крупнейших экономик мира 51-ю позицию занимают ТНК. Сегодня именно разработчики и владельцы подобных технологий контролируют финансовые рынки и определяют облик мировой экономики.

Создание компьютерной сети Интернет позволило человечеству мгновенно вступать в контакт с любым пользователем в любой точке земного шара, получать доступ к неограниченному объему информации и др., в конечном итоге сформировала *общественное Интернет-сознание*, которым, соответственно, обладаю его носители, с одной стороны, разработчики и производители Интернета, с другой стороны, его пользователи. Оно придало обществу, в целом, и российскому обществу, в частности, новое качество –

находиться в режиме реального времени в информационном виде (идеально) и товарно-денежном (материально).

Рост мегаполисов – крупных городов с развитой инфраструктурой, насчитывающих несколько миллионов жителей, сформировал новые формы урбанизации. Поэтому можно говорить о *мегаполисном общественном сознании*, которое содействует их носителям вступлению в глобальное пространство и быть центрами экономического, технологического, политического, культурного развития. Оно образует, в своем роде, «государство в государстве» и влияет на развитие стран в виде перенаселенности, резкого расслоения общества («бразилификация» – появление очень богатых и очень бедных), потери национальной идентичности, возрастанию уровня преступности, уменьшению социального контроля и др.

Стандартизация и унификация, как свод правил, предназначенных для обеспечения сотрудничества и однозначного толкования условий производства, коммерческой деятельности, средств контроля и требований безопасности, с одной стороны, позволяет согласовывать различные разработки независимых корпораций, пользоваться унифицированными протоколами обмена данных и др.

С другой стороны, стандартизация и унификация, ведут к обезличиванию национально-культурных кодов, которые заменяются мировыми трендами в виде штрих-кодов, коммерческими тавро, брендами и др. Эту тенденцию можно назвать как формирование *стандартизированного и унифицированного общественного сознания*, основу которого, составляет экономика, приводящая к единообразию инженерных и производственно-коммерческих процессов.

Распространение по всему миру английского языка, как средства деловой и культурной коммуникации, с одной стороны, устраняет барьеры в общении, с другой – служит распространению английской культуры. Это явление формирует *общественное англоязычное сознание*, которое, в свою очередь, его носителям и трансляторам позволяет коммуницировать в мировом социуме на

всех уровнях. Однако чрезмерное увлечение английским языком ведет к потере собственной культурной языковой традиции, а, следовательно, к деградации духовной компоненты общества.

Манипуляция массовым сознанием, как разновидность психоэмоционального воздействия, приводит к латентному возбуждению и появлению у его носителя намерений, не совпадающих с его действительными желаниями. Посредством использования стереотипов поведения, подмены понятий, мифологизации и отвлечения внимания, *массовое общественное сознание* посредством технологий high-hume. К этим технологиям относятся симулякры – средство фиксации переживаемого состояния, где реальное заменяется знаками реального (Ж. Бодрийяр). Таким образом, реализуются интересы определенных представителей политических, деловых и других сфер. Массовое общественное сознание также имеет и объективную основу – использование масс-медиа (пресса, кино, телевидение) приводит к зависимости общества от порожденного им же самим средства общедоступности культурно-цивилизационных благ. Манипуляция массовым общественным сознанием ведет к утрате людьми ценностей традиционного характера, отрыву от исторических корней наиболее доверчивые, беспринципные люди могут встать на путь экстремизма и терроризма.

Волна терроризма, охватившая весь мир – это своеобразный негативный ответ на глобализацию, который выражается в росте террористической деятельности. Эта тенденция породила, на наш взгляд, вначале XXI в. терроризм, который выражается в *террористическом общественном сознании*, которое в его носителях характеризуется страхом за свою жизнь и вездесущность террористической угрозы во всех сферах и уровнях общественной жизни.

Таким образом, в марксизме общественное сознание отражает общественное бытие, а также совокупность коллективных представлений, сформированных в конкретно-исторический период развития общества, и

является элементом системы, называемой надстройкой и представляет его духовную сторону. Формы общественного сознания формируются на основе определённого типа общественных отношений, что выражается в его названиях: обыденное, мифологическое, религиозное, экономическое, политическое, научное, нравственное, эстетическое и т.п. В качестве носителей – субъектов общественного сознания, можно назвать большие группы людей, например, класс, национальность, государство, человечество. В структуре общественного сознания можно выделить такие уровни, как обыденно-практический и научно-теоретический. К сферам общественного сознания, согласно, В.С. Барулину, относятся экономическая, социальная, политическая и духовная. Общественное сознание представляет интегративное качество общественного идеального бытия, которое отражает, координирует и преобразовывает общественное материальное бытие. Сегодня оно становится глобализационным, то есть охватывающим современное человечество, проявляя особые конкретно-исторические свойства и качества, которые требуют специального исследования.

Глобализация как сложный и многоликий процесс сформировала такие виды общественного сознания, как *потребительское, Интернет-сознание, мегаполисное, стандартизированное, унифицированное, англоязычное, массовое, террористическое*. Она приводит к тому, что границы для экономической, культурной и даже политической деятельности становятся все более *прозрачными, условными*, возрастают взаимосвязи в глобальном масштабе и происходит одновременно фрагментация мира.

В результате происходит осознание мира как единого в его цивилизационной (материально-вещественной оболочке) и многообразного в его культурной (идеально-духовной компоненте).

Сегодня происходит формирование единого глобализационного общественного сознания, в котором отражается и преобразовывается мир в единое целое – глобальную систему.

§2. Содержание современных глобализационных процессов

Общественное сознание – это духовная реальность, идеальная форма жизнедеятельности совокупного общественного человека, которая находится в диалектической зависимости от общественного бытия, обладая при этом, относительно самостоятельным статусом. Как духовная составляющая жизнедеятельности общества, оно целостно, но в кризисные периоды, общественное сознание испытывает разрыв со своим базисом – общественным бытием или отражает его кризисные тенденции. Российское общественное сознание представлено двумя противоречивыми тенденциями: с одной стороны, оно стремится к целостности, трансформируясь, отыскивая новые и жизнеспособные формы и содержания своего надындивидуального бытия, современной реальности; с другой стороны, как духовное образование, оно продолжает свое восхождение к всеобщему мировоззренческо-методологическому статусу в жизни российского социума.

В целях разрешения этого противоречия проанализируем глобализацию в диалектическом единстве объективного и субъективного, материального и идеального в аспектах мирового и российского общества. Прежде всего, необходимо назвать следующие факторы глобализации: 1. Научно-технический прогресс, в частности развитие Интернета, позволил преодолеть пространственно-временной континуум между обществами, располагающимися на разных континентах и обладающими различными культурными особенностями. Этот прорыв проявился в спутниковой связи, дистанционном обучении и др. 2. Планетарная (мировая) торговля, снизившая тарифы и сделавшая доступными товары одной страны для другой. 3. Транснационализация как обмен между странами сформировала товарный, денежный и информационный рынок, полезный и эффективный для всех заинтересованных сторон. 4. Переход всех развитых обществ на рыночные отношения, вольно или невольно обеспечил США и его сателлитам преимущества на мировом рынке товаров. 5. Распространение английского

языка как средства мирового делового общения привело к распространению английских культурных традиций.

Вышеперечисленные факторы, породили глобальные проблемы человечества, наиболее часто встречающиеся в отечественной и зарубежной литературе: 1) экологический кризис; 2) демографический кризис; 3) угроза ядерной войны; 4) угроза терроризма; 5) распространение СПИДа и наркомании; 6) коммерциализация образования и медицины; 7) проблемы «север-юг», «бедные-богатые»; 8) уничтожение национальных культур; 9) бесконтрольная миграция и др.

Глобальные проблемы имеют одно общее основание – они сформированы противоречивыми тенденциями – стремительно развивающейся цивилизацией в виде научно-технического прогресса и отстающей от нее культуры в виде консервативного общественного сознания. А.Н. Чумаков, изучая теоретико-методологические основания процессов глобализации, отмечает: «Научные и философские исследования глобальных процессов и порождаемых ими всевозможных последствий в последние годы все больше сталкиваются с трудностями, проистекающими из недостаточной разработанности теоретико-методологической базы таких исследований» [333, с. 23-24]. По его мнению, «Вступив в эпоху многоаспектной глобализации, современный мир оказался перед лицом принципиально новых проблем» [Там же]. Отсюда вытекает «комплекс важнейших теоретических и научно-практических задач, решение которых может обеспечить лишь системный подход, позволяющий исследовать сложнейшие динамичные объекты, границы и структура которых, как правило, далеко не всегда очевидны и в каждом конкретном случае требуют специальных уточнений и заново выверенных определений» [Там же, с 28]. Глобализация – это один из феноменов современной эпохи, который активно исследуются в естественных науках и в различных направлениях социальной философии. Предпосылки глобализационных процессов уходят вглубь истории,

хотя оказывают активное воздействие на культурно-цивилизационные изменения общества в конце XX – начале XXI веков.

Зарубежные ученые, чаще всего, под глобализацией понимают процесс формирования мирового рынка капиталов и его компонентов (рабочей силы, товаров) как единой системы воспроизводства мирового социума. В последней четверти XX в. современное общество обнаружило две противоречивые тенденции: *интернационализация* – это процесс объединения в целое каких-либо частей мирового социума: экономических, политических и других и ее обратная сторона – *унификация* образа жизни планетарного человечества. В таком представлении глобализации можно говорить о ее объективности.

Однако глобализация – это рукотворный процесс, который направляется и регулируется определенной группой людей, объединенных в транснациональные группы США, Западной Европы и Японии, преследующие свои интересы с помощью созданных ими же институтами: международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО). Этот процесс называется глобализмом, который как субъективное явление стремится к унификации региональных, государственных экономик и государственных образований в целях достижения своих интересов.

Глобализация – это один из феноменов современности, занимающий центральное место в любой сфере жизнедеятельности общества. Своими корнями она уходит вглубь веков мировой истории. Социально-философский анализа глобализации раскрывает общее в системе отношений общество – человек и общество – природа в диалектическом единстве объективного и субъективного.

Сам термин «глобализация», с помощью которого научное сообщество и активный деловой социум производят рефлексию над предельно общими культурно-цивилизационными универсалиями, время от времени использовался с конца 1960-х гг. американским социологом Дж. Маклином до 1981 г. Однако основной терминологический аппарат и теоретические аспекты глобализации

были разработаны Р. Робертсоном в 1983 г., когда он в одной из своих статей дал толкование термина «globality» и продолжил исследование в 1992 г.

Понятие «глобализация», как объяснительная модель, было призвано продвинуть и укоренить экспансию западных стандартов развития и унификации форм социальности в общества других – незападных культур и цивилизационных общностей (см. Н.Я. Данилевский и отмеченный им феномен «Drang nach dem Osten» (натиск на Восток), буквально постановка Западом Восточной цивилизации на свой путь развития [Данилевский: 89, с. 97]).

Хронологически глобализация как культурно-цивилизационное явление имеет следующие этапы, согласно исследованиям М. Уотерса и Р. Робертсона: *первый этап* относится ко второй половине XV в. как форма образования капиталистической системы; *второй этап* приходится на начало 1870 г. и середину XX в., когда возникают легитимно оформленные национальные государства и устанавливаются принципы международных отношений; *третий этап* характеризуется адаптацией национальных государств в системе глобальных процессов, как интеграция в структуру мировых отношений и взаимодействий. Этот этап сопровождается экологическими рисками и опасностями социальной дезинтеграции.

Важнейшими этапами, которые не вызывают особых дискуссий, принято считать следующие периоды исторического развития европейского и мирового социума: 1) эпоха Возрождения – становление международного рынка и правовых норм взаимодействия на мировой арене, продвижение идей гуманизма и секуляризация общества; 2) рубеж XIX-XX вв. – трансформация капитализма в империализм, сопровождаемый интернационализацией капиталов; 3) середина XX в. – когда в результате подведения итогов Второй мировой войны закрепляются в ряде важнейших политико-правовых документах и соглашениях принципы интеграции-дезинтеграции современных обществ по социальным, культурным, политическим, экономическим вопросам (создание ООН в 1944 году, международного валютного фонда в 1944,

принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 и др.); 4) последняя треть XX в. – этап реальной глобализации как феномена планетарного масштаба, который характеризуется наличием транснациональной экономики, глобальными финансовыми и торговыми компаниями, интенсивным развитием информационных и коммуникационных технологий, тотальной массовизацией и унификацией культуры, регионализацией мирового сообщества и образования различных союзов и международных объединений.

В качестве сущностной характеристики глобализации принято считать процесс формирования мирового рынка капиталов, товаров, услуг и рабочей силы, планетарного информационного пространства, единого для большинства стран и регионов мира и ее интегративный, унифицирующий эффект, который имеет общечеловеческий характер. Эксперты МВФ под глобализацией имеют в виду растущую экономическую взаимозависимость стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных транзакций товаров, услуг и международных потоков капитала, а также быстрой и широкой диффузии технологий. В аспектах политики глобализация обнаруживает себя на уровне совокупных кардинальных изменений институциональной сферы современных обществ. Можно к сказанному добавить и то, что процессы глобализации социокультурного пространства – это закономерное следствие модернизации традиционных обществ и архаических социальных структур за пределами западной цивилизации.

По мнению Е.А. Дергачевой, «понятие «глобализация» сводит попытки его объяснения к социальным и (или) природным процессам всемирного масштаба, происходящие в пространстве и во времени» [94, с. 22-23]. Ретроспектива глобализации показывает, что она развивается материально и духовно, теоретически и практически неодинаково и ее восприятие часто имеет крайне полярные и противоречивые точки зрения. Мир сегодня становится глобальным, все больше замыкается географически и социально. Все это свидетельствует о том, что наступила новая эра в истории человечества. Теперь

все зависит от человека и его познавательно-преобразующих способностей, от того, насколько он далеко или близко находится от истины.

Ф. Найштаф, исследуя общепланетные явления, открывает их особенность: «Глобализация – определенная форма крайней противоположности идеи всемирной истории, в которой globus – это уже не исторический мир, а пространственно насыщенная тотальность, несущая в себе новые возможности понимания человеческого времени» [377, с. 414]. Мы считаем, что историческое исследование всегда предполагает не отстраненность от истории, а, напротив, включенность в нее.

В последнее время термин «глобализация» всё чаще отмечается в самых разных областях материальной и духовной жизни общества. Реальность, в которой мы живём, все чаще называют «глобализация», или «глобализованный мир». Понятие «глобализация», образованное от английского globe – «земной шар», подчеркивает системообразующий признак и планетарный характер этого явления. Глобализация – придание чему-нибудь глобальных масштабов, характеристика объединительных процессов в современном мире. Иными словами, глобализационный – характеризующийся глобализацией, а глобальный – охватывающий весь земной шар, полный, всеохватывающий. Отсюда глобальность – свойство глобального. Глобализация, следовательно, объективный процесс, качественно новый этап интеграции различных сфер человеческой жизнедеятельности. Характеризуется взаимосвязью и взаимозависимостью стран и народов, становлением общемирового финансово-экономического пространства, информационной революцией, превращением знания в базовый элемент общественного богатства.

Глобализация – это феномен, описывающий объективную реальность, которая замыкает мировое общественное пространство в единое целое. Однако сам термин «глобализация» все ещё не получил ясного и чёткого определения, а также процессы, которые он отображает, недостаточно структурированы и изучены. В нашем понимании глобализация – это кризисный процесс, который

предстает перед нами как рукотворное образование, сотворенное обществом переходного периода, не имеющее четких границ и ясного понимания. В сознании общества глобализация отражается следующим образом: возврата в прошлое нет, а будущее неизвестно. Такая установка общества определяет мир в его невыраженных свойствах и задает новые ориентиры.

Основной вектор развития глобализации – формирование целостного мира, глобального сообщества, нового качества человеческой цивилизации. Глобализацию часто рассматривают в современной литературе как «американизацию» – процесс глобализации образа жизни США, внедрения в культуру незападных стран принципов рынка в их американской интерпретации, и как «вестернизацию» – процесс глобализации западных форм культуры и образа жизни. Отметим значимые, на наш взгляд, подходы, концепции изучения природы глобализации.

Обращает на себя внимание анализ общественных явлений в эпоху глобализации. Р. Коллинз полагает, что «глобализация произвела переворот в сознании человека, открыв для него новые грани своего бытия. Философия, наука, искусство открыли беспредельные возможности, породив, таким образом, беспокойство» [131, с. 67]. Вместе с открытиями своих возможностей и законов природы, вызвавших рациональный оптимизм, человек пришел к пониманию того, что перед ним открылся мир, на который он, к сожалению, не может влиять.

Такой же вывод сделал и Э. Гидденс: «Мир, в котором мы живем сегодня, не стал более «управляемым», но, судя по всему, вовсе вышел из-под контроля – он ускользает из рук» [67, с. 3-4]. Такова амбивалентность сложившейся ситуации, согласно его выводам. Проблемы анализа сознания общества в условиях глобализации, по мнению ученых, усугубляется тем, что новая, глобализационная реальность – это реальность, которой еще не было. Поэтому исследование глобализации и общественного сознания, испытавших кризис,

будет основано на сравнении и различении оснований общественного бытия и общественного сознания.

Г. Терборн рассматривает глобализацию как тенденцию к всемирному охвату, полагая, что как «волна» общественное развитие – это смена фаз, периодов, наряду с «де-глобализацией» [276, с. 420-535]. Следовательно, глобализация – деглобализация – глобализация 1 – деглобализация 1 и т.д. – это не что иное, как сменяемость одного мирового процесса другим.

О цикличности глобализации, проявляющейся в структуре развития общества «динамических фаз» и «фаз стагнации», пишет Э. Альтфатер [361, с. 54-55].

О «многомерности глобализации» говорит Э. Гидденс [67, с. 35-89]. Согласно его подходу, можно говорить о взаимосвязи разнонаправленных глобализационных изменений. Отсюда в теорию глобализации вводится неологизм «глокализация», образованный путем диалектического синтеза категорий «глобальное» и «локальное».

Дж. Стиглиц характеризует глобализацию, как позитивный процесс («глобализация знаний», ускоряющая внедрение инноваций) и как негативный («либерализация рынка капиталов») [272, с. 300].

Э. Тоффлер говорит «о динамике глобализирующегося общества как о «сетевом обществе», или «обществе сетевых структур» [285, с. 523-524] (англ. «network society» - термин М. Кастельса [121, с. 292]). А.В. Назарчук полагает, что «в основе концепции сетевого общества лежит представление об информации как знании, порождающем конструктивные изменения системы» [204, с. 61]. По его мнению, теория сетей определяет понимание социальности, трактуя социальный контакт как бинарную коммуникацию, коммуникацию между передающей и принимающей сторонами. В сетевом обществе все становится «сообщением» или потоком «сообщений»: наполнение личной жизни, политические события, явления культуры и т.д.» [Там же, с. 70]. Сетевые формы существования общества и сетевые формы социального,

существующие в обществе – это новая интерпретация интеграционных и дезинтеграционных процессов. Кризис понимания общественных новообразований в эпоху глобализации – это проблема не самих «сетевиков», а всего общества.

В целом, можем сказать, что зарубежные ученые с оптимизмом смотрят на глобализацию и перспективы, которая она открывает для экономики и финансов. Современные исследователи Дж. Миклисвейт и А. Вулдридж отмечают, что «глобализация – это не неожиданный, вдруг и одномоментно возникший феномен, а продолжение – с нарастающими темпами и качественными изменениями – процесса освоения планеты Земля как единого целого, усиления взаимодействия стран и народов, преобразования человеческого сообщества» [191, с. 198]. В представлении ученых корни глобализации уходят в далекое прошлое, в регионально-глобальном масштабе объективно сопровождали всю историю человечества, во всяком случае, с неолитической революции. Они полагают, что «протоглобализация», а затем и глобализация проходили неравномерно, в «пульсирующем» режиме, по-разному (во времени и пространстве) в разных сферах, образуя первоначальное ядро в том или ином регионе, в ареале той или иной цивилизации» [Там же, с. 198-199]. После окончания холодной войны и устранения барьеров, разделявших мир на противостоящие друг другу мировые системы, глобализация стала развиваться неравномерно, скачкообразно, проявляя не виданные ранее социальные качества и свойства: 1) интенсификацию различного рода социальных связей; 2) триумф американской системы ценностей, обеспеченный комбинацией неолиберальной экономической программы с программой политической демократизации; 3) ортодоксальную идеологию, настаивающую на вполне логичной и неизбежной кульминации мощных тенденций работающего рынка; 4) технологическую революцию с многочисленными и не до конца ясными социальными последствиями; 5) неспособность национальных государств справиться с глобальными проблемами (демографическими, экологическими,

прав человека и распространением ядерного оружия), требующими глобальных решений.

По мнению Т. Лоусона, «глобализация (globalisation) – процесс нарастания взаимозависимости обществ, протекающий во всемирном масштабе. Взаимозависимость может проявляться в самых разнообразных формах» [171, с. 66]. Критики концепции глобализации заявляют о чрезмерном сгущении красок, когда небольшая группа людей, находящихся у руля транснациональных компаний, наделяется чуть ли не сверхчеловеческими возможностями контроля и рациональностью, которой люди обладать не могут. Вместе с тем, на наш взгляд, глобализация – это процесс интернационализации экономики и культуры, позволяющий расширять взаимоотношения между странами. Глобализация при бережном отношении к ней позволяет также сохранить национальную идентичность мира, учитывая реалии настоящего. Глобализация – это новый качественный этап в развитии общества, а не новое наименование интеграции.

У. Бек, в свою очередь, пишет о том, что «глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятным, затуманенным словом, лозунгом, орудием в споре последних лет и останется таковым в ближайшее время» [26, с. 40]. В политической, деловой и информационной сферах глобализация – это новый «формат», объединивший множество понятий и процессов, слово которым нам предстоит пользоваться еще очень долго.

Согласно «мир-системному» подходу И.М. Валлерстайна, «все человечество как система представлена ядром, без периферий» [48, с. 30-31]. Он полагал, что «глубинной причиной всех значительных социальных возмущений нашего времени является не что иное, как отчуждение, которое есть неизбежное зло, и можно разве что ослабить его наиболее губительное выражение» [47, с. 214]. В контексте синергетики И. Валлерстайн говорит о «трансформации от капитализма к другой исторической системе» [44, с. 202].

По его мнению, «ко всем системам - от физико-химических и биологических до социальных может быть применима общая схема» [45, с. 170]. И. Валлерстайн писал: «Мир-империи всегда имели изначально присущие им определенные пространственно-временные пределы роста, выход за рамки которых приводил к точке, в которой дезинтеграционные процессы охватывали центральную власть, после чего мир-империи сжимались» [44, с. 199]. Как он полагал, «мир-империя характеризуется общей и сильной политико-административной системой, а по своей экономической форме является перераспределительной» [43, с. 24]. Таким образом, на наш взгляд, исходя из мир-системного подхода И. Валлерстайна, проблемы современного человечества – это процесс и результат развития капитализма как мир-системы, который, с одной стороны, претендует на всеобщую мировую систему воспроизводства общества, а, с другой, – указывает путь человечеству, которое должно «выйти из капитализма», трансформироваться в «обновленную систему воспроизводства общества».

Капитализм позволяет создать приемлемые экономические, материально-производственные условия для воспроизводства стран «третьего мира» («периферии», по выражению И. Валлерстайна). Однако нельзя абсолютизировать капитализм как единственную форму воспроизводства общества, потому что она исповедует идеологию, основанную на производстве прибыли и вездесущности товарно-денежных отношений, иными словами, протестантизм с его принципом: «работай в поте лица, умножай свое богатство». Односторонний подход, где прибыль производится ради прибыли, на наш взгляд, губят национально-государственные и культурные образования локального социума и препятствуют мировому развитию, которое должно быть основано на культурном диалоге и взаимовыгодном сотрудничестве.

Как полагает И.В. Купряшкин, «одним из наиболее авторитетных подходов в современном социальном познании является мир-системный анализ, предложенный И. Валлерстайном, который синтезирует

социологический, исторический и экономический подходы к общественной эволюции. Ученый подчеркивает важность принципов глобальности, историчности, системности и холизма» [141, с. 4]. Подход И. Валлерстайна, пожалуй, один из немногих после К. Маркса, претендует на глобализационную парадигму, благодаря которой современная социальная философия может себе позволить исследовать общепланетные явления в их взаимосвязи и развитии.

И.М. Подзигун, исследуя глобализацию, обращается к творчеству профессора Роланда Робертсона из Питтсбургского университета, который выделяет следующие этапы в развитии глобального сознания:

«Первый этап (1400-1750 годы) – это выработка единых глобальных норм на основе составления первых карт планеты, выработка обобщенных представлений о мире и др.;

второй этап приходится на 1750-1875 годы и знаменуется формированием единых норм человеческого общежития и включает возрастание роли национальных государств;

третий этап приходится на 1875-1925 годы, когда начинают распространяться единые глобальные нормы – это наивысшее развитие идеи глобального сознания;

четвертый этап развития глобализации сознания (1925-1969 годы) характеризуется как этап борьбы за гегемонию и включает в себя такие события как появление Лиги наций, вторая мировая война и последовавшее за ней длительное противостояние двух социально-политических и военных блоков, получившее название холодной войны» [226, с. 68-69].

Наконец, последний пятый этап в развитии процессов выработки единых норм международной жизни, названный Р. Робертсоном этапом неопределенности (1969-1992), характеризуется такими событиями, как широкое вовлечение космоса в жизнь планеты, исследование космоса и др.» [Там же, с. 69-70]. Затем, после распада СССР создается прецедент для «развития единых норм жизнедеятельности мирового сообщества, вслед за

этим наступает новый шестой этап формирования глобального сознания, который продолжается и в наши дни. Особенность этого этапа состоит в том, что он находится в динамике и открыт для дальнейших трансформаций» [Там же, с. 71]. В заключении И.М. Подзигун формулирует следующие направления исследования в области глобализации и порожденных ею проблем: «1) поиск альтернативных вариантов цивилизационного развития, которые способны уменьшить антропогенную нагрузку на природу, ослабить общую международную напряженность; 2) остановить процесс разрыва между индустриально-развитыми странами мира («золотым миллиардом») и остальной частью человечества; 3) пробудить потребность в более глубоком философско-методологическом изучении природы научного знания, связи с технологией и социальными процессами» [Там же, с. 94-96]. Таким образом, проблема современности находится между глобализацией как кризисным общепланетным явлением объективного характера и глобализационным сознанием как явлением субъективного характера, отражающим кризисные глобализационные процессы.

Вопрос об отношении глобализации и вызванных ею глобальных проблем, начал системно изучаться примерно с 80-х годов XX века. Выделим один из аспектов глобализации, который сопровождает человечество на протяжении всей его истории, – универсализация материальных и духовных достижений культуры. Поэтому, на наш взгляд, следует различать глобализацию как естественный, объективный процесс, и глобализацию как процесс искусственный, субъективный, навязанный определенной группой людей для реализации своих интересов. Бифуркационной вехой в истории глобализации следует признать события после 1991 г., когда произошел раздел политической карты мира после распада Советского Союза. В настоящее время мир смыкается в географическом, экономическом, финансовом, политическом, социальном, идеологическом смысле. Глобализация является закономерным

итогом исторического развития, и понимание её сущности тесно связано с тем, как тот или иной исследователь понимает общественный прогресс.

Так, В.Б. Кувалдин пишет: «Неудивительно, что многие трактовки недооценивают масштабы перемен, грешат односторонностью. Ибо глобализация – всё это и что-то ещё. Ключ к пониманию её природы надо искать на социетальном уровне, в трансформации того общественного устройства, в котором мы существуем и развиваемся в течение столетий» [137, с. 35].

Согласно А.Н. Чумакову, «этимологически термин «глобализация» связан с масштабом всей планеты в целом, для того чтобы проследить достижение этого предельного с точки зрения территориального охвата состояния общественного организма можно было посредством анализа процесса географического расширения социальной жизни с момента её зарождения» [331, с. 166]. Глобализация общественной жизни не заканчивается в результате физического единения человечества или объединения общества на уровне идеи глобализации: необходимо проникнуть в её историческое прошлое. Глобализация как феномен интенсивно начала изучаться с конца 60-х гг. XX в., когда давление на биосферу достигло критических значений. А.Н. Чумаков полагает, что «глобализация как эпоха в различных концептуальных моделях исторического процесса реконструирована из прошлого, объясняется настоящим и, в конечном счёте, ориентирована на будущее – это следующий этап после эпохи, называемой цивилизацией» [329, с. 331] и «смотреть на нее надо «через призму системного (миросистемного) подхода» [332, с. 33]. Глобализация в то же время требует «глобально ориентированного мировоззрения является велением времени и необходимым условием выживания мировой цивилизации, то успешным оно, может быть, как минимум при условии учета национальных особенностей и культурного разнообразия живущих вместе или рядом народов» [333, с. 36]. Глобализация – это кризис бытия современного человечества. Как полагает А.Н. Чумаков, «кризис

разразился не вдруг. Он результат соответствующей политики, экономических отношений, образа жизни, наконец, мировоззрения, и потому его наступление было лишь делом времени. Разрушая порочный порядок вещей и расчищая место для появления новых структур и других отношений, он становится, в конечном счете, благом и спасением, если, конечно, адекватно оценивается ситуация и делаются правильные выводы» [330, с. 8-9]. Таким образом, глобализация – это переход общества от одного качественного состояния к другому качественному состоянию.

Обсуждению глобальным проблемам современности (возросшая антропогенная нагрузка на природу, неконтролируемый рост населения, низкий уровень обеспечения населения продовольствием, угроза войны и терроризм) импульс и активность придали материалы и выводы основанного в 1968 г. Римского клуба – международной неправительственной организации, поставившей своей целью изучение глобальной проблематики и поиск путей решения общечеловеческих проблем. В 80-90-х гг. XX столетия внимание научной, политической и деловой общественности акцентировалось на экономической взаимозависимости мира. На стыке XX и XXI вв. широко дискутировались вопросы культурного разнообразия и перспектив развития современной цивилизации. В настоящее время внимание исследователей концентрируется также на проблемах многоаспектности глобализации и путях формирования целостного мира, интеграционных процессах.

За рубежом всеобщее возбуждение общественности и научного сообщества вызвала работа американского футуролога А. Тоффлера «Футуршок» (1970). Лейтмотив работы – общество будущего после информационной революции. Фантазмагорические картины ученого предупреждают о том, что люди, переживающие огромное число перемен за короткий срок, не успевают адаптироваться. Он приходит к выводу: «Столкновение с таким будущим футуршоком, определив его как продукт стремительных перемен в обществе, возникает из-за наложения новой культуры

на старую культуру. Результат – всеобщая дезориентация и боязнь будущего в огромных масштабах. Сегодня человек столкнулся именно с такой перспективой» [283, с. 12].

Другой ученый, Ф. Фукуяма, также предпринял попытку оценить сложившуюся ситуацию в мире в области глобализации в статье «Конец истории», опубликованной в 1989 г. Прогнозируя новый международный порядок после «холодной войны», он высказал идею о том, что «всем западным странам необходимо пойти по пути вестернизации и американизации своих систем, так как победа либеральной демократии во всемирном масштабе не оставляет им иного выбора» [314, с. 45-47].

С. Хантингтон полагает, что «деление мира на три лагеря – капиталистический, социалистический и развивающийся (третий) мир – стало неактуальным, и основные противоречия теперь будут вытекать из борьбы следующих цивилизаций: западная, исламская, конфуцианская, японская, индуистская, православная, славянская, латиноамериканская и африканская. При этом основное напряжение в обозримой перспективе возникает между западной, исламской и конфуцианской цивилизациями» [317, с. 156-181]. С 1990-х гг. мир стал активно искать решения проблем динамично меняющегося мира.

В России активное изучение процессов глобализации началось, как и на Западе, примерно треть века назад. В трудах отечественных ученых рассматривались многие важные грани глобальных проблемы: «формирование мирового правительства», «мир без границ», «быстрое устранение противоречий в системе человек – природа – общество», «формирование нового мышления и новых подходов к решению общечеловеческих задач». Ученый-политолог и политический деятель Г.Х. Шахназаров в этой связи отмечал: «Заметно отставая от мирового, главным образом американского, уровня по части прикладных исследований, мы не уступаем в постижении природы глобализации, ее причин и следствий» [340, с. 348]. После распада СССР и мировой социалистической

системы интерес к изучению феномена глобализации снизился, основное внимание сосредоточилось на процессах формирования новой архитектуры мира.

Вначале XXI в. вопросы глобализации вновь стали ведущими в обществоведческих исследованиях и дискуссиях. А.Н. Чумаков пишет: «Если в качестве основания деления всей истории человечества взять масштаб происходивших событий, то можно выделить четыре основные эпохи становления глобальных связей (отношений), которые сопутствуют историческому развитию с момента возникновения общества до обозримого будущего» [331, с. 166]. Это эпохи: 1) фрагментарных событий и локальных социальных связей; 2) региональных событий и территориально ограниченных международных отношений; 3) глобальных событий и всеобщей экономической и социально-политической зависимости; 4) космической экспансии и космических конфликтов (наше время – *Р.Л.*). Вместе взятые, они представляют качественные сущностные характеристики состояния общества, претерпевшего в истории несколько фундаментальных трансформаций, которые в современной исторической литературе принято теперь называть понятием «осевое время». С его помощью К. Ясперс обозначает «решительные повороты в потоке событий, говорит о взрыве человеческого духа, когда зарождается понимание всеобщности, называя время «осевым», поворотным, когда происходит переход от одного качественного состояния общества к другому» [360, с. 140-141]. Согласно А.Н. Чумакову, история глобализации может быть представлена «понятием «эпометаморфоз», в какой-то мере сходным и даже близким по значению к понятию «осевое время» [331, с. 170]. Сегодня происходит формирование каких-то фундаментальных процессов, пока ещё не очевидных, но которые в свое время проявятся и станут играть свою, особенную роль в жизни человека. Однако впервые о проблемах глобального масштаба мировая общественность стала говорить серьёзно на всех уровнях с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда дисбаланс в отношениях общества и

природы достиг угрожающих размеров, а адекватные действия практически отсутствовали. По мнению А.С. Панарина, «процесс глобализации уникален, хотя и не является неизбежным» [217, с. 128]. Г.С. Сарайкина полагает, что «глобализация – это уникальный, нелинейный, сетевой, высокодинамичный (по преимуществу экспоненциальный), стихийный, неидеологический, трансуровневый, необратимый процесс» [247, с. 47]. А.В. Назарчук отмечает: «Глобализационные процессы, действуя наподобие цепных реакций, запускают в ход другие, те, в свою очередь, вызывают третьи и т.д.» и сравнивает это явление с «эффектом домино» [203, с. 6]. З. Бауман, классифицируя процессы глобализации по характеру «последствий», называет их «обратимыми и необратимыми» [21, с. 9]. Таким образом, процесс глобализации – это сложный и динамичный процесс, где конструктивность и деструктивность выступают не антиподами, но сторонами одного целого – глобализации.

Согласно А.Н. Чумакову, «сегодня совершенствуются цивилизационные связи, которые способствуют унификации общественной жизни, что и привело в середине второго тысячелетия к началу реальной глобализации, сформировав мировое сообщество и породив во второй половине XX в. глобальные проблемы человечества» [328, с. 243]. По его мнению, «сложное переплетение глобальных и местных, локальных процессов общественного развития получило название «глокализация» (от лат. *global* – всемирный и *local* – локальный, местный). Локальное рассматривается как аспект глобального» [331, с. 13, 22]. В.И. Данилов-Данильян отмечает, что «глобализация в гораздо большей степени понятие из исторической парадигмы, чем из логической: теория глобализации, достаточно чёткий и ясный анализ взаимосвязей её аспектов отсутствуют» [90, с. 143]. В работах В.Б. Кувалдина встречается понятие «мегаобщество». Он пишет о том, что «глобализация приводит общество к новым формам его организации, которые объединяются понятием «мегаобщество» [137, с. 37]. Согласно О.Г. Леоновой, «глобализация есть процесс формирования и развития общего экономического, культурного и информационного мирового

пространства, управляемого из единого политического центра. Как всякое объективное явление, глобализация имеет как положительные, так и отрицательные стороны» (цит. по: [1, с. 190]). Глобализация – объективный процесс на современном этапе развития общества, и изоляция от этого процесса так же невозможна, как и борьба с ним. Таким образом, обобщая многочисленные мнения относительно характерных черт глобализации, в первую очередь можно назвать:

- 1) растущую взаимосвязанность и взаимозависимость стран и народов в различных сферах человеческой жизнедеятельности;
- 2) становление общемирового рынка планетарного масштаба и слияние отдельных экономик в глобальную систему с общими для всех правилами;
- 3) информационную революцию и создание всемирной сети общения на базе новейших компьютерных и медиатехнологий, Интернета;
- 4) значительное возрастание роли и расширение сферы деятельности надгосударственных организаций и транснациональных объединений;
- 5) универсализацию мира, повсеместное распространение системы либерально-демократических и социокультурных ценностей;
- 6) распространение идеологии и политики глобализма;
- 7) как объективный процесс глобализация носит планетарный характер, усложняется и расширяется в пространстве и во времени; как субъективный процесс она носит характер общепланетный мировоззренческий, но и политический, т.е. является предметом спора и разногласий отдельных общественных групп за влияние на мировой арене.

В.Л. Иноземцев вводит понятие «постэкономическое общество», с помощью которого «становится возможным осознание того, что человечество находится накануне наступления такого социального состояния, которое не может регулироваться и управляться фактически ни одним из известных доселе способов» [114, с. 8]. По его мнению, «постиндустриальное общество противопоставляется доиндустриальному и индустриальному. В результате возникает знаменитая формулировка о трех обществах, первое из которых

представляет собой взаимодействие с природой (a game against nature), второе – взаимодействие с преобразованной человеком природой (a game against fabricated nature), а постиндустриальное – взаимодействие между людьми (a game between persons)» [Там же, с. 26]. По его мнению, «процессы глобализации были четко направлены от «центра» – наиболее динамично развивающегося региона мира – к его «периферии». Глобализация – это продолжительный процесс установления европейского доминирования над миром» [115, с. 42-43]. По его мнению, «глобализация рубежа тысячелетий – это процесс формирования единого и целостного мира, и никто и никакими силами не сможет его остановить» [Там же, с. 225].

А.С. Подопригора, сравнивая глобализацию с модернизацией, отмечает что «одна из особенностей современной эпохи – ускорение темпов нарастания единства (глобализация), многообразия (модернизация) и развитие индивидуализации общества, человека как субъекта действия» [227, с. 18]. Г.Г. Салихов, анализируя современные социокультурные процессы, приходит к выводу о том, что «процесс глобализации должен осуществляться в русле единой общечеловеческой перспективы. Но реалии жизни доказывают, что возникает угроза утраты единой общечеловеческой перспективы, раскола людей на приспособленную к глобализации, богатую, культурную расу «золотой миллиард» и бедную, неприспособленную к ведению эффективного хозяйства на уровне современности» [246, с. 73]. По его мнению, без целостного взгляда на мир в условиях глобализации невозможно скоординировать действия мировому сообществу, создать условия для развития новой цивилизации, сохранив локальные и уникальные цивилизации.

Однако глобализация – это экстраординарный процесс, подготовленный всей предшествующей историей человечества, а также нечто принципиально качественно иное общественное явление. В конце XIX – начале XX веков, согласно В.И. Вернадскому, «под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу» [57, с. 20-21].

Поэтому общество, став «новой геологической силой», должно взять на себя ответственность за состояние биосферных процессов и осуществить, таким образом, переход к ноосфере. Субъективная управленческая форма воздействия на глобализационные процессы зачастую не соответствует названным тенденциям и ведет не к сближению народов, а к усилению их разобщенности по имущественным, ценностно-мировоззренческим, цивилизационным и другим признакам. Как полагают В.А. Лось, А.Д. Урсул и Ф.Д. Демидов, «процесс глобализации стал одной из ведущих тенденций, закономерностью развития человечества. Происходит сближение социумов и формирование особой целостности – глобальной социозэкосистемы» [170, с. 3]. По их мнению, неуправляемый, стихийный процесс глобализации в скором времени, возможно, приведет к формированию «всеединства человечества» как некоего планетарного сообщества, которое, став единым целым – в географическом и ментальном понимании, – сможет встать на путь оптимальной стратегии выживания.

Глобальные проблемы и сопутствующие им процессы глобализации никуда не исчезли, не ослабли и не замедлились, а, наоборот, усилились. В этой связи Н.Н. Моисеев пишет о «создании стратегии развития общества, по существу относящейся к философии» [196, с. 311]. Глобализация, скорее междисциплинарная область анализа, чем область какой-то одной науки и обширное поле анализа естественноисторического процесса и сферы взаимоотношений и противоборства различных сил и интересов. Такое положение дел в эпоху глобализации решило многие проблемы человечества, например, передачу информации в кратчайшие сроки на большие расстояния, но также и создало давление на биосферу, породив иные проблемы – дефицит природных ресурсов, землетрясения, загрязнение окружающей среды.

По мнению И.М. Подзигуна, «прогресс как совершенствование в области науки, технологии, экономики без учета изменений, происходящих с человеком, как творцом самого прогресса, стал главной причиной системного

кризиса современной цивилизации» [226, с. 29]. Как полагает ученый, «культура рушится, потому что образование подменяется пустым знанием, человек гонится за прибылью и своим благополучием; машина и механизация и автоматизация труда приводят к появлению массы; духовная пустота заполняется наркотиками. В XXI в. эти феномены раскрылись наиболее полно» [Там же, с. 32-33].

Как отмечает К.Д. Джегутанов, «происходящий процесс глобализма, подвидом объединения человечества в единое целое, является по существу очередной попыткой установления мирового господства американской нации, представляет своего рода американизацию человечества» [96, с. 4]. Ученый отмечает следующие последствия культурного глобализма: «вытеснение общинного сознания, замена в русской культуре традиционного приоритета производительного труда в интересах Отечества – на служение неизвестному отечеству по принципу приоритета потребительства и торгашества и др.» [Там же, с. 135-136]. К сказанному следует добавить, что российское общество, опираясь на духовно-нравственные основы (коллективизм, взаимопомощь, соперничество) и традиции хозяйствования – в основном в военной отрасли – (поиск, изобретательность, интуитивизм), в состоянии преодолеть негативные тенденции глобализма. Россия может противостоять субъективизму отдельных социальных групп, общностей, государств, которые хотят видеть нашу страну в качестве сырьевого придатка, духовно и материально стоящей на низшей ступени развития. Но Россия – это многоконфессиональная и многонациональная страна, богатая именно межнациональными традициями: вспомним Великую Отечественную войну 1941-1945 гг., когда русские, таджики, буряты, узбеки, евреи, казахи, эстонцы, в общем, все советские люди, вместе встали на борьбу против фашистских оккупантов и победили в кровопролитной войне. Сегодня для российского общества и народов его населяющих, наступило новое испытание глобализмом и глобализацией. Глобализму необходимо противопоставить интересы своей национальной

идентичности; глобализации необходимо дать ход развития, потому что культурная и экономическая изоляция сегодня – это упущенные возможности.

Глобальный кризис затронул в российском государстве и обществе, по мнению Р.И. Соколовой, следующие «традиционные для русской общественно-политической мысли принципы целостности – неразрывности теоретической мысли и реалий жизни; антропологизма – рассмотрение проблем через призму судьбы человека, смысла и целей человеческого существования, духовно-нравственных оснований его бытия; онтологизма – т.е. убеждения, что сознание не только постигает бытие, но является его структурным, сущностным элементом; обращенности ко всему человеческому роду, человечеству; сопряжения теоретических построений с идеей общественного идеала» [258, с.9]. Развиваться наша страна и народы ее населяющие, а также мировое сообщество могут лишь в условиях качественного изменения способа общественного бытия и соответствующей ему формы общественного сознания. Цивилизация задала экономический, материально-вещественный вектор развития общества, но в условиях глобализации не создала соответствующей духовно-нравственной основы.

Своеобразной реакцией на возможность такой глобальной социокультурной мутации стало антиглобалистическое движение, которое сформировалось в середине 90-х гг. XX в. и с этого времени активно развивается в США, Германии, Англии, Франции и других странах Запада и Востока. В конце XX в. в развитии современного общества были выявлены диалектически связанные между собой следующие бинарные оппозиции: интернационализации и интеграция мировых процессов в сфере экономики, политики и социально-культурной жизни социума; глобализация и глобализм; глобализация и модернизация; глобализация – регионализация; интеграция и дезинтеграция; однополярность (единоцентрие) и многополярность (полицентрие) и др.

Все они свидетельствуют о том, что в мире происходят два противоположных процесса – объективный, подготовленный всем ходом мировой истории и субъективный, преследующий интересы определенной социальной группы, которую представляют олигархи, правительства, руководство ТНК (транснациональных корпораций) и т.п. Рассмотрим в качестве примера одну из тенденций современного мира – формирование региональных центров развития, как альтернативы стратегии глобализма. Сегодня глобализационный проект США и западноевропейских стран ориентирован на моноцентричность мира. Но ему в противовес интенсивно развиваются самодостаточные региональные центры развития и силы, объединяющих целую группу государств, вступающих между собой в жесткую конкурентную борьбу, например, Китай, Индию, Бразилию и Россию (БРИК). В последнее время стали с различной степенью определенности говорить о «втором эшелоне» восходящих стран-гигантов, к которым относят Мексику, Пакистан, Индонезию и ЮАР. Отметим также и конкурирующие между собой региональные силы, такие как ЕС, НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли), Меркосур (Таможенный союз ряда государств Южной Америки), ЕврАзЭС, Индией, Китаем и Японией, которые создают зону свободной торговли в Юго-Восточной Азии». Вероятно, в обозримом будущем наш мир будет еще долго, если не всегда, оставаться «многополярным», полицентрическим, ибо сама идея установления моноцентрического мира противоречит «логике социального», базирующегося, как и все в мире живое, на законе разнообразия.

В ближайшем будущем, вероятно, общество будет иметь следующее мироустройство: становление новой геоструктуры мира будет стремиться как к интеграции, так и к дезинтеграции; мировая система станет полицентрической, а сами центры – диверсифицированными, и поэтому глобальная структура силы окажется многоуровневой и многомерной; Запад – Восток; Североатлантический союз – Евразийский проект и др.

Подводя итоги анализа современных глобализационных процессов можно сделать следующие выводы:

1) содержание современных глобализационных процессов составляют два направления – собственно глобализация как процесс, имеющий объективное основание и – глобализм, как субъективное основание или собственно проект управления глобализационными процессами;

2) содержание глобализации – это множество процессов – экономических, политических, социальных, экологических, духовных – которые породили кризис современной цивилизации, не способной найти альтернативу обществу, основанному материально и духовно на рациональной основе;

3) сегодня возможны две модели развития человечества: первая – находить в духовных глубинах традиционной культурной идентичности ответ на поставленные эпохой вопросы, что всегда выводило российское общество из кризиса через сохранение жизнеспособных форм общественного бытия и сознания, избавляясь от отживших элементов социальности, обретая приемлемые современные компоненты; вторая – принять вызовы современности в виде «модернизационных», «мондиалистских» проектов, препятствующих развитию России как многоконфессиональному и многонациональному государства, учитывающему интересы разных народов.

Глобализация (объективно) – это качественно новый этап в развитии человечества по всем направлениям. Глобализм (субъективно) – это проект субъектов глобализации и проявляется особенно заметно как «американизация» – политика навязывания воли США всему миру. Бифуркационная веха в ее истории – вторая половина 1980-х гг., передел мира после распада СССР. Глобализация – это диалектически противоречивый процесс, охвативший человечество в масштабах планеты, который проявляется в бинарных оппозициях, например, глобализация – де-глобализация, интернационализация – унификация и др. по всем направлениям, включая экономику, политику и др.

§3. Кризис как социально-философская проблема

Глобализация - диалектически противоречивый процесс, охвативший человечество в целом, в масштабах всей планеты, который проявляется в бинарных оппозициях глобализация – де-глобализация, интеграция – дезинтеграция и т.п. Это одновременно объективный процесс, который затронул ключевые сферы человеческой деятельности – экономическую, политическую, социально-культурную в аспектах единых культурно-цивилизационных национально-государственных формаций, и субъективный процесс, который выражается в навязывании своей воли («американизация» – проект США) всему миру в интересах определенного социума. Однако глобализация не может быть объяснена только как процесс «субъективно-объективный», «глобализационно – де-глобализационный» и др., и требует более глубокого и специального социально-философского анализа общественного бытия и общественного сознания в целях их концептуализации и актуализации через адекватное и эффективное понятие. Таким понятием может выступить «кризис».

Этимология слова «кризис», согласно М. Фасмеру вошло в русский язык через нем. *krisis* (с 1519 г.) из лат. *crisis* от греч. «решение, исход»: «различаю, сужу» [303, с. 376]. Н.М. Шанский и Т.А. Боброва отмечают: «Кризис заимствовано в конце XIX в. из франц. яз., где *crise* «кризис» из латинского *crisis* «кризис». Кризис. Заимствовано в первой половине XIX в. из нем. яз., где *Krisis* – через лат. посредство восходит к греч. *krisis* «кризис, переломный момент», суффиксальному производному от *krinō* «разделяю». Кризис буквально – «граница, водораздел» (между двумя состояниями). Сравним *кромть*» [337, с. 155]. Кризис как философское понятие и как эпохальное явление общественной жизни рассматривали в различные исторические периоды.

Так Аристотель писал: «Всем элементам свойственно от природы изменяться друг в друга, ведь возникновение есть переход в противоположное

и из противоположного. Все изменяется из чего-нибудь во что-нибудь: из субстрата в субстрат, из субстрата в несубстрат и из несубстрата в субстрат. Изменение происходит из противоположностей или в противоположные стадии» [9, с. 162-163]. Древнегреческий философ, анализируя общество и мир в целом, выделил в них три состояния: устойчивость, изменчивость и переходные состояния (переходы). В нашем понимании последние и есть кризисные явления. Устойчивость – это временное состояние, которое рано или поздно придет в упадок, сменится кризисом, а изменчивость – это субстанциальное свойство всего сущего, которое проявляет себя через кризисы. Переходные состояния – это кризисные явления как способы проявления субстанциальных свойств мирового целого.

С.Л. Франк отмечал, что «все подлинные, глубочайшие кризисы в духовной жизни могут быть преодолены только таким способом. Когда человек заплутался и зашел в тупик, он не должен продолжать идти на удачу; он должен остановиться, окинув умственным взором все пространство, по которому проходит его путь, задуматься над тем, к чему он, собственно, стремится и, значит, в чем его истинное существо и назначение», следует «не останавливаясь на поверхности жизни и ее текущих запросах дня, направляться вглубь, в вечное, непреходящее существо предмета» [310, с. 17].

В.И. Ленин, теоретик и практик строительства Советского государства, отмечал особенность кризисов: «Кризисы нельзя изжить насильем отдельных лиц над другими, надо переменить политику» [157, с. 3]. По его мнению, «кризис в России характеризуется тем, что общественно-политические «верхи» не могут управлять Россией по-прежнему, а «низы» полны желания изменить это управление...» [158, с. 301]. Согласно В.И. Ленину, кризис общества – это всегда противоречие между происходящими изменениями в обществе и способами регулирования и управления этими изменениями, которые выражаются в кризисах или разрывах между «верхами» и «низами», законами общества и государства, о чем он пишет в других своих работах (см. 159, с.

329; 160, с. 152; 161, с. 203; 162, с. 127). Таким образом, исходя из анализа трудов Аристотеля, С.Л. Франка, В.И. Ленина, основное противоречие общества между изменениями в структуре общественного бытия и отстающего от него общественного сознания. Противоречие между бытием и сознанием общества, чаще всего, разрешается либо через экстраполяцию опыта других стран в этой области, либо через интерпретацию происходящих качественных изменений в России, о чем пойдет речь далее.

В настоящее время будущее России всё еще не ясно, а возврат в прошлое невозможен. Мы, таким образом, вступаем в эпоху техногенной цивилизации по образцу Западной Европы и США, потому что темп жизни нарастает, а духовная составляющая как регулятор жизни общества отстает по темпам развития от экономических преобразований. Однако кризисное сознание российского общества может послужить формированию сознания нового качества, основанного на сходстве национальных ценностей с мировыми, например, ценностей жизни, труда, безопасности, науки, семьи.

Таким образом, кризис может быть выражен философской категорией «изменчивость» (движение, динамика) в неразрывной связи с ее противоположностью – «устойчивостью» (покой, статика). В целях классификации способов проявления кризисных процессов в современных обществах воспользуемся наработками школы русского «циклизма» («космизма»), обобщая которые Ю.В. Яковец отмечает их главные черты и особенности: «а) «исследования охватывают практически все процессы в развитии природы и общества»; б) «теория приводит в единую систему различные виды циклов по сферам их применения, включая общественные процессы»; в) «в центре теории находятся циклично-генетические закономерности, определяющиеся в процессе спиралевидной динамики, сохраняющие и обогащающие наследственное ядро (генотип)» [358, с. 10-11]. Опираясь на положения диалектики и теории циклично-генетической динамики, мы выделяем свою классификацию кризисов общества, в основу

которой *качественные изменения общества*, в целом, как системы и его переходные состояния:

1) глобальные антропогенные (цивилизационные) кризисы и революционные переломы, охватывающие человеческую цивилизацию в целом и протекающие в форме резко обострившихся противоречий как внутри человеческой цивилизации, так и между обществом и природой;

2) конкретно-исторические или актуальные: терроризм, малообеспеченность, СПИД, безработица, наркомания, локальные межнациональные и интернациональные войны и т.п.;

и, в частности, *качественные изменения элементов общества* как системы:

3) кризисы видов или сфер человеческой деятельности: духовные, управленческие, экономические, научные, культурные, образовательные, политические, правительственные, экологические и т.п.;

4) кризисы социально-психологические: жизненные, возрастные, личностные, семейные;

5) социальные кризисы как острейшая форма проявления социального противоречия, связанные с нарушением социальной стабильности, осознание социальной ситуации как критической, ощущение «пределов», «тупиков», «заторов», невозможности дальнейшего движения;

6) кризисы социальной сферы как системные кризисы общества, нарушающие процесс воспроизводства общества. Проявляются, в частности, в депривации насущных потребностей общества, девальвации ценностей института семьи, снижении рождаемости, увеличении смертности, росте преступности и т.п.;

7) кризисы общественного сознания как форма отражения кризисных процессов общества. Антиподом кризисного сознания является стабилизационное сознание. Кризисное и стабилизационное сознание – это

«два полюса» современной общественной ситуации и сопровождающего ее общественного сознания.

Кризис как явление – это поворотный момент, изменение направления движения всей системы и ее элементов; переход из одного качественного состояния общества, социальной системы в другое. Социальный кризис проявляется в виде: 1) невозвратности системы или отсутствия возможности перехода системы в прежнее, исходное состояние; 2) неотвратимости качественных изменений, которые происходят рано или поздно, знаем мы об этом или не знаем. Мы полагаем, что общество как система развивается исключительно через кризисы и благодаря кризисам. В контексте нашего исследования кризис – это способ существования общества, переходящего от нестабильного состояния к стабильному состоянию в условиях глобализации.

Рассмотрим общественные кризисы на примере социального кризиса как системного и охватывающего общество, все уровни и элементы духовной и материальной сфер общества. В частности, свои трактовки кризиса на примере анализа современного российского общества дают отечественные ученые. А.Н. Медушевский и В.Н. Кудрявцев фиксируют в российском обществе «полный разрыв преемственности, радикальную модификацию, сохраняющие, тем не менее, известные элементы преемственности, но крайнюю степень социальных деформаций» [189, с. 7].

С.А. Кузьмин, анализируя логику и причины взаимопереходов состояний социума, исходит из того, что социальная система в своем развитии переживает как минимум три состояния: «нормальное саморазвитие, предкризисное состояние (образование предпосылок), кризисное состояние» [138, с. 108].

Н.И. Лапин видит кризис российского общества с точки зрения кризиса наиболее важных сфер общества: «политической, экономической, социальной, духовно-нравственной, этнической, экологической» [145, с. 10-11].

В коллективной монографии «Анатомия кризиса» авторы А.Д. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерехин и другие отмечают: «Кризисы – необходимое условие

эволюции в природе и обществе, как события, которые только и делают возможной структурную перестройку системы» [13, с. 115]. Таким образом, в трудах философов отмечено, что общество развивается через кризисы и благодаря кризисам, которые в основе своей имеют циклическую природу. При этом кризис характеризуется:

- 1) скоростью движения – быстрым или медленным наступлением;
- 2) временем протекания – продолжительностью или непродолжительностью;
- 3) масштабами охвата объекта – глобальностью или локальностью;
- 4) глубиной воздействия на системные свойства общества – поверхностное или проникающее;
- 5) тяжестью испытания для общества – разрушающее построенное (к чему уже привыкли) или строящее неведомое (чего еще не было);
- б) типическими характеристиками – переходом в новое качественное состояние или обнаружением новых качественных характеристик.

Следовательно, кризис – это качественное изменение систем социокультурного и социоприродного порядка, которое проявляется в разрывах между бытием и сознанием общества в переходные периоды. С точки зрения динамики кризис характеризуется как процесс в его начальной, промежуточной и завершающей стадии; с точки зрения статики кризис характеризуется как результат достигший «вершины» (пика) или «дна» (ложбины).

Уточним понятие «социальное». Социальное – это не природное, а созданное людьми в процессе взаимодействия. Под «социальным кризисом», таким образом, имеется в виду кризис всей совокупности общественных отношений и кризис социальных институтов и групп. Следовательно, социальный кризис – это предельная форма проявления социального противоречия, характеризующая нарушение социальной жизни. В сознании общества социальный кризис выявляет социальную ситуацию как критическую

и выражает ощущение непреодолимых преград, которые невозможно обойти и которые не позволяют дальше обществу развиваться.

С.А. Яворская пишет о кризисе, что это «динамическое явление, характеризующее общество, проходит следующие фазы: предкризисную, разгар (кульминация кризиса, достижение предела развития), разрушение системы или ее переход в новое состояние либо создание новой системы» [355, с. 44-45] к этому определению А.И. Прохоров добавляет: «Для пика кризиса характерен распад общества на множество его индивидуальных и новых элементов» [244, с. 216]. Следовательно, социальный кризис – это качественное изменение формы общественной системы и связей между ее элементами, которое характеризуется снижением деловой и жизненной активности, болезненными проявлениями в информационно-коммуникативных средах и расстройством организационного комплекса, социально-культурного национального механизма воспроизводства общества. Анализируя общество в целом, следует сказать, что «общественный кризис» – это качественные изменения всей системы «общество». Анализируя систему взаимодействия индивидов, групп и институтов, следует отметить, что «социальному кризису» подвергаются элементы «социальной системы», т.е. компоненты общества.

Аналогичный подход наблюдается в трудах зарубежных отечественных философов и ученых, изучающих мировое целое и способы существования общества. Э. Дюркгейм считал, что «всякий агрегат индивидов, находящихся в постоянном соприкосновении, составляет общество. Принудительность – характерная черта социального явления, – очевидно, уже предполагает взаимодействие» [102, с. 221].

Г. Зиммель говорил, что «социальное явление или общество существует там, где несколько индивидов состоят во взаимодействии» [108, с. 31].

Г. Спенсер писал о «постоянстве отношений» [261, с. 277].

Г. Тард полагал, что «интерментальный процесс и его формы: подражание, противоположение и приспособление суть только иные слова для

обозначения того же принципа взаимодействия и его разновидностей» [274, с. 59-60].

Л. Гумплович отмечает: «Под социальными явлениями мы понимаем отношения, возникающие из взаимодействия человеческих групп и общений» [81, с.105].

У этих и других ученых прослеживается одна и та же мысль, высказывание о том, что общество – это постоянство отношений, где общественное/социальное проявляется в виде длительного, непрерывного, многостороннего и необходимого взаимодействия. Следовательно, социальное явление в обществе существует там, где несколько индивидов или человеческих групп состоят во взаимодействии и общении.

П.А. Сорокин в какой-то степени обобщает мысли вышеперечисленных философов: «Общество означает, прежде всего, совокупность нескольких единиц (индивидов, существ, особей), взаимодействующих между собой, оказывающих друг на друга и имеющих между собой ту или иную связь» [260, с. 27]. Общество как система взаимосвязанных между собой субъектов (индивидуальных, коллективных) в своем развитии проходит одну стадию за другой. В работе «Кризис нашего времени» он отмечает: «Настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция» [Там же, с. 433]. Таким образом, согласно П.А. Сорокину, замена одного образа жизни у человека на другой вовсе не означает его смерти. Замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведёт к гибели того общества и его культуры, которые подверглись трансформации.

Человек в XXI в., преодолев свою локальность, живет в глобальном планетарном обществе, о котором мы говорим все чаще, используя слово «кризис». Кризис охватил человечество в целом, лишив его раз и навсегда покоя и стабильности. Он наблюдается во всех сферах и на всех уровнях жизнедеятельности социума глобального (общепланетного) и локального

(например, российского общества). Однако ясного и исчерпывающего ответа на вопрос о том, что такое кризис (общественный кризис), а также ответа на вопрос как возможно управление кризисными процессами общества нет.

Согласно К. Марксу, капитализм характеризуется следующими друг за другом и последовательно сменяющимися друг друга фазами производства: «Среднее оживление, процветание, перепроизводство, кризис и застой» [185, с. 571]. С одной стороны, взаимодействуя, наемный труд и капитал составляют неразрывную диалектическую пару; с другой – отношения между наемным трудом и капиталом претерпевают всякий раз качественные изменения и выражаются в кризисах. По мнению К. Маркса, кризисы капиталистического хозяйства имеют материальную, экономическую основу.

М. Вебер доказывает обратное – общественные кризисы имеют духовное основание: «Общественные идеалы не могут быть раз и навсегда данными. Они развиваются и являют миру обновленные образы, которые регулируют настоящую общественную жизнь» [54, с. 145-153]. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер на примере кризиса религии показывает, как общество с одними качественными характеристиками – католическим мировоззрением – переходит к обществу с протестантским мировоззрением, где «мировоззрение теперь, как правило, определяется интересами торговой или социальной политики» [55, с. 91]. Он доказывает, что именно религиозная регламентация жизни общества и ведения хозяйства была первичной, а экономика и торговля – вторичной. По его мнению, «один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания – возник из духа христианской аскезы» [Там же, с. 205]. По-разному определяя место и роль в жизни общества, духовное и материальное основания, К. Маркс и М. Вебер едины в одном – общество развивается через кризисы материальной или духовной основы своей жизнедеятельности.

О. Шпенглер предлагает близкую по смыслу свою морфологическую версию истории, используя метафоры: «Любая культура смертна, и она проходит этапы: «молодость, зрелость, старение и смерть», а также ей свойственны превращения: «весна, лето, осень, зима» [343, с. 20]. Так, общество проявляет свою кризисную природу – развивается через кризисы и благодаря кризисам.

Х. Ортега-и-Гассет рассматривает кризис как «особую историческую перемену, смену поколений, однако сам остов мира сохраняется или только слегка модифицируется» [210, с. 295]. Он считает, что общество, сохраняя генетическую природу, выходит на мировую арену обновленным и неповторимым, предоставляя последующим поколениям материал для творческой работы.

Э. Тоффлер, в свою очередь, полагает, что «кризисы в экономике – это не только предел развития, но и новый импульс для дальнейшего роста» [284, с. 18]. Кризисная природа общественной и экономической жизни – это реальность, в которой сегодня живет человек.

А. Тойнби писал о том, что каждая цивилизация проходит в своей эволюции пять основных этапов: «Зарождение, становление, надлом, разложение и гибель» [280, с. 296]. Согласно ученому, совпадая по форме, этапы в развитии общества, отличаются, по сути обнаруживая таким образом его кризисную природу – неустойчивость и подвижность, на смену которым приходят устойчивость и стабильность. Развитие общества – это не только динамические переходы и статические фиксации его устойчивости, но также и чередование хаоса и порядка.

По мнению Т. Парсонса, «развитие системы в сторону повышения энтропии может начаться с утраты системой одной из ее функций. Важной является функция адаптации, отражающая гибкость системы, и определяет ее как процесс, в результате которого социальные единицы обретают больший выбор ресурсов, высвобождаясь в своем функционировании от некоторых

ограничений, присущих их предшественникам» [220, с. 44]. Следовательно, в развитии общественных систем время от времени наступает кризисный период, когда они то выходят из-под контроля, то адаптируются к новым условиям, то создают новую среду своего существования.

Нобелевский лауреат в области термодинамики И.Р. Пригожин, исходя из синергетического подхода, отмечает, что «переходный момент – это есть кризисное состояние социума» [230, с. 227-228]. Ученый, таким образом, исследуя разные области общественной и природной жизни, делает вывод о том, что эти системы проходят одни и те же этапы – стабильность, кризисное состояние, новая стабильность. С точки зрения мирового целого, а также явлений общественной жизни в философии и других науках было поддержано положение о «самоорганизации». Исходя из учения И. Пригожина, скажем, что оно верно в области природных – самоорганизующихся – процессов и не может быть экстраполировано на социально-гуманитарную практику, которая требует организации и планомерной систематической деятельности. Таким образом, зарубежные ученые под словом «кризис» понимают перелом, переходное состояние, сменяемые друг друга этапы, изменение качества отношений в системах природа-общество и общество-человек и изменения качества элементов этих систем.

Отечественные ученые о кризисе пишут следующее. Н.Я. Данилевский, например, выделил четыре стадии эволюции: «зарождение, возмужание, дряхление и гибель» [89, с. 439-440]. По его мнению, общество проходит всякий раз одни и те же стадии, проявляя, таким образом, кризисную природу: «первичную пустоту», «цветущую сложность», а также вторичное «упрощение». Известны его положения о кризисе взаимоотношений «верхов» и «низов» в структуре общественных отношений. Кризис распадающейся Европы, которая тяготеет к тому, чтобы стать «соединенными штатами Европы», кризис мировой торговой системы как «империализма – высшей стадии развития капитализма» и других говорят о том, что общество – это

динамично развивающаяся система. Оно возрождается, воспроизводится по сути, но не повторяется по форме и содержанию, развивается через кризисы, по мнению В.И. Ленина, и составляют «суть исторических моментов, которые не могут оставаться без контроля общества и отдельных личностей». Например, оценивая политические взгляды своих оппонентов, он писал о «левизне», т.е. об узко буржуазных взглядах, не замечающих эпохальных качественных перемен в обществе» [159, с. 305]. По мнению В.И. Ленина, их ошибка состоит в том, что они не отличают классовый конфликт от кризиса в системе отношений между наемным трудом и капиталом, между управляющими и управляемыми, между «верхами» и «низами».

Однако впервые систематизированное исследование «кризиса» мы обнаруживаем у А.А. Богданова, обозначаемый как «перерыв постепенности» в развитии систем и сами «переходные состояния» систем. Он отмечал: «Греческое слово «кризис» означает «решение». Ближайшим образом оно первоначально применялось к судебной тяжбе двух сторон, а затем к процессу обсуждения вообще; далее – к борьбе мотивов в человеческой психике; наконец, ко всякому состязанию сил, противоположных или конкурирующих» [39, с. 208]. Под кризисом подразумевалось завершение или перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер борьбы. В действительности кризис – глубокая перемена в самом характере движения. Таким образом, понятием «кризис» обозначается изменение любой организационной формы, рассматриваемое с точки зрения различия между его начальным и конечным пунктом в любом комплексе (теоретическом, практическом, биологическом, социальном, идеологическом). Так, мировое целое, с одной стороны, остается неизменным, субстанциально постоянным, с другой – обнаруживает свои субстанциальные свойства через кризисы. Следовательно, кризисы проявляются в виде: 1) «организационной» формы как нарастающие, становящиеся качества; 2) «дезорганизационной» формы как спадающие, разрушающиеся качества; 3) переходов от одного качества к другому – это

динамическое определение кризиса; 4) фиксирования нового качества – это статическое определение кризиса.

Г.Г. Шпет, представитель феноменологического направления в философской науке, в работе «Философия и психология культуры» рассматривает развитие общества и личности через «распад и новое рождение» [344, с. 284]. Эти фазы сменяют друг друга, составляя единое динамичное общественное системное целое. Возрождение системы происходит, согласно автору, через «парящий в пространствах фантазии «центр», который напрягается до способности нового рождения, расслоения сконцентрировавшегося, дифференциации» [Там же, с. 284-285]. Однако вся система жизни и жизнеобеспечения не погибает, а снова и снова возрождается через творчество.

П.А. Сорокин полагал, что исторический процесс есть циклическая флуктуация типов культур, в основе каждого цикла лежат представления о природе реальности, методах ее познания: «Мы живем в конце сияющего, чувственного дня, длившегося шесть веков. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас. За ее пределами различим свет новой, идеациональной культуры будущего» [260, с. 427]. По его мнению, общество с точки зрения культуры имеет три основания: веру, разум и чувства. Первые две стадии общество прошло и содержит их в своем историческом наследии. Последняя – только нарождается. Затем и эта стадия придет в упадок, тогда ее сменит следующий тип культуры.

Л.Н. Гумилев, русский историк и этнолог, в работе «История как форма движения материи» рассматривает развитие общества через этническую сторону человечества как целого, которое проходит ряд кризисов «в виде фаз этногенеза от «явного периода подъема» до «фазы гомеостаза» [79, с. 191-192]. Он также выделяет этапы (фазы развития) общества, которые сменяют друг друга, и делает акцент на «новом цикле развития, который может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая

пассионарная популяция» [80, с. 16-18]. Названные этапы – это циклы в развитии общества, характеризующие его как организм, имеющий кризисную природу, которая являет всякий раз новые качественные формы и зависит от «пассионарности», т.е. от космических импульсов, влияющих на популяцию и ее активность на вмещающем ландшафте.

Наш современник Н.Г. Левинтов писал в начале 80-х гг. XX столетия: «Поскольку философский характер понятия «кризис» представляется несомненным, задача состоит в том, чтобы эту категорию диалектически подвергнуть специальной разработке, определить ее сущность, особенности и место в ряду других категорий диалектики, выяснить ее методологическое значение для социологической, политической, юридической и других наук» [150, с. 42]. О кризисе в советский период говорил ещё М.А. Селезнев: «Кризис лишь частично разрешает противоречия общественной жизни и не вызывает возражений в признании его философского статуса» [248, с. 214]. В советский период о кризисе только стали говорить, но уже в начале XXI века кризис, его сущность и явления стали системно исследовать.

К.С. Арутюнян в своем исследовании отмечает, что «социальный кризис – это необходимое условие для формирования новых элементов (ценностей, идей, норм), позволяющих социальной сфере перейти в новое состояние, т.е. способность прогрессировать на определенном историческом этапе» [14, с. 88]. Следовательно, кризис – это один из переходных процессов общества и его социальных институтов, который позволяет перейти в новое качественное состояние. Согласно философу, социальными характеристиками современного кризиса являются: «Распад важных социальных подсистем и рассогласование системы «общество – личность»; утрата базовых ценностей; доминирование материального над духовным и партикулярных ценностей над ценностями, связанными с общим благом» [Там же, с. 141-142]. Таким образом, кризис – сложное многозначное явление, которое характеризует социальную систему

(общество, общественные институты), находящуюся в переходном состоянии, когда происходит нарушение, распад каких-то устойчивых связей.

Р.И. Соколова, исследуя кризис пишет: «Причины кризиса заложены глубже, чем во внешних структурах человеческого общества, они коренятся в таком мировоззрении, которое несовместимо с самим существованием цивилизации. Кризис порождается не только отсутствием материальных предпосылок и экономических успехов, но и отсутствием возвышающих человека идеалов и ценностей» [258, с. 15]. Следовательно, поиск оснований возникновения кризисов и путей их преодоления заключается в познании природы общественных идеалов и ценностей.

С.А. Храпов полагает, что в России на современном этапе ее развития «сегодня произошла девальвация ценности образа классического человека, выразившаяся в глубинных кризисных преобразованиях общественного сознания. Аксиологический кризис в первую очередь проявился в изменении содержания классических образцов «Бытия», «Бога», «Человека», «Культуры» выступающих в качестве мировоззренческих моделей и степени ценностного к ним отношения» [320, с. 161-162]. Таким образом, общественный кризис обусловлен, прежде всего, нарушением ценностного ядра, что выражается «в разрыве между культурой и социальностью, когда механизмы культурной саморегуляции и социальной памяти «не успевают» за всеускоряющимся социальным развитием, что неизбежно деформирует процессы социогенного функционирования общественного сознания» [Там же, с. 163]. В результате анализа работ отечественных ученых мы приходим к выводу о том, что словом «кризис» обозначаются общественные явления, которые характеризуют «переходные состояния общества» и его «новые качественные состояния». Итак, общество развивается через кризисы и благодаря кризисам. Вышеизложенного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что начиная с Аристотеля и заканчивая современными философами, мы не встретим понятие «кризис» в его системной разработке вплоть до 1970-1980-х гг. В настоящее

время слово «кризис» применяется для различных случаев общественной жизни, например, для обозначения глобальных социально-экономических, политических и военных конфликтов, проблем бытового и личностного характера и т.п.

Рассмотрим кризис как философское понятие и общественное явление, очень близкое по смыслу и значению философской категории «скачок». На первый взгляд скачок, как и кризис, – схожие понятия. Однако это не так. Скачок как понятие в современных словарях по философии мы встречаем довольно редко, чаще всего как дань моде следовать учению Г.В.Ф. Гегеля, изложенному в «Науке логики», «Феноменологии духа» и других всемирно известных работах. М. Розенталь и Ю. Юдин отмечают: «Скачок – перерыв постепенного накопления количественных и качественных изменений в развитии, момент перехода от старого качественного состояния к новому в результате накопления незначительных и скрытых количественных изменений» [240, с. 534]. Следовательно, скачок определяется как переход от одного качества к другому, это также форма движения материи и время его протекания. Не игнорируя понятие «скачок», проанализируем понятие «кризис» в рамках базового понятия «скачок», но как более конкретизированное, фиксированное и нерасширительное понятие для социально-философского анализа кризисных общественных процессов в трудах наших современников.

В работах Ф.А. Айзятова, А.П. Евгеньевой, В.И. Кемкина, М.А. Надель-Червинской, Т.Ю. Сидориной мы находим общее, что они отмечают в определении кризиса, которое можно выразить следующим образом: «Кризис – это а) резкое изменение, крутой перелом, тяжелое переходное состояние, сопровождающееся нестабильностью [2, с. 37], б) острый недостаток, нехватка чего-либо [103, с.129], в) решительный исход [125, с. 93; 201, с. 223], г) «опасность» и «возможность сделать что-либо» [254, с. 18-19]. Следовательно, кризис, один из переходных процессов в социальных системах, наступает, если ее изменения столь значимы или воздействие на нее столь

сильно, что параметры системы принимают пороговые критические значения. В этом состоянии степень организованности системы резко снижается и вероятность возвращения к прежнему стабильному состоянию невелика.

Мы полагаем, что кризис общественного бытия и общественного сознания имеют линейный характер (неизбежность прохождения каждым обществом всех необходимых стадий развития по двум направлениям – эволюционному и революционному) и нелинейный (циклический, волновой). В том и другом случае общество то приходит в упадок, то возрождается, то постепенно, но безвозвратно меняется качественно. В анализе общества используется циклический подход в отличие от линейного подхода, элементами которого выступают понятия системы, истории, структуры, динамики, статики и др. Циклический подход к анализу явлений природы и общества прослеживается у Аристотеля, который писал: «Бог завершил мировое целое тем способом, который оставался: он сделал возникновение безостановочным. Возникновение, совершив свой круг, возвращается к исходной точке» [11, с. 436-437]. Античные философы, например, рассматривали мир как единство и борьбу противоположностей, сочетание которых представляет собой основу целого, находящегося в движении посредством внутреннего импульса.

Идея цикличности мироустройства и миропорядка известна со времен Древней Греции и Древнего Китая. К ним относятся циклы в развитии флоры и фауны, природно-климатических процессах, развитии общества и жизни отдельного человека, природных циклах, влияющих на развитие общества и человека. В древности также полагали, что природа и общество развиваются по законам цикличности и преодоления. Импульс движения – противоречия, переходящие друг в друга; форма движения – возврат; начало движения – цикл, круговорот. Следовательно, история природы и общества – процесс последовательного зарождения, роста, расцвета, возвышения и упадка сил общества и природы. Так, А.А. Алферов отмечает, что «прогрессивное развитие общества аналогично развитию природы и имеет свои циклы: вершина (пик,

бум), сжатие (рецессия, спад), дно (депрессия), оживление (расширение) или всего две фазы – рецессию и подъем. Соответственно, экономическая жизнь общества носит циклический характер» [5, с. 96-97]. По его мнению, существует зависимость в целом экономической жизни общества от экономической активности колебаний различной продолжительности, которые накладываясь друг на друга, усиливают, ослабляют, уравнивают и трансформируют субстанциальную основу экономики и другие области человеческой жизни. В.М. Лейбин пишет: «Циклический характер экономики служит механизмом ее саморегуляции, а кризис обнаруживает предел и импульс нового витка развития, выполняя стимулирующую функцию» [151, с. 104]. Циклический подход отмечен в трудах представителей «социальной технологии», например, А. Геде, [64, с. 17] и представителей «системного кризиса», например, А.Л. Чижевского [327, с. 289]. Таким образом, все явления природного и общественного характера, как видим, предстают как «непрерывные», выраженные в их повторяемости. Противоречие между перерывом и непрерывностью в развитии – это две стороны явлений всего сущего, где один процесс сменяет другой и где обязательно присутствует разрыв, т.е. кризис.

Сравним понятие «кризис» с другими смежными понятиями: «конфликт», «коллапс», «конфронтация», которые, на наш взгляд, замыкают в единое целое знания о любом типе общественного развития и изменения. Под термином «конфликт» (от лат. *conflictus* – столкновение) в философии подразумевают состояние, когда существующие противоречия достигают крайних границ противоположности и приобретают черты полярности, антагонизма, при котором нередко возникает момент взаимоотрицания друг друга. Р. Дарендорф, один из основателей теории социального конфликта, писал: «Конфликты возникают по внутривполитическим или внешнеполитическим причинам в обществе» [91, с. 142]. Он полагает, что конфликт – это реальность, которую нельзя отменить, но ею можно управлять и направлять в нужное русло,

разрешая возникшие противоречия. М. Берг, В.М. Вильчек и другие ученые считают, что «конфликт» – это столкновение взглядов и интересов сторон, высшая стадия развития противоречий в системе отношений людей и социальных институтов» [27, с. 36-41; 58, с. 130]. При конфликте в социальных системах, во взаимодействии между людьми, группами, сообществами, социальные связи «напрягаются» и при определенных обстоятельствах могут, а чаще всего, разрываться. Соответственно, «коллапс» происходит от английского collapse – разрушение; крушение; упадок сил; упадок духа; изнеможение. Коллапс – это одно из состояний системы, образующееся путём ослабления связей и отношений, тогда как конфликт образуется путём создания напряжений в структуре связей и отношений системы. Переходным состоянием, мостом между конфликтом (напряжением), коллапсом (ослаблением) и кризисом (разрывом) связей в системе будет являться конфронтация. «Конфронтация, – отмечает А.А. Грицанов, – это противоборство, столкновение социальных систем, классовых интересов, убеждений и т.п.» [74, с. 561]. Конфронтация, согласно ученому, определяет меру, момент перехода системы с одними качественными характеристиками в систему с другими качественными характеристиками. Далее процессы становятся необратимыми.

Поэтому, сравнивая и различая выделенные понятия, отметим: 1) конфликт – это состояние системы, при котором существующие противоречия достигают крайних границ, но не приводят к качественным изменениям системы (например, противоречия между работодателем и работником); 2) коллапс – это ослабление связей в системе, которые, как и при конфликте, не приводят к их разрыву (например, ослабление трудовой дисциплины в коллективе); 3) конфронтация, отдаленно напоминающая коллапс или конфликт, чаще всего характеризуется переходом общества или его подсистем на другой качественный уровень или невозвращением его к прежнему качественному состоянию (например, революции); 4) кризис – это

испытание, перелом, кульминационный момент, точка проявления противоречия, в которой сфокусировались трудности, наметился или предстоит выход из создавшегося положения, а также возникла непреодолимая преграда (например, изменение системы трудовых отношений в коллективе – переход от распределения к обмену или от повременной заработной платы к сдельной).

В результате анализа степени усиления-ослабления связи между элементами социальных систем, выделим следующие ее состояния: 1) при конфликте социальные связи *напрягаются*, обостряются, но не разрываются между элементами общественного целого; 2) при коллапсе связи *ослабевают*, но не разрываются; 3) при конфронтации связи в социальной системе *напрягаются до предела*, но не разрываются или в некоторых местах имеют частичные разрывы, что приводит к хаосу; 4) в условиях кризиса социальные связи *разрываются* по всем направлениям в системе и тогда эта система либо переходит из одного качественного состояния в другое, либо обнаруживает новое качественное состояние при невозможности возврата в прежнее состояние. Следовательно, общество развивается через кризисы, которым предшествуют стадии нормального развития, предкризисного состояния, кризисного состояния, посткризисного состояния. Таким образом, кризис – это завершение или перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер борьбы или предельно противоречивое состояние системы; социальный кризис – это качественное изменение формы общественной системы и разрывы связей между ее элементами, которое характеризуется снижением деловой и жизненной активности, болезненными проявлениями в информационно-коммуникативных средах и расстройством социально-культурного национального механизма воспроизводства общества.

Выводы по первой главе

В результате проведённого анализа выяснилось, что общественное сознание – это философская категория, которая характеризует жизнь общества как целостное, многоуровневое и сложное явление духовного мира. Оно

представляет интегративное качество общественного идеального бытия, которое отражает, координирует и преобразовывает общественное материальное бытие. В марксизме общественное сознание отражает общественное бытие, а также совокупность коллективных представлений, сформированных в конкретно-исторический период развития общества. К сферам общественного сознания, согласно, В.С. Барулину, относятся экономическая, социальная, политическая и духовная.

Глобализация (объективно) – это процесс этапный, исторический и качественно новая эпоха в развитии человечества по всем направлениям. Глобализм (субъективно) – это проект глобализации и проявляется особенно заметно как «американизация» - политика навязывания воли США всему миру. Бифуркационная веха в ее истории – вторая половина 1980-х гг., передел мира после распада СССР. Глобализация – это диалектически противоречивый процесс, охвативший человечество в масштабах планеты, который проявляется в бинарных оппозициях, например, глобализация – де-глобализация, интеграция – дезинтеграция и др. по всем направлениям, включая экономику, политику и др. Как философское понятие «кризис» еще не обрело парадигмального статуса и не нашло своего определенного места в структуре философского знания.

Сущность кризиса проявляется в процессах и состояниях духовного и материального мира, претерпевающих качественные изменения, которые могут быть представлены в структуре философского знания понятием «кризис».

Существование кризиса – это все многообразие кризисных общественных явлений. Кризис состояний систем всегда проходит стадии предкризисную, кризисную и посткризисную.

ГЛАВА 2. КРИЗИСНЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ

§1. Основные формы проявления кризисных процессов в современных обществах

Реальность, в которой живет современное человечество, можно назвать кризисной. С одной стороны, планетарный социум уже живет в новом мире, но так и не распознал его особенностей и новых открывающихся возможностей. С другой стороны, современное общество все еще стремится удержаться в рамках прежних культурно-цивилизационных основ. Особую актуальность в этой связи представляет социально-философский анализ основных форм проявления кризисных процессов современных обществ в аспектах глобализации и современных кризисных процессов общественного бытия и общественного сознания. Кризис системы *бытие – сознание общества* особенно ярко проявился в конце XX-го – начале XXI-го вв. Сегодня мир изменился качественно и находится во власти новых интеграционных процессов, о которых философия и наука часто говорят, что духовная сфера отстала по своим темпам развития от своего носителя – материально-вещественной среды, именуемой часто глобализацией (глобализационными процессами). Вчерашние парадигмальные каркасы и идеологические установки сегодня зачастую не выдерживают критики и требуют современной интерпретации и переосмысления происходящих общественных событий в сфере идеального и материального. Понимание современных обществ и их типологии – задача достаточно сложная для социальной философии, потому что она находится на пересечении многих сфер и направлений жизнедеятельности общества, мировоззренческих установок.

Общество, как ключевая категория социальной философии имеет несколько связанных, но не совпадающих значений. В наиболее широком значении обществом называют ту часть окружающего и охватывающего нас мира, которая выделена из неживой и живой природы и отличается от нее

специфическим способом существования. В более узком значении обществом называют не социальность вообще, а организационную форму существования и воспроизводства социальности. Общество понимается как реальная самодостаточная группа людей, способных создавать и воссоздавать все необходимые условия своего существования, в том числе формировать людей как социальных существ. Следовательно, общество 1) в широком значении – это общность, совместная жизнь людей, мир социальных явлений; форма бытия, характеризующаяся целенаправленной совместной трудовой деятельностью людей, создающих мир социокультурных явлений, отличных от мира природы; 2) в узком значении – это самодостаточная социальная группа людей, обладающая способностью к самодеятельности.

По определению П.А. Сорокина, «общество означает не только совокупность нескольких единиц (особей, индивидов и т.д.), но предполагает, что эти единицы не изолированы друг от друга, а находятся между собой в процессе взаимодействия, то есть оказывают друг на друга то или иное влияние, соприкасаются друг с другом и имеют между собой ту или иную связь» [260, с. 27-28]. Структура общества и его элементов – предмет изучения социологии; определение типа связей индивидов в единое целое – это задача философии. Многое зависит в социальной философии от выбора того или иного способа объяснения зарождения и функционирования общества в аспектах мировоззренческих установок исследователя.

Рассмотрим формы проявления кризисных процессов в современных обществах, опираясь на мировоззренческие установки и методологические подходы, изложенные в следующих концепциях и парадигмах отечественных и зарубежных ученых.

1. В «Системе современных обществ» (1970) Т. Парсонс отмечает, что «общества современного типа обладают более высокой и обобщенной, чем все другие, адаптивной способностью и что все они имеют единое западное происхождение, как «культуро-центристские» и оценочные» [363, с. 12]. При

этом, «воспроизводство образца является одной из основных функциональных потребностей любого общества». Она определяется им, во-первых, как «поддержание основного образца институционализированных в обществе ценностей и, во-вторых, как оформление и поддержание надлежащих мотивационных обязательств индивидов перед обществом. Особое значение для американской системы сохранения образца, по Т. Парсонсу, имеет «образовательная революция, которая создала механизмы, посредством которых новые культурные стандарты, главным образом те, что воплощены в интеллектуальных дисциплинах, институционализируются таким образом, что частично замещают традиционную религию» [Там же, с. 132]. Согласно ученому, «американское общество и другие современные общества сохранили прочные моральные устои, пережившие религиозный плюрализм и секуляризацию и даже укрепившиеся благодаря им. Нынешняя социальная структура характеризуется особым рода интеграцией с культурной системой и успешно осуществлялась в трех главных направлениях: в направлении установления правового порядка, впервые институционализированного в Англии XVII в.; национально-политического порядка, в первую очередь в предреволюционной Франции; и рыночно-экономического порядка, утверждавшегося вслед за промышленной революцией» [Там же, с. 131]. В качестве форм проявления кризисных процессов в современных обществах, исходя из анализа работы Т. Парсонса «Система современных обществ», назовем «крупные изменения в механизмах создания и поддержания в членах общества надлежащих мотивационных установок (*нуклеарная семья и ее самостоятельность, независимость – Р.Л.*)» [Там же, с. 133]. В XX в. существенно претерпела изменения культура через революцию в образовании. Т. Парсонс отмечает, что «нынешний кризис имеет своим эпицентром не экономику, не политическую систему и не систему ценностей, а социетальное сообщество. Таким образом, в периоды социальной нестабильности и

переживаемые обществом кризисы, образование обеспечивает социальную устойчивость и адаптацию к новым условиям.

2. «Открытое общество» К. Поппера – это демократическое общество, которое характеризуется плюрализмом в экономике, политике, культуре, развитыми структурами правового государства, о котором он писал так: «В обществе должна существовать, по крайней мере, элементарная степень взаимного доверия. Однако ничто не приведет к этой цели быстрее, чем доверие к власти закона – доверие, основанное главным образом на положительном опыте и потому вполне заслуженное, т. е. доверие к правовым институтам государства и к чиновникам, несущим ответственность за исполнение закона» [229, с. 23, 34-78; 370]. М.В. Рац, применяя концепцию открытого общества К. Поппера, пишет следующее: «Важнейшую особенность ситуации, сложившейся в постсоветской России (и СНГ) я вижу в фундаментальном разрыве между новыми политическими ориентирами и провозглашаемыми ценностями, с одной стороны, и сохраняющимися советскими подходами, «словопонятиями» и представлениями, советской ментальностью, – с другой» [235, с. 23]. По мнению ученого, «наше общественное сознание блуждает между трех сосен: капитализмом, социализмом и особым путем России» [Там же, с. 24]. Следовательно, «открытость к будущему оказывается возможной только и исключительно в условиях господства критического мышления в противоположность традиционному (в органическом обществе) и догматическому (в тоталитарном) менталитету» [Там же, с. 26-27]. В заключение своего исследования М.В. Рац приходит к выводу о том, что «сегодня общественное устройство, позволяющее поддерживать свою открытость, сопряжено с двумя подсистемами: гражданским обществом и правовым государством, существующими только в паре и взаимно дополняющими друг друга» [Там же, с. 32]. Таким образом, открытое общество – это общество, уравновешенное внутри (государство и

общество) и с внешней средой, что и создает предпосылки для его социальной открытости, новые ориентиры и установки для современных перспектив.

3. Концепция «конца истории» Ф. Фукуямы, в которой ученый утверждает, что распространение в мире либеральной демократии западного образца свидетельствует о конечной точке социокультурной эволюции человечества и формировании окончательной формы правительства. В представлении Ф. Фукуямы конец истории, однако, не означает конец событийной истории, но означает конец века идеологических противостояний, глобальных революций и войн, а вместе с ними – конец искусства и философии. Будущее всего человечества в конце XX в. он видел, как «путь вестернизации и американизации своих систем, так как победа либеральной демократии во всемирном масштабе не оставляет им иного выбора» [314, с. 45-46]. Это апологетика ценностей современных обществ, которым «суждено выбрать» проамериканский путь развития. В данном случае нарушение формы жизнеустройства под названием «либеральная демократия» для ее носителей – США и европейских стран – ведет к кризису общества, а для стран, еще не вставших на этот путь – это движение к деградации и вымиранию в современных условиях, где научно-технический прогресс и законы рынка являются доминирующими.

4. Как отмечалось выше, «мир-системная» концепция И. Валлерстайна – это процесс и результат развития капитализма как мир-системы, который претендует на всеобщую мировую систему воспроизводства общества, а также указывает путь человечеству, которое должно «выйти из капитализма», трансформироваться в «обновленную систему воспроизводства общества» [43, с. 24; 44, с. 199, 202; 45, с. 170; 47, с. 214; 48, с. 30-31]. Иными словами, современное общество, согласно учению И. Валлерстайна, это – общество, следующее исключительно по пути развития капитализма, поэтому формой проявления кризисных процессов в «мир-системе» будет не отрицание «капитализма», а переход в новую, более совершенную форму, в которой все

изменения происходят вокруг «ядра» в центре с «распределительной экономикой и сильной политико-административной системой».

5. В теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона прежде мир делился на «три лагеря – капиталистический, социалистический и развивающийся (третий) мир»» [317, с. 156-181]. Сегодня формой проявления кризисных процессов в современном обществе будет выступать «цивилизационный разлом». Он отмечает, что «в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов» [374]. Конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях: «На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности» [Там же]. Конкретные формы кризисных процессов в современных обществах, скорее всего, проявятся следующие:

«сплочение цивилизаций: синдром «братских стран»»;

«возрастающее самосознание цивилизаций»;

«конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта»;

«западная цивилизация будет все больше девестернизироваться и превращаться в игру, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица»;

«эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними»;

«конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации»;

«вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн»;

«главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром»;

«в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран» [Там же]. Это не единственные формы межцивилизационных кризисов, но наиболее вероятные, по утверждению С. Хантингтона. К сказанному можно добавить, что формами межцивилизационных кризисных явлений будут выступать такие бинарные оппозиции, как: сотрудничество – соперничество; интеграция – дезинтеграция; баланс сил – дисбаланс сил.

6. Свою «геополитическую концепцию» З. Бжезинский представляет следующим образом: «Современный мир отличается интерактивностью и взаимозависимостью. Ведущим державам ещё только предстоит выработать совместные пути решения новых растущих угроз человеческому благополучию – экологических, климатических, socioэкономических, продовольственных и демографических. Однако без опоры на геополитическую стабильность любые попытки добиться необходимого международного взаимодействия, обречены на провал» [37, с. 5]. З. Бжезинский, цитирует одного из основоположников

геополитики Хэлфорда Маккиндера: «Евразия – самый важный мировой остров, поэтому, кто правит мировым островом, тот командует миром» [Там же, с. 199]. По мнению ученого, геополитика – это главная линия США в современном мире и задача этой геополитики – владеть «мировым островом», а вместе с ним и всем миром. Эту линию З. Бжезинский развивает в других работах, например, [34, с. 12; с. 38-41]; [35, с. 8-11]; [36, с. 32]; [37, с. 55-58]. Основная форма проявления кризисных процессов в современных обществах, основанная на классификации Зб. Бжезинского – это противостояние «морских держав» и «держав сухопутных».

Такая форма кризиса носит амбивалентный характер, потому что, с одной стороны, противостояние продолжается, и нет этому конца и края. С другой стороны, в отношениях между державами ними так и не наступил перевес.

Эту форму кризиса современного общества в его геополитическом («сухопутно-морском») измерении можно назвать равновесной, потому что реального перевеса сил мы не наблюдаем, не смотря на культурно-цивилизационные и иные различия.

7. Теория «глокализации» (от англ. Glocalisation = глобализация+локализация) как процесс экономического, социального, культурного развития, характеризующийся сосуществованием разнонаправленных тенденций: на фоне глобализации вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий происходит их сохранение и усиление принадлежит Р. Робертсону [226, с. 68-69] и У. Беку [23, с. 126-127; 24, с. 2-3; 25, с. 63-64; 26, с. 40]. По их мнению, современное общество развивается по двум указанным направлениям. Глобализация и локализация – это принципиально важные процессы, формирующие кризисное бытие современного общества, потому что они, с одной стороны, являются двумя сторонами одного единого диалектического процесса развития человечества на Земле, которые уравнивают друг друга. С другой стороны, они

обнаруживают кризисную природу взаимодействия общественного бытия и общественного сознания.

Понимание современного общества в его «глокализационной» форме можно назвать диалектическим, потому что оно объединило в мировом масштабе целое и его части в аспектах экономики, культуры, политики, информации и др. С точки зрения глокализационного подхода можно исследовать общество в масштабах мирового глобализационного целого, состоящего из локальных частей.

8. Следующая концепция, которая заслуживает специального анализа – глобализм, которой занимаются отечественные философы К.О. Глазунов [68, с. 3]; В.П. Даниленко [373]; Л.М. Карапетян [120]; И.Ф. Кефели [126, 127]; А.С. Панарин [217, с. 128; 218, с. 45-46; 219, с. 55]; В.В. Шляпников [342, с. 3-4]. Суть их подходов может быть сформулирована в аспектах социально-философского знания следующим образом: «Социальная природа глобализма весьма разнородна. В культурно-историческом определении глобализм предстает как общечеловеческая культура, охватывающая национальные культуры во всех формах своего проявления. Общие проблемы современности являются следствием мировой сети технологических и экономических отношений, которая была создана экспансией деятельности западноевропейских народов за последние пять столетий. Технологические и экономические отношения порождают политические, этнические и религиозные отношения. Глобализм предстает как процесс, стремление к образованию «общей всемирной цивилизации» (К.О. Глазунов [68, с. 3]). Глобализм – это проект определенной группы людей, заинтересованных в мировом господстве. По мнению ученого, «глобализм как современная форма империализма и высшая её стадия, опирается не только на военную экспансию, но также на экспансию экономическую и культурную. Так закрепляется система несправедливого распределения ресурсов планеты: природных, трудовых, интеллектуальных. Процессы глобализации сопровождаются

попытками установления господства богатой элиты над остальными людьми, одних культур и мировоззрений над другими, что особенно нетерпимо в религиозной сфере. В итоге наблюдается стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чём, как абсолютной ценности и мерила истины» [Там же, с. 3]. Также глобализм как субъективное явление стремится сформировать «новое мировое сообщество», например, «золотой миллиард», который будет «обслуживать» оставшаяся необходимая для этого часть населения планеты Земля. К.О. Глазунов отмечает: «Классификация основных типов глобализма, по сути дела, воспроизводит исторические этапы общественного развития: 1) «глобализм Просвещения»; 2) «эзотерический глобализм правящих элит»; 3) «глобализм одной державы (надо полагать, США), претендующей на роль монополярного носителя мировой власти и лидера однополярного мира». «Сочетание этих трех типов глобализма к концу 20 в, позволило выявить характернейшую черту глобализма – это курс, который не обеспечивает решения глобальных проблем, а наоборот, усугубляет их, подвергая безжалостной эксплуатации природные, трудовые и интеллектуальные ресурсы» [Там же, с. 4]. Проблемой глобализма также занимались и зарубежные философы, учения которых были проанализированы выше, к ним относятся: У. Бек, Зб. Бжезинский, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, К. Поппер, Р. Робертсон, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, которые отстаивают и продвигают экспансию Запада и США. Отличие взгляда на глобализм зарубежных ученых от взгляда отечественных философов состоит в том, что они относятся к нему «объективно», то есть воспринимают как нормальное явление, не критично. Апологетика глобализма – это оправдание политики мирового капитализма во главе с определенной группой людей, личные и групповые интересы которых, оказываются выше интересов общества в целом.

9. В своей теории «постэкономического общества» В.Л. Иноземцев отмечает, что «синонимом слов «современное общество» в экономической теории и социологии служит термин «промышленный капитализм». Выделяют две стадии развития современности как социологической категории и социальной реальности: индустриальное (промышленное) общество, возможно, в двух формах – промышленный капитализм и реальный социализм; постиндустриальное, информационное общество (постиндустриализм), иногда рассматриваемое как посткапитализм. Характеристики постиндустриализма – формирование целых сфер и отраслей, существующих в форме виртуальной социальной реальности, превращение работы с информацией в важнейший сектор экономики» [369]. «Постэкономическое общество», по мнению В.Л. Иноземцева, может быть рассмотрено в числе трех эпох исторического прогресса: Первая из них названа Марксом архаической, вторая – экономической общественной формацией, третья – эпохой становления и развития коммунистических принципов. Исходя из анализа теории «постэкономического общества» В.Л. Иноземцева, выделим форму, в которой отражается вся совокупность его признаков – это всеобщая и необходимая связь общественных процессов и явлений, в которых отражается человеческая личность не как «совокупность экономических отношений», а как «совокупность творческих отношений». Этот кризис как переход из одного качественного общественного состояния в другое качественное общественное состояние, основываясь на экономических отношениях, движется вверх к духовному освоению своего общественного бытия, имеющего устойчивый и эффективный экономический базис.

Исходя из анализа вышеперечисленных теорий современных обществ, можно назвать их следующие формы кризисных процессов: 1) знания, технология и информация выделяются как всеобщие и связующие элементы обновленного постэкономического общества, вышедшего из недр общества экономического; 2) современное «виртуальное общество», основанное на

применении Интернет-технологий; 3) «постэкономическое», «посттрудовое» общество, в котором экономическая подсистема утрачивает свое определяющее значение, а труд перестает быть основой всех социальных отношений. Акцент смещается на социальные, гуманитарные проблемы, а в качестве приоритетных выступают вопросы качества и безопасности жизни, самореализации индивида в различных социальных сферах, в связи с чем, формируются новые критерии благосостояния и социального благополучия; 4) в качестве форм проявления кризисных процессов в современных обществах можно назвать новые зарождающиеся и еще до конца не изученные феномены современного общества, такие как «массовое общество» (омассовление культуры, ее унификация, сопровождаемое распространением примитивных образцов, стандартизированных и размноженных современными техническими средствами), «гражданское общество» (сочетание частных и общих интересов общества и государства на партнерских отношениях, основанное на принципах самоорганизации, в основе которых лежат негосударственные отношения), «общество потребительское» (или общество «всеобщего благосостояния», основанное на фетишизации потребления стандартных бытовых товаров и услуг в ущерб развитию духовных и интеллектуальных интересов граждан) и др.

В качестве примера можем привести следующие кризисные социальные явления: 1) консьюмеризм; 2) насильственность; 3) товарно-денежный фетишизм; 4) гендерная дезориентация мужчин и женщин; 5) протребительство (термин «prosumer» образовано из «producer» - производитель – и «consumer» - потребитель А. Тоффлер употребил в работе «Третья волна») [285, с. 34]; 6) виртуализация; 7) непродуктивные зависимости (наркотики, алкоголь, табачные изделия); 8) продуктивные зависимости (телефоны, компьютеры, автомобили), когда они удовлетворяют насущные потребности человека, развивают его; 9) мондиалистские тренды (новости ведущих теле-радио компаний, международные форумы, торговые бренды); 10) медиализация

общества (вездесущность и глобальная востребованность медицины и медиков); 11) глобоцентризм – неотвратимость и неустранимость глобализационных тенденций и процессов.

Для выявления и анализа форм кризисных процессов в современных обществах идеального или материального порядка воспользуемся понятием *тренд*, о котором пишут О.Г. Леонова [165, с. 8-9] и Э. Ласло, где тренд (от англ. *trend* – тенденция) «основная тенденция изменения временного ряда» [146, с. 19]. Под трендом понимаются некоторые стереотипы общественного сознания, которые отражают наиболее актуальные, часто встречающиеся явления общественного бытия. Общество эпохи глобализации имеет три основные тенденции (тренда):

- 1) кризисное общество *организационного* типа;
- 2) кризисное общество *дезорганизационного* типа;
- 3) кризисное общество *замирающего* типа.

Основные факторы, влияющие на проявление кризисных процессов в современных обществах, следующие:

1) глобализм (субъективный фактор, формирующий планетарные общественные кризисы) – внешняя политика какого-либо государства, основанная на праве вмешиваться во внутренние дела других государств, навязывая им свою волю. К глобализму относится мировая экспансия стран Европы, США и их сторонников;

2) глобализация (объективный фактор, исходящий из потребности глобального человечества в формировании общей взаимовыгодной экономики, системы безопасности, политической стабильности, государственной суверенности и т.п.) – всемирный процесс, влияние которого распространяется на экономическую, политическую, социальную и духовную жизнь, и который выражается в унификации и интеграции всех сфер жизнедеятельности социума.

Вывод: диалектическая связь между глобализмом и глобализацией формируют кризисные процессы в современных обществах, порождая:

1) общественные кризисы, вызванные или навязанные *экзогенными* факторами (внешними), например, наплыв беженцев-переселенцев в Европу, поменявший радикально социально-демографическую обстановку в этом регионе мира;

2) общественные кризисы, имеющие *эндогенный* (внутренний) характер, например, модернизация социально-экономической и политической жизни России, которые имеют специфическую особенность и которые выражаются в стремлении внести качественные изменения в жилищно-коммунальной сфере, строительство и ремонт дорог, построение правового государства;

3) кризисы, имеющие *сочетанный эффект* (эндогенно-экзогенный), например, социально-экономический кризис в Украине, с одной стороны, вызванный ослаблением экономики, с другой стороны, навязанный странами Евросоюза и их сторонниками;

4) общественные кризисы, вызванные потребностью *глобальных изменений* (планетарных), например, потребность в новом общественном сознании – экологическом, которое сохранит невозобновляемые ресурсы Земли, поддержит экологический баланс.

Возможны и другие способы проявления кризисных процессов в современных обществах, но именно эти четыре, по мнению диссертанта, исчерпывают все многообразие общественных кризисов на нашей планете.

К.С. Арутюнян, исследуя глобализационные процессы в России, обращает внимание на «социальный кризис современности, который определяется состоянием разрушения или распада важных подсистем общества, нарушением сбалансированности различных сфер жизни общества и различных форм духовной культуры внутри духовной сферы общественной жизни и т.п.» [14, с. 73]. Для России, как отмечает философ, «социальный кризис общества во многом связан с духовно-нравственным кризисом, который в основном негативное влияние на социальную сферу жизни, на отношения, на всю социальную структуру общества» [Там же, с. 77].

Таким образом, кризисные процессы в России в условиях глобализации не только разрушили прежнее качественное состояние всей социальной системы, но и создали условия для перехода нашей многонациональной страны в новое качественное состояние. Россия, как многоконфессиональное и многонациональное государство, оказалась в эпицентре наложившихся друг на друга глобального кризиса и собственного системного кризиса. Сегодня нет полной ясности по вопросу о том, как наша страна выйдет из этого кризиса, который на уровне обыденного сознания характеризуется следующим положением: возврата в прошлое нет, а будущее не известно. Этот кризис можно назвать системным и проблемным, т.е. охватившим все сферы жизнедеятельности общества и выявившим ведущее противоречие современности между сложившимся мировоззрением человеческой цивилизации и способом ее существования.

Проявления кризиса современных обществ можно наблюдать в Евросоюзе. Так, референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе, который состоялся в Великобритании и Гибралтаре 23 июня 2016 года, с одной стороны, говорит о ее самодостаточности и желании строить отношения по собственному выбору. С другой стороны, он свидетельствует о наличии серьезных противоречий внутри единого Евросоюза и снижении степени влияния США на мировые процессы. Президент США Д. Трамп выступает в последнее время как антиглобалист, который после избрания осознал, что в США есть свои внутренние проблемы, требующие безотлагательного обсуждения и решения.

На фоне *геополитических* событий в Евросоюзе (ЕС) обращает на себя внимание европейский миграционный кризис, возникший в начале 2015 года в связи с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов в ЕС из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии и неготовностью ЕС к их приёму и распределению. Основными причинами возникновения миграционного движения являются экономическая,

политическая и национально-правовая нестабильность. К ним относятся войны и вооружённые конфликты, дестабилизирующие ситуацию в регионах: гражданская война в Ираке, гражданская война в Сирии, войны в Афганистане (2001-2014 и 2015), война в Ливии, военная операция против ИГИЛ, кризис в Сербии и в Косово, вооружённый конфликт на востоке Украины, религиозные столкновения в Нигерии, конфликты в Йемене и Пакистане. Сюда относятся события в Каталонии, стремящейся обрести самостоятельность.

С одной стороны, можно говорить о влиянии США, которые с помощью целенаправленной политики глобализма создают предпосылки для ослабления национальных экономик и дроблении государств с целью управления ими. С другой стороны, необходимо отметить, что ЕС и многие другие страны в условиях глобализации не создали условий для формирования *социально-культурной идентичности* социума, проживающего в этих государственных образованиях. *Многоконфессиональность и межнациональные отношения* – это еще один фактор усиления кризисных процессов в современных обществах, который говорит о необходимости устанавливать социальные связи в регионах через системную работу в контексте *патриотизма* и *интернационализма*.

Темой последних научных публикаций является «конец глобализации» – «возвращение в историю». В частности, И. Валлерстайн отмечает, что «современная мир-система как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса. Переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно не ясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик» [46, с. 5-6]. З. Бауман пишет о том, что «интеграция и раздробленность, глобализация и территориализация – это взаимодополняющие процессы. Точнее, это две стороны одного процесса: процесса перераспределения суверенитета, власти и свободы действия в мировом масштабе, катализатором (но ни в коей мере не причиной) которого стал радикальный скачок в развитии технологий, связанных со скоростью.

Совпадение и переплетение синтеза и раздробления, интеграции и распада отнюдь не случайно, и изменить эту ситуацию уже невозможно» [21, с. 100-101]. По его мнению, метафоры «текучесть» или «жидкое состояние», являются наиболее подходящими, когда мы хотим постичь характер настоящего, во многих отношениях нового, этапа в истории современности» [22, с. 8]. Термин «текучесть» в данном случае является синонимом неопределенности.

Более подробно тему конца глобализации и возвращения в историю рассматривают П. Дуткевич и Д.Б. Казаринова. По их мнению, «кризис доверия двум основным столпам современного общества – государству (кейнсианству) и рынку (неолиберализму)» [101, с. 7]. Сегодня мир «в ситуации глобализации, с одной стороны, и нестабильности, «конца знакомого мира», с другой, становятся «текучим», без устойчивой идентичности и нормативного стержня» [Там же]. Такое общество характеризуется термином «*Interregnum*» (междоцарствие, междувластие – *Р.Л.*). К такому миропониманию современное общество пришло в результате мирового финансового кризиса 2008 г. П. Дуткевич и Д.Б. Казаринова отмечают: «В результате кризиса все распалось. Глобальный кризис стал кризисом не только экономическим, но и идейным: мы перестали верить и в силу рынка, и в силу государства. Избирательная кампания по выборам президента США, полемика между Х. Клинтон и Д. Трампом – не что иное, как последствия конца глобализации» [Там же, с. 8]. В состоянии *Interregnum* «центральной проблемой становится проблема новых оснований для управления и государством, и регионом, и глобальным порядком. И этим основанием опять становится сила, где «капитал понимается, как количественная оценка силы, а сила понимается неклассически – как способность заставить следовать интересам субъекта влияния, а как способность оказать влияние для добровольного подчинения» [Там же]. Таким образом, сегодня «речь идет о формировании новых подходов и центров управления, возникновения новых средоточий экономической власти и могущества, легитимной глобальной интервенции» [Там же, 10]. Выходом из

ситуации *Interregnum*, скорее всего, будет не «модель будущего социально-экономического порядка, а процесс» [Там же, 11]. Ученые приходят к выводу о том, что «глобальные процессы будут продолжаться, но они будут продолжаться в русле интернационализации. Глобализация пойдет по пути регионализации, а попытка удержать определенные рычаги силы будет проходить на региональном уровне. Примерами этой тенденции становятся региональные проекты «Один пояс один путь» (Евразийский – экономический союз и Трансатлантическое партнерство)» [Там же, 12]. Следовательно, «новые региональные группировки будут закладывать новые правила игры, и в этом смысле это означает конец глобализации» [Там же]. По мнению ученых, «России важно успеть преодолеть имеющую место текучесть, не свалиться в радикализм и популизм и выступить с инициативами для всего Евразийского макрорегиона и эффективно конкурировать в гонке интеграций с растущим Китаем и слабеющим Евросоюзом» [Там же, с. 13]. Таким образом, для нашей страны «конец глобализации» – это возможность реализовать свой военно-политический потенциал на мировой арене, а «возвращение в историю» – это обретение собственной культурно-цивилизационной идентичности в новых условиях.

Анализ современных обществ показал, что формы проявления кризисных процессов в условиях глобализации детерминированы кризисом материальной и духовной сторон, а также объективными и субъективными процессами. Еще одно основание, которое мы хотели бы назвать в качестве форм проявления кризисных процессов современных обществ – это их классификация по признаку «капиталистический» и «социалистический». Соответственно, социальный кризис может быть выражен в следующих формах:

1) для США, стран Европы и других развитых государств капиталистической ориентации кризис, вызванный переходом в посткапитализм (неокапитализм), представляет собой переход в индивидуалистическое общество постиндустриальной эпохи,

сопровождающееся нарастающим отчуждением трудящихся от средств производства и от произведенного ими общественного продукта, массовой безработицей, и политическими забастовками, и т.д;

2) для стран коммунистической ориентации бывшего Советского Союза – России, Казахстана, Украины, Белоруссии и др. (СНГ) кризис выражается в следующих формах: деидеологизация тоталитарных ценностей и переход к ценностям либерально-буржуазным, переход от планового ведения хозяйства к построению экономики на принципах рыночных отношений, освоение принципов коллективизма в новых условиях, который уже реализуется, например, в «евразийском проекте».

Равновесие в современных обществах, на наш взгляд, может быть достигнуто с помощью нарождающейся формы общественных отношений – постиндустриального коллективизма, - который сочетает и развитые формы капиталистической системы общественных отношений, и освоенные формы государственного регулирования, планового ведения хозяйства, свойственные обществам коммунистической ориентации. Однако постиндустриальный коллективизм, как форма проявления кризисных процессов в современных обществах, проявляется именно тогда, когда наступает обнищание масс и их маргинализация.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что современные общества характеризуются: 1) разнообразием форм: «современные общества» (в центре находится система образования как регулятор общественной жизни), «открытое общество» (системообразующий элемент – демократическое общество), «мир-система» (в центре нормы и ценности капитализма) и др.; 2) противоречивостью происходящих процессов: (государственное регулирование и гражданские инициативы; глокализация = глобализация + локализация; сталкивающиеся цивилизации: капитализм, социализм, развивающиеся страны и др.);

§2. Духовный кризис как проявление кризисных процессов социума

Современные общества кризисными процессами обязаны в основном разрывам в области диалектической взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания. Именно с этих разрывов и начинаются кризисные процессы общества. В свою очередь, общественное сознание дважды становится кризисным: в первый раз как отражение кризисных процессов общественного бытия; во второй раз как собственное закономерное качественное изменение. Рассмотрим более подробно качественные изменения общественного сознания, которые приводят его к кризису.

Общественное сознание, чаще всего относят терминологически к понятию «духовность» («духовное»), с помощью которого определяется вектор развития рациональной деятельности современного человека, обогащенной внутренним смыслом целостного бытия и его рефлексии. Духовность также соотносится с понятием саморефлексии человеком своего социоприродного и социокультурного бытия в его целостности.

Нарушенная целостность бытия человека в различные эпохи, с одной стороны, приводит к нарушению механизма рефлексии (саморефлексии) человеком своих культурно-цивилизационных основ, с другой стороны, человек стремится к восстановлению этой духовности, но на современной основе, адаптированной к реалиям жизни.

Активность рефлексии основ общественного бытия и общественного сознания в их целостности и целенаправленности составляет ядро духовности. Духовность общества предполагает обретение смысла жизни в ее конкретно-исторической познавательно-преобразовательной целостности. Для России духовность – это и традиция идеальной жизни человека, и настоятельная потребность схватывания многообразия в единстве всех сторон общественного бытия и общественного сознания.

Однако чрезмерный рациональный оптимизм, порожденный идеями просвещения и прогресса, а также современными глобализационными

тенденциями, привели человечество к пониманию того, что раздробленность бытия и фрагментарность (неполнота) рефлексии этого бытия, породили пессимизм, иждивенческие, эсхатологические и экстремистские настроения в обществе. Нерешенность вопроса духовности как рефлексии активного познавательно-преобразовательного общественного процесса сковывают развитие общества, вынуждая его всякий раз говорить о «достижениях цивилизации» и «отсталости сознания».

Когда речь идет об упадке (деградации) духовности, вероятно, имеется в виду не «распад духовных основ общества», а их переосмысление, попытка рефлексии базисных элементов/ядра духовности в новых условиях. Важно отметить, что традиция рефлексии духовности для российского общества не совпадает с традициями этой рефлексии в других обществах, хотя их объект совпадает – это целостность, смысл, целеполагание и координирование общественного бытия.

Рассмотрим отношение к духовности в творчестве отечественных и зарубежных мыслителей различных эпох и направлений с целью выработки норм жизни российского общества на современном этапе его развития.

Анализируя социальные кризисы на рубеже веков, Н.А. Бердяев полагал, что «обращенность сознания к внутривополитическим и социальным проблемам, а также сформированная и устоявшаяся в течение очень длительного времени система ценностей и категорий сознания привело к кризису сознания, ощущению выброшенности» [28, с. 122-124]. Чтобы решить свои проблемы, «Россия должна выйти в мировую ширь, – продолжает Н.А. Бердяев, – но чтобы устоять, нужна большая духовная сосредоточенность и углубленность, нужно религиозное переживание исторических катастроф» [31, с. 44]. Кризис современного ему общества философ объясняет следующим образом: «С развитием техники происходит головокружительное ускорение, бешеная быстрота всех процессов, идет быстрый процесс дегуманизации, именно от роста человеческого могущества» [30, с. 236]. Отсюда вывод Н.А. Бердяева:

«Нужно не отрицать технику, а подчинить ее духу» [32, с. 304]. Развитие духовности в человеке означает не отвращение от природы и техники, а овладение ими. Следует встраиваться в природу, познавая ее, а не подчинять себе ради удовлетворения потребностей.

С.Л. Франк, систематизируя общественные изменения на рубеже XIX и XX вв., установил, что «кризис начался тогда, когда «целостный дух «принципиально восстал» против узурпации разума» [309, с. 25]. По мнению философа, изменения мировоззрения общества неразрывно связаны с изменениями сознания как центрального и связующего элемента субъективного мира человека и общества в целом. С.Л. Франк пишет о том, что «сознание как поток актуальных переживаний есть особая область бытия, которую мы можем противопоставить бытию самих предметов» [308, с. 194]. Сознание, как он полагает, «есть совокупность «данного», оно подчинено времени – оно есть поток сменяющихся образов (и всяких иных переживаний, которые в чём бы они ни заключались, во всяком случае, протекают во времени, т.е. подчинены ему)» [Там же, с. 181]. В результате С.Л. Франк приходит к выводу о том, что сознание – это сложный феномен эволюции человечества, который обретает свое существование в трех измерениях: внешнем, внутреннем и над общественным, составляя при этом предмет для социально-философского анализа, теории и практики человеческой деятельности. Целостность восприятия и целостность как неразрывность бытия и сознания – вот корень проблем и путь их решения. Соответственно, нарушение этой целостности, согласно его учению, приводит к нарушению бытия и сознания общества и порождает в результате кризис всех его составляющих.

С.Л. Франк, изучая духовные основы общества, писал: «Под духовной жизнью разумеется именно та область бытия, в которой объективная, надындивидуальная реальность дана нам в форме реальности, присутствующей в нас, сращенной с нами и нам раскрывающейся» [310, с. 72-73]. Исходя из такого понимания духовности, мы полагаем, что духовный кризис общества в

целом, – это распад культурных основ общества, который либо воспринимается как нарушение целостности мировосприятия, либо мыслится, переживается в сознании общества в настоящий период времени.

В первом приближении он:

- 1) составляет ядро кризиса общества в целом;
- 2) влияет на все остальные области общественного бытия;
- 3) имеет свое собственное существование.

Но что составляет ядро кризиса духовности?

Ответом на этот вопрос может послужить понятие *ценность*, как отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом в тот или иной конкретно-исторический период развития общества. Еще Платон в этическом учении, изложенном в диалоге «Государство», стремился преодолеть разрыв между моральным сознанием и практическими нравами людей. По его убеждению, «высшая нравственная цель – овладение Богом, которое мыслится как очищение и возвышение души. Душа бессмертна, для нее нет, видимо, иного прибежища и спасения от бедствий, кроме единственного – стать как можно лучше и как можно разумнее» [224, с. 100-108].

Аристотель, рассуждая на тему духовности в «Этическом учении» писал: «Назначение человека – деятельность души, согласованная с суждением или не без участия суждения. Дело человека – некая жизнь, а жизнь эта – деятельность души и поступки при участии суждения, дело же добропорядочного мужа – совершать это хорошо и прекрасно в нравственном смысле. В жизни благо достигают те, кто совершает правильные поступки» [12, с. 117-118]. По его мнению, в основе этики или «правильных поступков» человека лежат суждения, обращенные к «нравственному смыслу» и «добродетели».

Г. Риккерт полагал, что «под признаваемыми общими ценностями подразумеваются ценности некоторой общественной группы, которая, в свою очередь, разделяет эти ценности и следует им» [236, с. 424]. Лишь в

организациях, созданных членами какой-либо общественной группы, ценность становится всеобщей и индивидуальной. Иными словами, ценность – это всеобщее и необходимое в жизни общества или общественной организации. Г. Риккерт подходит к понятию «ценность» со стороны суждения: «Мы как люди теории связаны с миром ценностей, дающим нашим суждениям прочный критерий. Поэтому мы можем поставить себе задачу открыть путем познания порядок, от которого мы зависим точно так же, как воля действующего человека от окружающего его внешнего мира» [237, с. 104]. Согласно философу, в каждой эпохе существенным и генерализирующим является то, что подпадает под общее понятие о ней – это «ценность» как идеальный продукт или «кристалл», созданной человеком культуры. В данном случае понятие целостность и ценность совпадают с точки зрения «схватывания» сущности эпохи.

Г.В.Ф. Гегель, анализируя понятие «ценность», отмечал, что «в области моральной, рассматриваемой в сфере бытия, имеет место переход количественного в качественное» [62, с. 170]. По его мнению, количество и качество предстают в человеческой истории как величины «больше» и «меньше». Отсюда, например, мера легкомыслия как отошедшая от «большого» переходит в преступление – «меньшее». Это «меньшее», в свою очередь, общественным сознанием порицается как несоответствие с ценностью, т.е. «большим». Следовательно, ценность с течением времени обретает общественную оценку как «большее», а «меньшее» обесценивается. В результате анализа работ зарубежных ученых о ценности, как содержательной характеристикой духовности, мы можем сделать следующие выводы.

Ценность со времен Платона и Аристотеля в традициях зарубежных мыслителей предстаёт в дифференцированном виде, равно как и другие категории философского анализа.

Таким образом, ценность – это то, что выделено историей общества, разделяется обществом и регулирует его жизнедеятельность.

Место и роль ценности в контексте духовности (духовного) выражено в трудах отечественных философов наших современников по смыслу очень близко к ее пониманию европейскими мыслителями Нового времени. Например, О.Г. Дробницкий, исследуя мораль в историческом аспекте, приходит к выводу о том, что суммарными признаками морали как системы требований являются функции «действенно-регулятивная», «мировоззренческая», «идеал-полагающая», «духовно-критическая», где «центральным элементом выступает сознание» [98, с. 253]. То есть, ценность – это регулятор общественного бытия и общественного сознания общества.

А.А. Ивин полагает, что «человеческая деятельность невозможна без оценок и норм: науки, изучающие человека и общество и имеющие своей конечной целью рационализацию человеческой деятельности, всегда содержат оценки и устанавливают имплицитные и эксплицитные ценности» [109, с. 295]. Отсюда он фиксирует проблему обоснования объективности выдвигаемых оценок в структуре сознания.

В этимологическом словаре А.К. Шапошникова читаем: «Ценность, важность, значимость чего-либо; то, что имеет высокую стоимость, ценный предмет» [339, с. 508]. Таким образом, наши современники сходятся во взглядах на понятие ценность с большинством европейских философов.

Обобщая анализ категории ценность в объяснении духовности, можно сказать, что она в большей степени присуща европейской традиции научного теоретизирования и ближе к понятию сознание в контексте культурно-цивилизационного развития общества.

Однако абсолютизировать ценность как исключительную характеристику духовности не корректно. Рассмотрим духовность (духовное) в других аспектах кризисной реальности общества. Анализ *социально-культурной динамики* периода XIX-XXI вв. зарубежными учеными показал следующее. Ф. Ницше, например, свое видение духовности представлял в контексте «воли к власти» [206, с. 214-217]. По мнению философа, прежние высшие ценности суть

частный случай воли к власти, сама мораль есть частный случай неморальности, поэтому на место «моральных ценностей» приходят исключительно натуралистические ценности или происходит «натурализация морали». Еще в 1873 г. он писал о надвигающемся духовном кризисе следующее: «Огромная волна варварства поднимается у наших дверей» [207, с. 182]. Этот лейтмотив породил предчувствие приближающегося апокалипсиса.

А. Вебер так продолжил эту тему: «Сегодня мы, зажатые в тесных границах государственных и этнических образований, должны претворять стремление нашего духа к бесконечности» [51, с. 157]. Нигилистичным оказывается, по мнению философа, все общество, добивающееся роста жизненных удобств за счет забвения душевно-духовных сторон бытия.

А. Швейцер, немецкий теолог, философ, лауреат Нобелевской премии мира (1952), в работе «Aus meinem Leben und Denken» писал: «Дух времени чувствует не тревогу, а радость от того, что мышление кажется столь не соответствующим своей задаче» [136, с. 6]. А. Швейцер предлагает «довести до сознания людей понимание противоестественности такого общественного положения; побудить их к размышлениям о том, какова роль человека в мире и каково его предназначение» [341, с. 95-96, 105]. Дух, таким образом, – это весь достигнутый прогресс как результат работы мысли совокупного человечества.

К. Манхейм отмечал в книге «Человек и общество в эпоху преобразования»: «На опыте кризиса следует учиться. Проблема человека и его изменчивости для многих возникла лишь в результате событий последних лет. Два предрассудка исчезли одновременно: во-первых, вера в устойчивость «народного характера»; во-вторых, вера в постепенный «прогресс разума в истории» [136, с. 12]. Деструктивное воздействие событий последнего периода заключалось в том, что определенные группы, которые могли бы противодействовать иррационализму, оказались беспомощны и как бы внезапно потеряли веру в формирующую общество власть разума.

Представитель франкфуртской школы М. Хоркхаймер в свое время также писал: «Исторические истоки кризиса, порожденного репрессивностью разума, остро переживаются людьми в XX-м столетии» [319, с. 125]. Согласно К. Манхейму, «наступил кризис – это отсутствие единых интерпретаций, системы оценок как сигнал грядущего хаоса, он охватил всё общество, все виды и сферы деятельности» [181, с. 316; 182, с. 45]. По мнению ученого, нарушение духовного центра или его звеньев ведёт к нарушению всего общественного организма.

Г. Маркузе продолжил тему крушения системы ценностей и оценок в обществе в работе «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества»: «Свобода мысли, слова и совести, свободное предпринимательство выступали первоначально как критические по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры более продуктивной и рациональной» [136, с. 42]. Однако с течением времени эти ценности, претерпев институционализацию, разделили судьбу общества и стали его составной частью. Результат уничтожил предпосылки. Г. Маркузе заключает: «Создание репрессивных потребностей давным-давно стало частью общественно необходимого труда – необходимого в том смысле, что без него нельзя будет поддерживать существующий способ производства» [Там же, с. 59]. Поэтому на повестке дня стоят проблемы не морали, а материального господства в обществе.

Э. Мунье по этому вопросу писал: «Мы присутствуем при крушении целой эпохи в жизни цивилизации, возникшей в конце средних веков, и присутствуем при зарождении новой цивилизации» [198, с. 269-270]. Если говорить о конце мира, о котором вещают пророки, то вопрос о нем одинаково настоятельно встает в каждую историческую эпоху. «Человечество переступило порог второго тысячелетия и это стало еще одним поводом для апокалипсической тревоги» [199, с. 448-449]. Исторические и психологические причины страха сегодня совсем иные, нежели это было в ожидании года

тысячного. Э. Мунье, анализируя антропологические аспекты кризиса XX в., приходит к такому выводу: «Мы уверены, что кризис имеет двойственную структуру: кризис экономических структур и кризис человека как следствие общего кризиса современной цивилизации» [200, с. 14-15]. Обращаясь к эволюции слова «апокалипсис», философ отмечает, что апокалипсис – это гимн, возвещающий о торжестве справедливости и Царства Божия. Причём для христианина речь идёт о конце данного мира, т.е. конце нищеты, бедствий, несправедливости, столь характерных для мира людей. В целом, всё это и означает конец культуры как вступление человечества в постисторию.

Рассмотрим исследование А.Дж. Тойнби в отношении «универсальных государств» с точки зрения их идеалов, духовного ядра. Ученый анализирует североамериканское, русское и западноевропейское общество. Понятие «универсальное государство» «характеризуется как оживление, в процессе которого проходит в последовательных пульсациях спад-и-оживление, за которым следует новый спад» [281, с. 7]. Однако не следует его принимать за подлинную жизнь. Фактически универсальные государства демонстрируют устойчивое стремление вести себя так, как если бы они были целями, сами по себе, когда в действительности представляют собой лишь фазу в процессе социального распада.

Так, североамериканский подход, согласно А.Дж. Тойнби, вдохновлялся идеалом создания «земного рая» в Новом Свете, и этот «рай земной» должен был основываться на системе частного предпринимательства.

Русский подход к проблеме классовой борьбы вдохновлялся, подобно американскому подходу, идеалом создания «земного рая» и, подобно американскому, принял форму политики освобождения от классового конфликта путем устранения классовых различий. Однако на этом сходство заканчивается. Если американцы пытались ассимилировать промышленный рабочий класс в среднем классе, то русские ликвидировали средний класс и

запретили всякую свободу частного предпринимательства не только для капиталистов, но также и для профсоюзов.

И наконец, западноевропейский подход к решению проблем классового конфликта, который заметнее всего проявился в Великобритании и скандинавских странах, отличался от американского и русского тем, что был менее радикальным и догматическим. Такой подход был построен постепенно и не догматически, благодаря законодательному вкладу всех политических партий. Однако духовная жизнь, как показывает анализ А.Дж. Тойнби, не всегда может следовать параллельным курсом или возвышаться над эмпирической реальностью; она связана со способом производства и материальными условиями жизни, определяется ими и, в конце концов, влияет на них.

Таким образом, европейские философы полагают, что духовное (духовность) – это бытие общества и отдельного человека, выраженное с помощью разума в традициях конкретно-исторического научного теоретизирования культурно-цивилизационных явлений и процессов.

Иными словами, духовное – это то, что постигаемо с помощью разума и интерпретируется в зависимости от того или иного исторического периода.

Обратимся к анализу духовности в трудах отечественных ученых. В частности, Н.О. Лосский в работе «Умозрение как метод философии» отмечал: «Чтобы принять учение об интуиции, направленной на Абсолютное, нужно развить в духе интуитивизма теорию отношения между субъектом и объектом, резко отличную от кантианских и неокантианских учений об объекте. В противном случае мы попадем в безвыходный тупик вроде того, в каком томится мысль Фихте (в «Wissenschaftslehre», 1804), который усматривает подлинное Абсолютное как необходимую сверхмировую основу мира через гносеологическое оправдание этого начала» [4, с. 149]. Он полагал, что все попытки западных философов терпят крушение, сталкиваясь с вопросом «конструирования неконструируемого», где невозможно дать понятие того, что

принципиально невыразимо через понятие. Н.О. Лосский, в интуитивизме видит метод философии, реализуемый через «введение предмета познания в кругозор моего сознания в подлиннике».

Другие интуитивисты, например, Н.А. Васильев, М.И. Каринский, по сути, говорят об одном и том же. В отличие от западного гносеологизма и онтологизма как методов познания, в которых разделенные на субъект и объект познания, требуют введения связующего элемента, интуитивизму не нужны «связки» и «посредники» в суждениях. Интуитивисты подошли к изучению вопроса сознания, главная особенность которого состоит не в заимствовании знаний о законах материального мира, а в развитии системы знания именно согласно законам сознания.

В исследовании обращается внимание на интуитивизм, как активное и творческое начало в аспектах познания кризиса духовности. Духовный кризис нашего общества порожден прерванной традицией рефлексии основ общественного бытия. Сегодня необходимо обратиться к творчеству наших отечественных мыслителей-интуитивистов и продолжить их начинание в новом свете как совокупность рационально-иррационального подхода в осмыслении процессов происходящих в нашем обществе.

Наши современники так рассматривали духовность (духовное) и её место в жизни общества. Р.И. Соколова, исследуя вопрос об идейных предпосылках процесса глобализации, отмечает, что «нарастание духовной скудости, усиление эсхатологических настроений, ощущение того, что мы живем в преддверии всеобщей катастрофы, в грозную, решающую эпоху «конца времени» – такова общечеловеческая ситуация конца XX – начала XXI веков» [258, с. 3]. По ее мнению, следует «перейти от справедливых и тревожных описаний проблем страны, обобщенных в категориях «раскол», «травма» и т.д. перейти к иному понятийному аппарату, способному выявить и мобилизовать глубинные потенции России, раскрыть возможности ее возрождения» [Там же, с. 46]. Такими возможностями является именно духовность, как глубинный

пласт идеального мира человека, в котором накоплена история поражений и достижений общества, и в котором одновременно отражаются проблемы и решения настоящего.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, анализируя глобальные проблемы и процессы глобализация, приходят к выводу о том, что «духовное производство оказывается не просто подчинено интересам элит развитых стран. Оно оказывается прямым порождением гегемонии корпоративного капитала» [371]. Следовательно, интересы производства прибылей выше интересов общества, где человек служит именно капиталу и не имеет никакой возможности возвыситься над материальным миром, который сам же и создает.

Д.С. Львов, исследуя истоки проблем российского общества, сравнивает его с западным обществом, которое также имеет в основании своих проблем духовный кризис. По его мнению, «дух западноевропейского капитализма основан на протестантской этике. Ее основной постулат – индивидуальная избранность к спасению – несовместим с духовным наследием православия. Православие всегда отстаивало равенство всех людей перед Богом. Это и есть благая весть, символ совести нашего народа: «Спасутся все, или никто». Таким образом, ключевым моментом в понимании духовных начал российского общества является глубоко личный, индивидуально избираемый путь к общности: российский коллектив – общее для всех дело» [172, с. 8)]. Следовательно, путь к возрождению России лежит через «возрождение духовных ценностей» [Там же, с. 12].

Исследуя проблему духовности нельзя обойти проблему человека, с которым связана духовность. А.А. Александров, обращаясь к творчеству Г.В.Ф. Гегеля, отмечает, что «человек рассматривается мыслителем как бесконечно разнообразная сущность, детерминация развития которой осуществляется одновременно на нескольких уровнях — природном, индивидуально-личностном, социально-духовном» [3, с. 348]. На наш взгляд, кризис духовности современного общества – это кризис отношений *человек* –

общество и общество – природа, как способ понимания себя через другое, инобытие, трансценденцию внутреннего и внешнего.

Ю.А. Серебрякова поднимает вопрос о «национальном самосознании и национальной культуре» в аспектах духовности. По ее мнению, «духовное образование, как целостная оценка, самосознание человеком своих субъективных качеств или понимание коллективным субъектом сознания своего положения в обществе, своих действий, интересов, чувств, мыслей, идеалов и т.д. Самосознание определяется как сторона сознания или как «сознание сознания», как «сознание единства духовного и материального, сознание субъектом себя в качестве создателя и носителя культуры, имеющей социальный характер и длительную историю развития на основе материальных факторов и детерминант» [251, с. 48]. Ю.А. Серебрякова полагает, что «перспективы дальнейшего развития нашей страны связаны с формированием нового общероссийского менталитета, в основу которого должны быть положены совпадающие с общечеловеческими ориентациями ценности великой российской культуры, прежде всего духовность, традиционные ценности всех населяющих РФ народов» [Там же, с. 306].

И.Р. Цыденова, сравнивая успехи развития Китая и проблемы российского общества сквозь призму модернизации, отмечает, что «модернизация в Китае началась с повышением уровня индустриализации, которая является необходимым этапом развития общества, потому что всестороннее развитие страны предполагает и «строительство материальной культуры», и «строительство духовной культуры» одновременно и обязательно» [324, с. 92]. Это напоминание о том, что отставание/забегание вперед материального или духовного – губельно для любой системы.

Пора уже в России обратить внимание на то, что не *альтернативные проекты*, основанные на взаимоисключающих началах «или – или» должны править миром, а *базовые (уравновешенные) проекты*, основанные на взаимно

обогащающих и взаимно уравнивающих однородных и диалектически движимых началах «и – и» должны возобладать.

О.Б. Бальчиндоржиева, также, сравнивая историю Китая и России, приходит к выводу о том, что «в России нет прочного духовного фундамента для модернизации. Нет национальной идеи. В Китае же не было необходимости заново создавать идеи и наполнять их содержанием, нужно было просто обновить, приспособить к современности уровень концепции, создать технологии по их реализации» [18, с. 318]. Поэтому прорывы и ответы на вызовы современного мира – это обращение, прежде всего, к духовным корням, которые питают соками культуру современного общества, а культура, в свою очередь, дает импульс для развития настоящего.

Л.В. Мантатова, исследуя ценностные основания современного цивилизационного развития, отмечает: «По мере перемещения центра социальной эволюции из сферы материального производства в сферу духовного производства закладывается фундамент новой (экологогуманистической) цивилизации» [180, с. 11]. Сравнивая и различая культуру и цивилизацию, она полагает, что «вектор устойчивого (сбалансированного, безопасного) развития современного мира усматривается в более тесном взаимодействии и сопряжении культуры и цивилизации, при этом культура вырабатывает и воспроизводит духовные начала жизнедеятельности, а цивилизация создает механизмы овеществления духа, средства развертывания ценностно-смыслового кода культуры» [Там же, с. 20]. Следовательно, «духовность есть такой модус сознания, в котором мы чувствуем свою связь с окружающей природой и социальной средой, со всем космосом и вселенной» [Там же, с. 178].

И.В. Куйбарь, изучая общество в «эколого-информационных» аспектах, полагает, что «глобальные проблемы вскрывают противоречия социального развития общечеловеческого характера. Речь идет о духовном обновлении, переходе на новые системы ценностей на основе понимания приоритетов

общих интересов перед лицом общих опасностей, о новой стадии социализации человечества – о стадии возникновения глобального социума» [139, с. 24]. В его понимании духовное – это синоним смысла человеческого бытия в условиях глобализации.

С.А. Храпов, исследуя кризисные процессы в постсоветской России, приходит к выводу о том, что «на современном этапе развитие российского общества общественное сознание как духовный феномен, интегрально выражающий и регулирующий социальное развитие, переживает девальвацию присущих ему гносеологической и регулятивной функций» [320, с. 4]. Ученый отмечает также и тот факт, что «тенденция подавления иррационального в общественной жизни в постсоветской России представлена расколом духовного бытия в бессознательном и сознательном уровне привел к симулярной, кентаврической его организации, нарушению процессов символизации» [Там же, с. 238-239]. Немаловажную роль в формировании духовного кризиса играют равноценно и внешние – глобализационные факторы, и внутренние – деформация иррационального, что, в конечном итоге приводит к деструкции духовности, которая, в свою очередь, приводит и к кризису общественного сознания и общественного бытия.

Б.К. Дзегутанов, исследуя глобализацию и основные проблемы духовной жизни России в условиях реформ, отмечает «несовместимость русского национального характера, духа и самосознания с идеологической экспансией Запада, осуществлявшейся разнообразными силами, средствами и методами, как в период «холодной войны», так и в условиях перестройки СССР и российских реформ» [96, с. 25]. Он «духовность» трактует как понятие родственное понятию «души народа», которая в результате распространения культурного глобализма испытывает удар на следующие ценности русской духовной культуры: общинное сознание через внедрение бациллы индивидуализма, традиционный приоритет производительного труда и др.» [Там же, с. 25]. В этом случае можно говорить о целенаправленном воздействии

на русскую и российскую духовность, подрывая которые Запад, подрывает основы всего нашего общества.

В.П. Майкова полагает, что «общественное сознание – это духовная составляющая бытия общества, целостное духовное образование, обладающее определенной внутренней структурой, отражающее мир бытия общества в разных формах, включающей различные уровни» [173, с. 20]. Важно отметить, что «общественное сознание, как духовная реальность, находится в диалектической зависимости от общественного бытия, но, одновременно, обладает статусом относительно самостоятельного функционирования. Изменения в общественном сознании приводят к изменениям в бытии общества, и, наоборот» [Там же, с. 229].

Р.К. Омельчук, исследуя проблемы соотношения рационального и иррационального, приходит к выводу о том, что «сегодня поддержание понимания и сотрудничества в мультикультуральном и многоконфессиональном обществе зависит от понимания различия между верой как феноменом духовной жизни личностей и верой как религиозным феноменом» [208, с. 3]. По его мнению, «диалектичность природы человека, соединяющей в себе внешнее и внутреннее, временное и вечное, телесное и духовное, является главной причиной, побуждающей его искать истину» [Там же, с. 346].

Таким образом, говоря о кризисе духовности, важно отметить и два направления:

- 1) кризис рационального в природе человеческого бытия;
- 2) кризис иррационального бытия, причем изменения в структуре общественного сознания ведет к изменению религиозного сознания. И только разумное соотношение общественного и религиозного сознания в духовной жизни человека, могут дать положительный баланс в обществе.

Анализ кризиса духовности был одной из тем в творчестве русских философов и социальных мыслителей. Рассмотрим суть духовного кризиса в

трудах А.А. Богданова, который отмечает: «Вообще природа идеологий – дегрессивная, скелетная, со всеми ее необходимыми чертами» [39, с. 138]. Слова, понятия, таким образом, выполняют «скелетную» роль для духовного содержания. Сформировавшись однажды, они начинают влиять на другие сферы жизнедеятельности людей. «Идеи, нормы, политические учреждения, – полагает он, – суть дегрессивные комплексы для устойчивой организации живых активностей общества» [Там же, с. 144]. Все эти формы (духовные, идеологические) подчинены живым активностям общества (социально-экономическим), от них зависят, ими определяются.

Эти формы в процессе развития консервативнее, чем их социально-экономическая основа – пластичная часть социальной системы.

Духовные формы сохраняются, когда материальные пришли в упадок. Значит, неизбежен такой период, в котором они становятся стеснением и препятствием для прогресса.

Духовные основы общества, являясь доминирующими над всеми другими сторонами жизни общества как «скелетные» формы, в меньшей степени подвержены изменениям, чем их социальная среда.

Сущность духовных кризисов, согласно учению А.А. Богданова, заключается в разъединении, разрыве какой-либо организационной связи. Согласно теории А.А. Богданова, процесс образования духовных основ общества выглядит следующим образом:

- 1) «сначала духовные активности общества проходят стадию «ингрессии» – сбор активностей;
- 2) затем стадию «эгрессии» – концентрация активностей;
- 3) и, наконец, вступают в стадию «дегрессии» – образование «скелетной формы», которая фиксирует, закрепляет, сохраняет организационные активности с целью охраны «нежных комбинаций от их грубой среды» [Там же, с. 130, 152]. Это соединительный, или «конъюгационный», цикл, который ведет к «скелетности», «окостенению». Соответственно, «дизъюнктивный»

(разделительный) цикл, ведущий к распаду, будет выглядеть следующим образом:

- 1) ослабление организационных связей внутри духовной системы;
- 2) разрыв организационных связей между элементами, составляющими духовную систему;
- 3) хаотичное рассредоточение и дифференциация элементов духовной системы.

Исходя из вышеизложенного понимания А.А. Богдановым кризисных явлений общественной и природной жизни, мы приходим к следующим выводам:

- 1) анализ социоприродной и социокультурной составляющей общественного бытия можно исследовать посредством анализа разрывов, соединений и трансформаций (перестройки) связей и перемещение границ между элементами этих систем (речь идет о социальных институтах общества и их взаимодействии);

- 2) анализ любого духовного кризиса общества начинается с исследования деформаций его целостности;

- 3) кризисы общественного сознания и духовности вторичны, кризисы общественного бытия первичны;

- 4) духовный кризис общества сегодня выполняет функцию регулятора общественной жизни, т.е. направляет её в нужное русло, не давая ей возможности окончательно закрепить за человеком права стать «победителем природы»;

- 5) основу кризиса духовности общества составляет кризис ценностей, которые сместились от понятия Божественного к понятию человеческого, а от понятия человеческого к понятию над-природного и над-человеческого, а точнее бездуховного – лишённого всякого смысла, деградации и безысходности;

б) в условиях набирающей силу техногенной культуры кризис духовности – это выбор нового пути развития общества;

7) кризис духовности – это не столько индикатор тупика в развитии цивилизации, сколько индикатор беспокойства, направленного на поиск оптимального пути развития.

Таким образом, духовный кризис с точки зрения диалектико-тектологического подхода по своей сути предстает в виде процессов или тенденцией, ведущих либо к распаду, либо к образованию, либо к перестройке качественных характеристик общества и его подсистем.

Для духовного кризиса не важны временные характеристики, а важны тенденции и кризисные точки перехода системы из одного качественного состояния в другое.

Деформация духовной сферы общества в дезорганизационной фазе имеет менее продолжительный временной отрезок, а в организационной фазе – более продолжительный.

В свое время А.А. Богданов, изучая законы духовной жизни через структуру общественного сознания (идеологию – *Р.Л.*), отмечал: «Идеология помогает выработке сознания в определённом классе, значит – развивает самые основы его организации, участвует в образовании того мозга, который должен управлять этим могучим телом» [38, с. 5-7]. Согласно А.А. Богданову, «идеологическая наука – наука об общественном сознании людей» [Там же, с. 9]. При всем своем «консерватизме» идеология была благоприятным и необходимым условием для прогресса. Она сохраняла и накапливала трудовой опыт прошлого, который, в свою очередь, не пропадал для дальнейшего развития, а образовывал его материал, всё более богатый.

Н.А. Бердяев, исследуя духовный кризис в аспектах его социокультурного основания, отмечал: кризис «Россия восприняла как ощущение гибели и катастрофизма, нараставшее к концу XIX века. Но русскому сознанию дано понять кризис культуры и трагедию исторической

судьбы более остро и углубленно, чем более благополучным людям Запада» [29, с. 56-57]. Если для Европы суть трагедии – утрата духовных, интеллектуальных, творческих достижений, то для русской философии – это осознание возможности конца человеческой истории в прямом, физическом смысле. Он полагает, что «дело не в выходе из кризиса, который имеет локальный исторический и географический характер, а в будущем России, ее предназначении» [31, с. 235]. Для Н.А. Бердяева путь катастрофы не является единственно возможным и предопределенным. Внутри культуры может возгореться и иная воля к жизни, к ее преобразению. Цивилизация не единственно возможная перспектива развития человечества.

В июле 1917 г. С.Л. Франк, оценивая начало великих перемен в нашей стране, писал об «упадке духовного уровня нашей культуры, который, в свою очередь, породил невежество, варварство и одичание» [308, с. 635-636]. Он писал: «Сущность духовного кризиса – это кризис веры в человека – как кризис гуманизма» [310, с. 413]. С.Л. Франк также отмечал, что «катастрофа, разразившаяся в начале XX века в России, а вместе с тем и в Европе, и мире в целом, истоками своими уходит во внутренний мир человека» [311, с. 126]. Философ не видит конца преобразованиям духовной жизни общества, но видит их непрерывную череду. Так, наряду с верой, разумом и чувством как основой культур, вошедших в историю, возможно появление нового основания культуры.

Размышляя об основах кризиса духовности, наш современник А.Т. Семченко пишет следующее: «В своей основе эти представления восходят к эсхатологическим мифам, т.е. мифам о предстоящем конце света, которые были неотъемлемой частью многих культур» [249, с. 57-58]. Отсюда возникает вопрос: есть ли выход из этого «кризисного замкнутого круга» или общество развивается только через кризисы и благодаря кризисам? Б.Л. Губман описывает «идеи «евразийства», «крушения гуманизма», «либеральных свобод», «тоталитарных режимов и др.» [77, с. 57, 358-359] как феномены

кризисного сознания. В свою очередь, Т.Ю. Сидорина пишет о том, что «в XX веке кризисы сменяются один на другой, питаюсь перспективами глобальной проблематики. Растет беспокойство об утрате духовности» [254, с. 268-269]. Таким образом, прежние идеалы утрачены безвозвратно, а новые создаются, увы, экспериментальным путем, где человек выступает в качестве этой «пробной» реальности. Если духовная жизнь общества, или в терминах В.С. Барулина «духовная сфера» [19, с. 61-62] (далее духовное или духовность), и ее элементы начинают распадаться, то вслед за ними начинает распадаться вся система жизненного устройства общества. Духовное формируется постепенно, веками, отражая все самое ценное и необходимое для существования человечества, связывая воедино весь комплекс его существования. Духовное направляет развитие общества в желаемое русло, следовательно, распад духовной жизни общества направляет общественное развитие в русло деструктивных преобразований или разрушений.

Для нашего общества протекание духовного кризиса и выход из него хорошо показал Н.Я. Данилевский, сравнивая Россию и Европу. Он отмечал: «Итак, вот одно существенное различие. Славянские народы самую природою избавлены от той *насильственности* характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удается только перемещать из одной формы деятельности в другую» [89, с. 274]. Другую черту русской духовности, по мнению ученого, можно назвать «*житием*», суть которого состоит в следующем: «Какой-либо интерес зарождается вследствие ли исторических обстоятельств или как плод мысли одного из великих двигателей истории. Интерес этот постепенно возрастает, борется с существующим порядком вещей, который он в большей или меньшей степени отрицает, побеждает, восстает вновь, сначала обороняется, потом наступает, наконец, победителем и начинает, в свою очередь, преследовать те интересы, которые были некогда господствующими, а теперь, постепенно уступая своему противнику, несколько раз восстают из своего падения, пока, наконец, не

сойдут, совершенно обессиленные, с исторической сцены» [Там же, с. 276]. Исходя из анализа Н.Я. Данилевского, духовные кризисы Запада сводятся к *насильственности*, а России – к *самозамкнутости*, однако выходы из духовных кризисов они ищут в глубинных основаниях своих культур.

По мнению Р.И. Соколовой, «духовность – выражение качественной сути человека, человеческого сообщества, которая вбирает в себя ценности, идеалы, цели, идеи, смысл жизнедеятельности. Утрата духовности, - характерный признак промышленной цивилизации, - создает серьезные последствия, как для жизни человека, так и всего человеческого сообщества» [258, с. 33]. По ее мнению, сила духовности велика и в случае распада социальности общества, и в случае отыскания основ нормального воспроизводства общества: «У России есть такая сила и мощный ресурс – ее духовность, которая до сих пор не востребована, не понята в своей глубинной сущности, не оценена и как следствие – почти отсутствуют попытки ее актуализации и активизации» [Там же, с. 50]. Следовательно, духовный кризис как форма общественного кризиса, с одной стороны, является основополагающим кризисом, с другой стороны, на примере духовного кризиса можно исследовать другие виды общественных кризисов России.

Исследуем кризис духовной сферы российского современного общества. В целом, на наш взгляд, кризис духовной сферы России проявляется как резкое и невозвратное 1) снижение уровня образования и научных разработок, 2) повышение уровня правового и этического нигилизма, а также религиозного фундаментализма и фанатизма.

Два фактора повлияли на духовный кризис нашего общества:

1) внешнеполитическое влияние мирового сообщества, ведомого США и его сателлитами, которое проявилось в виде формирования потребительских ценностей – одного из направлений глобализма;

2) внутренние идеологические патерналистские установки времен советского периода, которые проявились в виде иждивенческих настроений и отсутствии желания духовного развития.

Выделяются три этапа духовного кризиса, которые тесно связаны и взаимопроникают друг в друга.

Первый период – это 1930-е годы или довоенный период, когда в СССР в годы первых пятилеток (1928-1933 и 1933-1937 гг.) были достигнуты первые значимые результаты индустриализации СССР, например, воздвигнут ряд гигантских транспортных и промышленных сооружений: Турксиб, ДнепроГЭС, металлургические заводы в Магнитогорске и др. В годы второй пятилетки был построен ряд предприятий: Уральский завод тяжёлого машиностроения, Краматорский завод тяжёлого станкостроения, Уральский вагоностроительный завод и др. Все это говорит о том, что важнейшим фактором такого экономического подъема в стране явился духовный подъем. Советский народ, ощутив себя хозяином своей страны, начал строить новую жизнь. В тот период производительность труда была в 10-15 (!) раз выше, чем в годы застоя.

Второй период – это эпоха застоя 1970-х годов – первой половины 1980-х годов. Здесь наблюдается морально-нравственная пассивность, снижение потребности в культурном развитии, достижении апогея атеизма, потребности в социально-политических и экономических переменах.

На третьем этапе, в 1990-е, начавшиеся перемены в экономической, политической сферах российского социума оказали противоречивое, в основном негативное влияние на социальную сферу жизни, на отношения, на всю социальную структуру общества.

Можно сказать, что в годы первых пятилеток экономический подъем был связан с качественным изменением духовно-нравственных основ в нашей стране, когда советский народ, став реальным хозяином своей страны, начал строить новую жизнь.

Это был период воинствующего атеизма, что позволило «порвать с прошлым, разрушив его до основания», а затем «построить наш, новый мир». Так произошел переход от капиталистического способа производства, основанного на частной собственности, к социалистическому строю, основанному на коллективной собственности.

Второй и третий периоды духовного кризиса были связаны с распадом СССР и отсутствием новых и перспективных духовных ориентиров, когда вера в «светлое будущее» советского народа была подорвана.

В результате вышеизложенного материала, можно сделать следующие выводы.

Духовный кризис общества, в целом, – это распад культурных основ общества, которые мыслятся и переживаются в сознании общества в настоящий период времени как нарушение целостного мировосприятия.

В первом приближении он составляет ядро кризиса общества в целом, влияет на все остальные сферы общественного бытия, имеет собственное существование.

Духовный кризис может быть выражен через понятие ценность или «кристалл культуры» в неразрывной связи с понятием смысл, которые деформированы и переживают переходный период, отражаясь на всех сторонах жизни общества.

Духовный кризис – индикатор проблем современных обществ, 1) зашедших в тупик и стремящихся вернуться к исходным культурно-цивилизационным основаниям для ответа на возникшие вопросы, 2) ищущих возможности адаптации в условиях глобализации через обретение целостности бытия.

Духовный кризис России и Запада вызваны к жизни принижением роли иррационального компонента и повышением значимости рационального, а также тенденциями глобализации и глобализма.

§ 3. Современные глобализирующиеся общества в контексте типов научной рациональности и философской рефлексии

Духовный кризис современных глобализирующихся обществ, включает в себя, прежде всего, кризисы научной рациональности. Начиная с 17-го столетия, роль науки в развитии общества значительно возрастает. Человеческий разум теперь начинает прирастать наукой как систематической деятельностью и все, чего достигает общество, обязано именно научным открытиям. От «*cogito ergo sum*» Р. Декарта начинается традиция человечества думающего, исследующего, постигающего по сравнению с человеком верующим, мистическим, иррациональным. Мыслители и учёные только в 17-м и 18-м столетиях стали принимать, вслед за Р. Декартом, *непрерывность сознания*, учитывая *положительные* стороны сознания и не упуская из виду его *отрицательные* и *оборотные* стороны. Сам философ отмечал следующее: «Целью научных занятий должно быть направление ума таким образом, чтобы он мог выносить твердые и истинные суждения обо всех тех вещах, которые ему встречаются» [92, с. 78]. Он делал акцент на «поиске начал, или первопричин, всего, что существует и может существовать в мире, а также на открытии первых и наиболее простых следствий, которые можно вывести из этих причин» [93, с. 39-71]. Согласно Р. Декарту, одному из столпов европейского рационализма методы познания должны стать фактом мышления самого исследователя.

Наука, движимая учеными эпохи Просвещения и по настоящее время, занимает значительную долю сознания общества. Парадокс нашего времени состоит в том, что именно с помощью разума, человечество добилось величайших успехов, зайдя в тупик, но также с помощью разума приходится искать ответы на вопросы современности. Для того чтобы проанализировать современные глобализирующиеся общества, рассмотрим кратко имеющуюся систему научной рациональности в ее хронологии, непосредственно относящуюся к предмету диссертационного исследования.

В.А. Лекторский, исследуя эпистемологию в классических и неклассических аспектах, отмечает, что «одна из особенностей современного этапа в науке – выявление фундаментальной важности факта производства и потребления знания для понимания самых разнообразных явлений современного общества и человека» [156, с. 6]. Ученый полагает, что «сегодня, когда человечество вплотную подошло к экологической катастрофе, необходимо сформировать новое понимание отношений природы и человечества» [Там же, с. 19]. Мы солидарны с В.А. Лекторским, потому что без духовности невозможно постижение культурных оснований общества.

Историковедческая база методологии изучения общественных явлений восходит к трудам Гераклита, который был одним из первых в истории философской мысли, кто представляет свое системное видение и методологические основания познания мира: «Все сущее слажено в гармонию через противоположность. Все возникает в силу противоположности, все течет, подобно реке, вселенная конечна, и космос один» [65, с. 15]. Философ одним из первых обратил внимание на «возрастающую сложность» «противоречивого и многообразного единства», которое также требует при исследовании его онтологии адекватного гносеологического теоретизирования.

Аристотель полагал, что «движению вообще противоположен покой, но отдельным видам движения отдельные виды движения: возникновению – уничтожению; увеличению – уменьшению; перемещению – пребывание на месте» [7, с. 88-89]. Согласно Аристотелю, «из существующего одно существует только в действительности, другое – в возможности и действительности; одно есть определённый предмет, другое – количество, третье – качество» [11, с. 103]. Мыслитель полагал, что «возникновение есть переход в противоположное состояние и из противоположного состояния. Начало всех состояний есть сгущение или соединение и разрежение, или разделение, в результате которых происходит возникновение и гибель существ»

[Там же, с. 422]. Согласно Аристотелю, мир развивается через взаимные превращения всего сущего.

Б. Спиноза полагал, что «метод есть не что иное, как рефлексивное познание или идея идеи. Следовательно, хорошим будет тот метод, который показывает, как должно направлять дух сообразно с нормой данной истинной идеи» [262, с. 278-312]. Научный монизм философа выражается в трех родах человеческого познания: мнение, интуитивное познание и рациональное познание, которое идет от рассудка (*ratio*) и являет собой чисто научный способ мышления.

И. Кант, решая проблему методологии познания, полагал, что «разум всегда при нас, тогда как законы природы должны быть обыкновенно с трудом отыскиваемы» [116, с. 24]. По его мнению, «наше знание возникает из двух основных источников души: 1) через представления (восприимчивость к впечатлениям) и 2) через способность познания этих представлений (самодеятельность (*Spontaneität*) понятий)» [117, с. 101]. Трансцендентальный метод философа (*die transzendente Methode*) предполагал, что исследователь *a priori* познает о вещах лишь то, что вложено в них им самими; предмет исследования «отделяется» от познающего субъекта.

Г.В.Ф. Гегель отмечал: «Метод – это своего рода правила, сочетающие в себе рефлексивное и гипотетическое начала, и его следует рассматривать как истинно всеобщее» [62, с. 308]. Он считал, что познание в методе реализуется через понятийное мышление, а сами методы бывают аналитическими и синтетическими.

Согласно Ф. Энгельсу, «природа приходит к осознанию самой себя в человеке, обладающем нервной системой, достигшей наиболее полного развития» [350, с. 17]. Философ в свое время убедительно доказал «первичность бытия (материального мира) и вторичность сознания (идеального мира)» [352, с. 31-33]. Позиция диссертанта, как и автора этих строк, материалистическая, которую можно подкрепить высказыванием классика: «Мышление и сознание –

продукты человеческого мозга, сам человек – продукт природы, развивающийся в определенной среде и вместе с ней» [348, с. 30-31]. Методология исследования, согласно Ф. Энгельсу, – это «метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному» [Там же, с. 134]. У философа отчасти совпадают «законы природы и мышления» в силу их общего материального основания.

Л. Лаудан предложил концепцию ценностных измерений науки и «сетевую модель обоснования» научных теорий, в которой, в отличие от «иерархической модели», аксиология, методология и фактуальные утверждения взаимодействуют на всех уровнях исследования. Он полагал, что «теории в науке изменяются быстро – общим местом является то, что вчерашняя научная фикция становится сегодняшней ортодоксией» [147, с. 302]. Сетевая модель в отличие от иерархической модели пронизывает все три уровня научных состояний – цели, ценности и методы. Сетевая модель, состоящая из системы «цели-ценности-методы», вполне подходит к теории и практике анализа общественных явлений, включая и кризисное сознание.

Т. Кун объясняет методологию через кризисы науки, основу которых составляет «парадигма» или «достижения, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности» [140, с. 30]. Следовательно, процесс познания и ориентация самого исследователя будет зависеть от того в какой научной системе теоретизирования он находится.

К. Хьюбнер в «Критике научного разума» отмечает, что «решение противоречий ищется в той исторической ситуации, в какой возникают эти противоречия» [321, с. 165]. Поэтому принципиально важно различать в методологии исследования «научный способ мышления, который сам может быть понят лишь исторически» [Там же, с. 302], и «мифы, которые образуют парадигму всех значительных человеческих действий» [Там же, с. 314]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что традиция научного теоретизирования

зарубежных ученых состоит в том, что для них наука существует как бы в двух измерениях: натурфилософском и сциентистском. В первом случае речь идет о переносе, экстраполяции законов природы на законы общества, а во втором – наука – это способ проектирования общества и его институтов, исходя из произвольной интерпретации общественных явлений и процессов самим ученым.

Исследуем место и роль науки в развитии общества в трудах отечественных философов и социальных мыслителей. Например, С.Л. Франк, отмечал, что «проблема социальной философии – вопрос, что такое, собственно, есть общество, какое значение оно имеет в жизни человека, в чем его истинное существо и к чему оно нас обязывает» [310, с. 17], и 2) «наша задача – постижение природы общественной жизни, из которых можно извлечь твердые указания для направления общественной воли» [Там же, с. 36]. Также философ писал: «предмет познания мыслится, 1) «сам по себе»; 2) «до своего опознания он есть для нас x »; 3) «после опознания он есть для нас же познанный предмет» [308, с. 118]. С.Л. Франк приходит к выводу о том, что «как понятие предмета знания, так и понятие знания (и сознания) производны от понятия абсолютного бытия как единства субъекта и объекта, или переживания и вневременного бытия» [Там же, с. 477]. Следовательно, сознание исследователя слитно, сплошно и неразрывно, что накладывает отпечаток на процесс исследования, который также неразрывен и слитен с самим исследователем.

Согласно А.Ф. Лосеву, «наука всегда превращает жизнь в формулу, давая вместо живых личностей их отвлеченные схемы и формулы» [169, с. 16]. Согласно А.Ф. Лосеву, смысл методологического подхода выражается, с одной стороны, через символ («символ» в переводе с греческого значит «совпадение», «объединение, сбрасывание в одно») [Там же, с. 322]. По мнению философа, «познается вещь через ее существование, которое выражается через «рождение,

возникновение, движение, изменение и умирание» [Там же, с. 335]. Здесь предмет исследования тесно связан с самим исследователем.

Э.Г. Юдин отмечал, что «методология, трактуемая в широком смысле этого слова, есть учение о структуре, логической организации, методах деятельности и средствах деятельности. В таком понимании методология образует необходимый компонент всякой деятельности, поскольку последняя становится предметом осознания, обучения и рационализации» [353, с. 56].

Э.Г. Юдин формулирует одним из первых в советской науке «методологическое строение системного подхода», который включает следующие аспекты:

- «1) тип изучаемой действительности – многоплоскостной;
- 2) выявление того, насколько адекватна та или иная группа средств данному предмету исследования;
- 3) высокий уровень абстрактности позволяет выбрать необъятное поле эмпирического материала» [Там же, с. 165].

Таким образом, основной функцией методологического знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта.

Русский советский философ П.В. Копнин большое значение уделяет диалектике. Он полагает, что «диалектика является методом движения человеческой мысли и действия, приводящим к объективной истине в познании и реальным результатам в практике по овладению силами природы и общества» [133, с. 30-31]. Данное положение особенно актуально в нашем диссертационном исследовании и его применении будет продемонстрировано в IV главе.

Наши современники пишут следующее о роли и месте науки в развитии современных глобализирующихся обществ. А.Н. Чумаков, исследуя историю локализирующихся обществ, рассматривает их «через призму Всемирных философских конгрессов, на примере которых хорошо просматривается вектор

общечеловеческого сознания, направленного на осмысление наиболее важных проблем современного мира» [330, с. 10]. Начиная с 1968 г. был создан Римский клуб, который заложил основы современной глобалистики. К концу 1980-х гг. глобальная проблематика стала составной частью общественного сознания, в том числе и философского, а внимание к данной теме нарастало, что видно из анализа научных программ Всемирных философских форумов:

«на XVIII конгрессе *«Философское понимание человека»* в 1988 г. в Брайтоне (Англия) обозначилась обеспокоенность философского сообщества глобальными проблемами и будущим человечества» [Там же, с. 10];

«XIX конгресс в 1993 г. в Москве назывался *«Человечество на переломном этапе: философские перспективы»*, в котором отражена тревога за будущее жизни на Земле и рост обеспокоенности за все увеличивающийся разрыв в социально-экономическом развитии различных стран и регионов» [Там же, с. 10];

«на XX конгрессе в 1998 г. в Бостоне (США) *«Философия в воспитании человечества»*, произошло заметное усиление внимания к глобальной проблематике по достаточно широкому спектру вопросов (от проблем окружающей среды до образования, этики и глобального сознания). К тому же здесь впервые в научной программе конгресса был официально употреблен термин *«глобализация»* [Там же, с. 11];

«однако по-настоящему философы всего мира заговорили о *глобализации* на следующем – XXI всемирном философском конгрессе *«Философия лицом к глобальным проблемам»*. Он проходил в Стамбуле (Турция) в 2003 г., т.е. 35 лет спустя после того, как Римский клуб призвал мировое сообщество объединиться, чтобы совместными усилиями противостоять глобальным угрозам. Наряду с термином *«глобализация»* употреблялись понятия *«глобальная система»*, *«глобальная ответственность»*, *«мировые проблемы»*, *«глобальные институты»*, *«глобальная справедливость»*, *«глобальный капитализм»*, *«глобальный век»* и т.п. » [Там же, с. 11];

«на XXII Всемирном философском конгрессе *«Переосмысливая философия сегодня»* (Сеул, Южная Корея, 2008) вышли на первый план темы *глобализации и космополитизма, гражданского общества и мировой цивилизации, национальной идентичности и глобального мировоззрения»* [Там же, с. 11-12].

В результате анализа Всемирных философских конгрессов выяснилось, что современный мир вышел на такой уровень своего развития, что не может дальше развиваться без должного регулирования, управления. Поэтому морально-правовое регулирования – это основа глобализирующихся обществ, вектор развития которых – это нормальное сосуществование на планете Земля мирового сообщества в его аспектах общество – природа и человек – общество.

А.Н. Чумаков, анализируя глобализацию, отмечает «эффект позднего восприятия»: «Хотя глобализация и стала объективным фактором общественного развития со второй половины XIX в., исследования глобальных процессов и их последствий, именуемых глобальными проблемами современности, начались лишь столетие спустя» [332, с. 30]. В нашей стране возможности исследовать глобализирующиеся общества появились лишь в XX в., «когда сложные объекты стали рассматриваться в качестве целостной системы, исследовать его составные части с точки зрения этой целостности, что открыло новые возможности при решении разноплановых и особо сложных проблем» [Там же, с. 30-31]. Философ полагает, что существует «теснейшая связь взаимообусловленных и взаимодополняемых понятий «культура», «цивилизация», «глобализация» и, самое главное, стоящие за ними явления, и сегодня все еще в должной степени не осознаются и пока не стали предметом специального анализа» [334, с. 98]. Таким образом, в творчестве А.Н. Чумакова можно отметить системный и междисциплинарный подход в исследовании процессов глобализации и глобализма, а также проблему формирования общественного сознания в аспектах современного философского знания, которое в условиях вызовов современности выходит на первый план.

В.С. Степин видит решение проблем современных глобализирующихся обществ следующим образом: «Ценности санкционируют тот или иной тип деятельности и присущие ему цели. И тогда вопрос о стратегии развития современной цивилизации трансформируется в проблему ценностей и их изменений. Философия способна вырабатывать ядро новых мировоззренческих ориентаций и предложить их культуре. И культура сама потом отбирает, что и какую эпоху ей может понадобиться» [270, с. 10]. По его мнению, «метод развития науки показывает, что метод исследования оказывается плодотворным тогда, когда он адекватен характеру исследуемого объекта и соответствует определенной стадии его изучения» [265, с. 14-15]. Для исследования явлений и процессов современных глобализирующихся обществ выступает, как полагает В.С. Степин, «материалистическая диалектика, которая играет роль метода исследования, причем не только по отношению к конкретным наукам, но и к самой философии» [Там же, с. 43]. В условиях плюрализма научных теорий и концепций, материалистическая диалектика, на наш взгляд, является той связующей, объединительной и постоянно развивающейся, эффективной теоретико-методологической базой исследования современных явлений и процессов глобализирующихся обществ.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, для исследования глобальных проблем и самого феномена глобализации, предлагают в качестве методологии диалектический метод, применяемый когда-то К. Марксом, потому что «с одной стороны, созданы возможность и необходимость единого развития человечества с целью реализации всеобщих и предельно конкретных, неотложных интересов. С другой стороны, реализация этих задач ныне зависит от узкого круга враждующих между собой корпоративно-капиталистических и бюрократических элит, «глобальной номенклатуры» [371]. Сегодня глобализация – это и интернализация всего общества, мирового социума, и модернизация локальных сообществ. Диалектический метод позволяет типологизировать глобальные проблемы, по их мнению, в следующих аспектах:

«Материально-технический уровень; уровень социально-экономических отношений, где нарастание отчуждения становится угрозой социуму и человеку; уровень качественных изменений в духовной жизни, где формируются мощные препятствия на пути возникновения креатосферы» [Там же]. Сегодня сохраняются, по сути, но в иной форме, противоречия между трудом и капиталом, разумеется, не в том виде, когда об этом говорил К. Маркс, а обновленном варианте, но с прежними сущностными противоречивыми сторонами единого процесса – воспроизводства современного общества в бинарных оппозициях: наемный труд – капитал; владение – отчуждение; благосостояние – нищета и т.д.

Об *обществе знания* пишет В.Е. Кемеров следующее: «За поворотами и кризисами скрывается глубинное изменение знания об обществе. Оно обусловлено сдвигами в структурах социальности, появлением новых сил и форм, определяющих эти структуры, поэтому, видимо, и образуются отдельные дисциплинарные «прорывы», поэтому же, наверное, переживание динамики бытия на дисциплинарном уровне описывается в кризисной форме» [368]. Ученый, таким образом, описывает современность как «совокупность тенденций, порождающих определенный тип проблем: в фокус внимания попадают не дисциплинарные предметы, а тенденции, определяющие динамику общества» [Там же]. Мы разделяем точку зрения ученого в его подходах «междисциплинарности», «автономизации личности ученого и человека», «принципа научной дополнителности», «кризисного видения проблем бытия общества и науки».

А.Г. Пырин, анализируя выступления участников круглого стола «Россия в глобальном мире: на перепутье дорог», состоявшегося в рамках семинара «Философско-методологические исследования глобалистики» 25 января 2012 г., цитирует выступление А.Н. Чумакова: «Мы живем в многоаспектной глобализации. Идет острая борьба, и мы должны «вписаться» со своими интересами в мир глобальных отношений. Самое главное здесь то, что у нас

отсутствует гражданское общество. У нас нет по сути дела правового поля, разделения властей среднего класса. Поэтому показателю (*средний класс – Л.Р.*) мы не вписываемся в глобальный мир» [232, с. 83]. Таким образом, от философов требуется соответствующая политическая позиция, отвечающая букве и духу времени.

А.В. Готнога, анализируя диалектико-материалистические основания социального прогнозирования, полагает, что «метод должен быть адекватен теории» [73, с. 25]. Таким образом, в трудах отечественных философов можно отметить следующие особенности научного теоретизирования: постижение природы общественной жизни и природы объекта познания; единство субъекта и объекта познания; наука дает человеку отвлеченные схемы и формулы, а человек должен не отрывать эти схемы и формулы от познавательного процесса, а, напротив, использовать их как средство в познании и не быть от них зависимым; система познания (принцип научного теоретизирования) – это такой метод анализа, при котором обращается внимание на отношения между элементами; диалектический метод познания и преобразования действительности – ведущий метод в данном диссертационном исследовании.

В отечественной современной науке классификацией и типизацией научной рациональности занимались П.П. Гайденко, В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили, А.П. Огурцов, Э.Ю. Соловьев, В.С. Степин, В.С. Швырев. В современной литературе мы встречаем следующие типы научной рациональности: классическую, неклассическую и постнеклассическую. Наиболее адекватной для исследования общественных явлений глобализации, на наш взгляд, является постнеклассический тип научной рациональности, которым в частности, занимается В.С. Степин. Философ полагает, что «теория – в самом широком смысле комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на использование и объяснение какого-либо явления. В более узком и специальном смысле высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и

существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории» [267, с. 44], «структурно теория представляет внутренне дифференцированную, но целостную систему знания, которую характеризуют логическая зависимость одних элементов от других, выводимость содержания теории из некоторой совокупности утверждений и понятий – исходного базиса теории» [269, с. 41]. В.С. Степин полагает, что «методология – учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека» [266, с. 420]. Под научным методом он понимает «систему регулятивных принципов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание действительности. Метод развития науки оказывается плодотворным тогда, когда он адекватен характеру исследуемого объекта и соответствует определенной стадии его изучения» [265, с. 13-14]. Необходимо отметить, что «фундаментальная теоретическая схема и ее производные образования представляют своего рода внутренний скелет теоретического знания, определяющий как содержательную специфику теории, так и процедуры ее развертывания» [268, с. 53]. Следовательно, объяснить явление – это значит установить его фундаментальные свойства и отношения, основную причинную обусловленность, выявить общие законы, которым оно подчиняется.

В исследовании типов научной рациональности диссертант обращается к основам материалистической диалектики, которая, согласно В.А. Лекторскому, является «наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления» [152, с. 8-9]. В.А. Лекторский полагает, что «драматизм российской ситуации состоит в том, что решение экономических, политических и социальных вопросов в наших условиях оказывается невозможным без выработки новых идеалов, без большой идеи. Если Россия не сможет повернуться к духовности, она погибнет как великая и неповторимая культура и страна» [Там же, с. 37]. По его мнению, «исходной для теории познания является проблема иллюзии и реальности, мнения и знания. Эта тематика была

хорошо сформулирована уже Платоном в диалоге «Теэтет» (см. Платон, 225, с. 204)» [Там же, с.103-104]. Согласно В.А. Лекторскому, «отличительная особенность диалектико-материалистического осмысления познания – нацеленность на выявление наряду с многообразием форм практической обусловленности познавательной деятельности, всевозрастающей ее значимости для совершенствования самой практики» [153, с. 62]. Однако «при переходе от одной эпохи к другой происходит не только изменение их содержания и формы, но и трансформация их культурно-исторического характера и смысла» [154, с. 19]. Как подчеркивает В.А. Лекторский, «отличительной особенностью теоретического сознания является то, что в нем формы познания вычлениваются из всех прочих форм отношения человека к миру. Познание становится здесь самостоятельной формой отношения к миру. В этом смысле теоретическое сознание противостоит духовно-практическому и практическому освоению мира» [Там же, с. 105]. Согласно философу, «сознание, в том числе и обыденное, проявляется там, где между потребностью и ее удовлетворением существует разрыв» [155, с. 87]. С разрывов начинаются кризисы, а с установлением связей и устойчивых отношений кризисы заканчиваются.

Г.П. Щедровицкий отмечал следующее: «Цель и продукт моей работы определяются, с одной стороны, той культурной и научной ситуацией, которую нужно преобразовать, а, с другой стороны, той ситуацией, которую мы хотим получить» [347, с. 448]. В своих трудах он вводит понятие «мысле-деятельности», которая интегрирует в себе деятельность, неразрывно связанную с «мысле-коммуникацией» и «чистым мышлением». Нельзя не отметить значение диалектики для творческого процесса, о которой Г.С. Батищев пишет следующее: «взять диалектику в творческом процессе – это значит, обратиться к развитию самого способа развития» [20, с. 31]. По мнению философа, «диалектическое развитие становится последовательно самокритичным до беспощадности к самому себе. Творческое состояние над-

ситуативно, и в нем высота совпадает с глубиной» [Там же, с. 32]. О деятельностном подходе пишет А.Н. Леонтьев следующее: «деятельность субъекта – внешняя и внутренняя – опосредствуется и регулируется психическим отражением реальности. То, что в предметном мире выступает для субъекта как мотивы, цели и условия его деятельности, должно быть им воспринято, представлено, понято, удержано и воспроизведено» [166, с. 129]. Следовательно, деятельность человека и составляет субстанцию его сознания. Среди всеобщих методов наиболее древними являются диалектический и метафизический методы. Таким образом, сходя из подходов, предложенных классиками, представителями неклассических и постнеклассических типов научной рациональности, вытекают следующие принципы исследования:

1) системность – раскрытие целостности объекта как системы и создание единой целостной картины;

2) единство теории и практики – объяснительный принцип научного познания и задачи науки на службе практики;

3) детерминизм – признание объективности закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений;

4) единство теоретического и эмпирического – целостность структуры исследования, практическая проверка познавательных проблем.

На наш взгляд, одним из продуктивных подходов к анализу цивилизации предложил В.С. Степин. Так, проводя параллель с творчеством Э.Г. Юдина и в память о коллеге, он пишет: «Актуальной является установка на исследование научной рациональности в ее исторической эволюции, включая изменение типов внутринаучной рефлексии и форм методологического знания. Сегодня эта идея обретает новые смыслы в связи с ситуациями переломов в цивилизационном развитии» [354, с. 161]. В.С. Степин говорит «о третьем типе развития, не сводимом ни к традиционалистскому, ни к техногенному» [Там же, с. 162]. Такой переход должен означать изменение самих оснований социокультурного кода техногенной цивилизации, трансформацию ее базисных

ценностей. Разрешение противоречий культурного и технического характера между цивилизациями техногенного и традиционного типа он видит в «диалоге культур», которые составляют духовное ядро этих цивилизаций. По его мнению, «глобализация – это реальный процесс, где должен быть изменен сам тип цивилизационного развития. Суть этого изменения состоит в необходимости перехода от односторонних установок на властное доминирование к диалогу культур» [264, с. 3]. Исходя из анализа проблем, вызванных конфликтом техногенной и традиционной культур, предлагаем следующие решения этих проблем:

1) изменение этических регулятивов и целей деятельности двух типов цивилизационных культур как неперемнное условие дальнейшего выживания и развития общества;

2) идеям, подобным идее «золотого миллиарда», необходимо поставить заслон, так как не совсем понятно, кто же возьмется обслуживать «золотой миллиард»;

3) возможно, человечество оказалось на пороге исторически третьего после традиционного и техногенного типов цивилизационного развития, которое потребует духовной реформации и пересмотра ряда прежних базисных ценностей техногенной культуры: отношение к природе, культ силы и деструктивных инноваций, идеалы потребительского общества, основанного на росте вещно-энергетического потребления, и др.;

4) учитывая заслуги техногенного развития общества в целом, придется сохранить ценности техногенного развития и обрести новые его измерения;

5) преодоление этического и экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарных масштабах, а с расширяющимся окультуриванием природной среды через искусственное создание новых биогеоценозов, обеспечивающих необходимый уровень их разнообразия как условие устойчивости биосферы;

б) настало время решительных природоохранных мер, направленных на сохранение естественных локальных экосистем, основанных на современных высокотехнологичных достижениях с корреляцией, взаимной зависимостью двух векторов – техногенного и традиционного. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое понимание;

7) сегодня стало возможным проектирование не социально-экономических, а сложных развивающихся систем «техническое устройство-человек» плюс особенности природной среды, в которую будет внедряться соответствующая технология, плюс особенности социокультурной среды, принимающей данную технологию;

8) на переломном этапе развития цивилизации требуется новая система ценностей. Их поиск должен идти так, чтобы каждая цивилизация, каждая культура это осознала и вносила свою лепту. Диалог культур – это не желание создать мир, который находился бы в некоем устойчивом состоянии и в котором все культуры были бы одинаковы, а условие поиска такой системы ценностей, которая изменит ныне действующую стратегию развития, ориентированную на идеалы потребительского общества;

9) переключка культур должна открыть перспективы для новых стратегий развития человечества, основанных на общем мировоззрении, которые могут временами блокироваться противодействием экономических и политических властных структур. Распространение же в планетарных масштабах идеологии потребительского общества и массовой культуры будет способствовать нарастанию экологического, антропологического и других глобальных кризисов. Это будет не пролонгация прежнего техногенного развития, а его изменение;

10) унификация вышеназванных типов культур, равно как и их механистическое взаимодействие, невозможно. Возможен консенсус,

основанный на балансе ценностей, поддерживаемых человечеством, которые учитывают все аспекты системы его жизнеобеспечения: космос-природа-общество-человек в их взаимозависимости и взаимосвязи.

Таким образом, как полагает В.С. Степин, сегодня мир может быть изменен в результате установления диалога культур, но не за счет доминирования какой-то одной культуры (страны) в мире над всеми остальными. С появлением техногенной цивилизации природное и Божественное начала были заменены верой в человека и его техническое и научное могущество. Следовательно, духовная жизнь общества представляет собой совокупность различного рода продуктов сознательной и коллективной деятельности человечества, которые запечатлены в виде теорий, догматов, ценностей, законов, норм, слов, понятий и т.п. В целом мы можем сказать, что изменения, происходящие в современных глобализирующихся обществах, в XXI в. так и не обрела стабильность, как это было на протяженном историческом отрезке времени. Изучать кризис духовности техногенной цивилизации – это значит, установить закономерность, которая объясняет природу распада ее духовного ядра. Согласно В.С. Степину, духовное ядро включает в себя следующие элементы:

- 1) «инновацию»;
- 2) «идеи социального прогресса»;
- 3) «агрессивность техногенной цивилизации, стремящейся подавить и подчинить себе традиционные общества и их культуры по всему миру»;
- 4) «внешний мир рассматривается как арена удовлетворения человеческих потребностей»;
- 5) «пафос покорения природы и преобразования мира породил особое отношение к идеям господства, силы, власти»;
- 6) «отношения между людьми регулируются на уровне товарно-денежных отношений»;

7) «ценность научной рациональности и ее активное влияние на другие сферы культуры становятся характерным признаком жизни техногенных обществ»;

8) «изменение этого мира приводит к активным трансформациям социальных связей людей» [271, с. 23-29].

Н.М. Чуринов так рассматривает современные глобализирующиеся общества в контексте типов научной рациональности. Философ объясняет «общий кризис цивилизации «вкладом» в него двух проектов науки: 1) метафизического, который раскрывает мир как Универсум, при котором человек стремится получить такое знание, которое позволяло бы ему быть независимым от действия объективных законов природы и общества и 2) диалектического, который раскрывает мир как Космос, как определенную совокупность совершенств, в которую общество обязано встраиваться, и задача состоит в том, чтобы познать качества и меры возможной и действительной практики преобразований» [335, с. 62-63]. Согласно подходу Н.М. Чуринова, существуют два типа общества – коллективистское и индивидуалистское. Наше общество относится к коллективистскому типу, соответственно, проект науки, изучающий законы общества и мышления будет основан на космическом проекте науки. Принципиальная познаваемость мира, основанная к тому же на диалектическом методе, позволяет также и диссертанту решить задачи исследования.

По мнению И.А. Пфаненштиля, существуют «стандартные матрицы гносеологии – репрезентативная и отражательная» [231, с. 26]. Отсюда, возникают, по его мнению, «философским моделям мира» соответствуют две ее разновидности: 1. Мир как Космос и 2. Мир как Универсум» [Там же, с. 33]. Ученый говорит «о наличии двух противоположных моделей мира – космической и универсалистской и соответственно двух проектов науки и двух типов общества, и, следовательно, имеет собственный способ производства

общественной жизни – соответственно коллективистский и индивидуалистский» [Там же, с. 50].

Как полагает С.Ю. Пискорская, «способ производства детерминирует тип социальности и соответствующую ему систему теоретизирования» [223, с. 18-19]. Мы разделяем точку зрения философа и поэтому диссертационное исследование общественного бытия и общественного сознания ориентировано на космический (диалектический) проект науки. Другой проект нам принципиально не подходит, потому что согласно М. Вартофскому, «функция репрезентации заключается в замещении чего-то находящегося за ней; репрезентация имеет как референцию (соотнесение), так и значение. Референция – то, что делаем мы; часть конструирования репрезентаций» [49, с. 43]. Согласно С.Ю. Пискорской, «метафизический стиль научного познания находит свою реализацию в теории познания как теории репрезентации, а диалектический – в теории как теории отражения» [222, с. 31]. Философ, исследуя процессы науки и их связи с общественными явлениями, обращается к диалектике: «Основной принцип диалектики – принцип всеобщей связи явлений. В основе теории информационной реальности и информационного проекта науки в целом лежит идея всеобщей связи явлений, предоставленной системностью, организованностью, упорядоченностью, сложностью» [221, с. 101]. Исследование гносеологических стандартов дает ключ к пониманию и применению философских моделей, формирующих и направляющих познавательную деятельность.

И.А. Пфаненштиль, исследуя глобализационные процессы, полагает, что «многополярная модель в наибольшей степени отвечает интересам нашего государства» [231, с. 73]. Согласно философу, «поиск устойчивости развития человеческого мира, которое состоит не в нагромождении миражей, фикций, фантазмов, свойственных универсалистскому, метафизическому проекту науки вместе с его принципом свободы воли, а в реализации диалектического, космического проекта науки, исключаяющего такого рода миражи и фантазмы,

требующего развития человеческого мира в естественном единстве с развитием природы, т.е. не вопреки такому развитию» [Там же, с. 164].

Опираясь на работы классиков, использующих различные типы научной рациональности в объяснении проблем исторических (архаических) и современных глобализирующихся обществ, можно сделать вывод о том, что во взаимозависимых процессах общество – природа и общество – человек есть нечто общее, которое может быть выражено в двух проектах науки: диалектическом (коллективистский тип общества); метафизическом (индивидуалистский) тип общества. Начиная от Гераклита и Аристотеля и до наших дней, исследуется вопрос об устройстве нашего мира и о методах его познания. Наш мир – это непрерывная череда изменений и взаимных превращений, кризисов. Труды корифеев и классиков, изучающих типы научной рациональности общественных явлений, в условиях глобализации дополнены и уточнены постнеклассическим типом научной рациональности, которым в частности, занимается В.С. Степин. Он полагает, что «разрешение противоречий культурного и технического характера между цивилизациями техногенного и традиционного типа строится через «диалог культур».

В результате проведенного исследования в данном параграфе, установлено, что классическими типами устройства общества являются коллективистский и индивидуалистский, а соответствуют им космический (диалектический) и универсалистский (метафизический) проекты науки. Также установлено, что исследование законов воспроизводства современных обществ не обходится без философской рефлексии, которая закрепилась в виде традиции проведения Всемирных и Российских философских конгрессов, на которых рассматриваются актуальные проблемы современности. Становится ясно, что в условиях глобализации наш мир стал неустойчивым, а затянувшиеся кризисные процессы лишили его стабильности и предсказуемости, что требует использования не только традиционных/классических, но и неклассических типов научной рациональности в исследованиях современных проблем.

Выводы по второй главе

Анализ кризисных процессов современных глобализирующихся обществ показал следующее. 1. Они образуются в результате разрывов в области взаимодействия общественного бытия и общественного сознания периода конца XX-го – начала XXI-го вв. и проявляются в формах глобализация и глобализм, «открытого» и «закрытого» общества и др. Также современные общества могут быть классифицированы как *организационные* (становящиеся), *дезорганизационные* (разрушающиеся), *замирающего* типа (утратившие свою значимость в мире. 2. Современные глобализирующиеся общества характеризуются кризисом духовности, суть которой проявляется в распаде основ над-природно-общественно-человеческой реальности, которая мыслится и переживается в сознании общества в настоящий период времени. Духовный кризис может быть выражен через понятие ценность или «кристалл культуры» в неразрывной связи с понятием смысл, которые деформированы и переживают переходный период, отражаясь на всех сторонах жизни общества. 3. Наш мир – это непрерывная череда изменений и взаимных превращений, кризисов. Вновь предметом марксовой формационной теории и современных неклассических типов научной рациональности становятся проблемы труда и капитала, культуры и цивилизации, взаимодействия общества и природы, общества и человека.

Труды классиков, использующих типы научной рациональности в исследовании современных общественных явлений дополнены и уточнены постнеклассическими типами научной рациональности, суть которых сводится к «разрешению противоречий культурного и технического характера между цивилизациями техногенного и традиционного типа строится через «диалог культур». Установлено, что классическими типами устройства общества являются коллективистский и индивидуалистский, а соответствуют им космический (диалектический) и универсалистский (метафизический) проекты науки, а также философская рефлексия в виде традиционных конгрессов.

ГЛАВА 3. КРИЗИСНОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ТИПЫ

§1. Социальные кризисы в отечественной и зарубежной литературе

Актуальными вопросами социально-философского анализа являются социальные кризисы, в которых наиболее полно и содержательно отражены проблемы взаимодействия общества и природы, человека и общества. Обратимся к работам русских философов конца XIX – начала и первой половины XX в. Присущий отечественной философской традиции эсхатологизм мировосприятия в этот период стремительно нарастает и переходит в трагически обострённое ощущение неминуемого катастрофического конца человеческой истории. Так, Е.Н. Трубецкой считал, что «крушение культуры в России и на Западе во многом связано с возрастанием роли цивилизации и появлением новых форм общественной жизни» [296, с. 61]. На мировую арену выходит индустриальное общество, которое требует философского осмысления. Д.С. Мережковский, анализируя социокультурные феномены на рубеже веков пишет, что ««Атлантида-Европа» – это напоминание о том, что мир, в котором живет человек, – мир вечного поиска и потерь, преодоления и обретения. Так будет и впредь. Это миф о странствиях человечества, предупреждение о конце, который, хоть и сбылся, будет еще много раз сбываться. Путь цивилизаций – это путь катастроф, вечных апокалипсисов – позади и впереди» [190, с. 4-8].

В «Тектологии» А.А. Богданов пишет: «Мы нашли, что в развитии психики действует тот же организационный механизм прогрессивного подбора, как и в иных областях жизни и природы» [39, с. 188-189]. Отсюда психическая модель сознания человека, согласно ученому, отдаленно представляет модель надындивидуального (общественного) сознания. В работе «Эмпириомонизм: статьи по философии» ученый анализирует связь индивидуального и общественного сознаний. А.А. Богданов отмечает: «Сохранение» психических комплексов есть подвижное, динамическое равновесие, основанное на непрерывном вступлении элементов в поле сознания и непрерывном их

удалении из него, равновесие, подобное сохранению формы водопада» [40, с. 91]. Положительный подбор в сознании стремится довести образы до наибольшей полноты и яркости, где каждое переживание актуализирует в сознании все ассоциированные комплексы, а за ними – все их ассоциации. Следовательно, материал опыта выступает во всевозможных ассоциативных комбинациях, которые выражаются в творческой деятельности или фантазии и в мечтательности. Положительному подбору противостоит «отрицательный подбор, который порождает не реалистическую, а до известной степени противоположную ей утопическую тенденцию в развитии психики» [Там же, с. 170-171]. Отрицательный подбор формирует утопическое видение действительности. По мнению А.А. Богданова, «общественное сознание зависит от способов производства и присвоения» [38, с. 5-6]. По А.А. Богданову, идеология как общественное сознание служит человеку для организации его жизни в стабилизационные и кризисные периоды. Согласно его учению, общественное сознание образуется путем: 1) «соединения» (интеграции) при взаимодействии индивидуальных сознаний, предстает перед нами как момент организации и выражается такой эмоциональной формой, как радость, счастье, удовольствие, в силу повышения психической энергии; 2) «разъединения» (дифференциации), это происходит также в результате взаимодействия индивидуальных сознаний, предстает перед нами как момент дезорганизации и выражается такой эмоциональной формой, как страдание, уныние, несчастье, в силу понижения или ослабления психической энергии.

Е.И. Черткова пишет следующее об особенностях утопического сознания: «Для западноевропейского утопизма преобладающей темой является поиск путей рационалистического переустройства общества в соответствии с принципами разума. Для русского утопизма – преобразование общества в соответствии с законами социальной правды как единства истины и справедливости, в соответствии с духом Евангелия» [325, с. 528]. Однако истоки кризиса в России, по ее мнению, выявила Первая мировая война.

Следующая группа ученых отмечает различные противоречивые критерии развития. Так, О.М. Гершензон полагает, что «в мире царит «прогресс», постепенное и непрерывное нравственное и умственное совершенствование человечества, неразрывно связанное с таким же совершенствованием его материальной и правовой жизни» [66, с. 236-237]. В.А. Кутырев обнаруживает феномен «человека-винтика «мегамашины» [142, с. 6-7]. В.В. Розанов, анализируя теорию прогресса, приходит к выводу о том, что «достигнуть технических высот, не обнаруживая при этом соответствующей духовности в культуре, – губительный путь развития общества» (см. об этом [238, с. 67-68; 239, с. 113-115, 153]). Н.В. Устрялов указывает на то, что «теория прогресса сегодня достигла своего «качественного заката». Человек, обустроив свое жизненное пространство, доказал преимущества такого развития по сравнению с прежними временами. Однако без осознания этических категорий «добро» и «зло» теория прогресса обойтись не может, как не может обойтись и без искусства – источника духовной жизни современного человека» [302, с. 4, 215]. В.В. Вейдле пишет о том, что «прогресс общества не в технических достижениях, а в обретении культуры человеком, вставшим на путь преобразований в эпоху цивилизации» [56, с. 21]. Б.П. Вышеславцев полагает, что «освобождение человека посредством технического развития превратилось в трагическое порабощение. Это есть освобождение индустриальное, через власть над природой, через техническую магию, но не освобождение духовное, через власть над собой, через самосозидание, через право и мораль» [59, с. 52-53]. Однако наступление цивилизации – это не конец света в прямом смысле слова.

И.А. Ильин находит перспективы развития общества не столь трагичными, как это кажется на первый взгляд: «И мы либо продолжаем общаться с Богом на этом его языке, который открывает нам общение с ним, либо должны найти новые каналы и возможности духовного существования, возможно, без Бога или с новым Богом и «новым заветом» [111, с. 14-15].

Согласно ученым, первоначальная мысль общества о том, что прогресс высвободит человека от природной зависимости и создаст условия для достойного материального и духовного существования, привела к относительному порабощению теперь уже от самого прогресса. Последствия прогресса выразились в том, что современный человек, пережив многочисленные катастрофы столетия, утратил во многом религиозные, национальные, культурные основания, сегодня терзается приступами кризисного сознания, облекая его в формы экономического, политического, экологического кризиса.

Социальный кризис П.А. Сорокин обсуждает в знаменитой работе «Социальная и культурная динамика»: «В эпохи глобальных кризисов старая суперсистема пребывает в состоянии дезинтеграции, нарастания патологичности и дисфункциональности институтов, накопления плохо разрешаемых антагонизмов и конфликтов» [260, с. 427]. Кризис общества проявляется в нарастающей анархии и хаосе гибнущей суперсистемы и в возникающих ростках будущей культуры общества. П.А. Сорокин отмечает следующие виды кризисов: 1) «переход от идеациональной (умозрительной) к идеалистической суперсистеме и от неё к чувственной системе составляет относительно лёгкие виды кризиса; 2) переход от чувственной системы к другим ее видам – вариант самого затяжного и мучительного кризиса. Именно таков диагноз кризиса, переживаемого современным человеком» [Там же, с. 428-435].

Время показало, что диагноз и прогноз П.А. Сорокина относительно конца XIX и начала XX в. оказались точными. Переходы от культуры с одними основаниями к культуре с другими основаниями сопровождаются, к сожалению, массовыми негативными явлениями. Наши современники Н.И. Сербенко и А.Э. Соколов, анализируя труды П.А. Сорокина, пишут, что именно социальный кризис оказывает влияние на такие «массовые психологические состояния и явления, как фрустрация, моральная деградация,

аномия, психологические заболевания, самоубийства, рост преступности и другие страдания людей» [250, с. 32].

Истоками кризиса рубежа XIX и XX вв. Т.Ю. Сидорина назвала Первую мировую войну и русскую революцию 1917 г., которые послужили началом качественной перестройке человеческого существования в XX в. Она отмечает, что указанный кризис «носил системный характер как феномен глобального значения: причины кризиса и его последствия оказались общезначимыми в мировом масштабе» [252, с. 173]. Социально-культурный кризис рубежа веков воспринимался как кризис культуры и человека Нового времени; постепенно распространившись на все сферы человеческой деятельности, он поразил систему мировосприятия. В XX столетии общество от кризиса культуры пришло к планетарному, глобальному кризису и, соответственно, от культуры и общества эпохи Возрождения и Нового времени – к «обществу после культуры», находящемуся в преддверии нового существования.

Т.Ю. Сидорина, обобщая учения А. Чаянова, Е. Замятина, Я. Окунева и других исследователей, отмечает: «События первой трети XX в. породили двойственное отношение к происходящим в России переменам, вызвав к жизни утопическое и трагическое видение будущего и устранив границы между фантазией и действительностью» [253, с. 149-150]. В период с конца XIX начала XX в. в обществе изобиловали различные идеи кризисного свойства: 1) «упрощение культуры» (Н.Н. Козлова [130, с. 151-152, 526], М. Левилов [149, с. 34, 67]; 2) «консервативная революция» (князь Н. Трубецкой, П. Савицкий, И. Вернадский, Л. Карсавин, Г. Флоровский, Д. Святополк-Мирский и др.); 3) «христианский социализм», по мнению Г.П. Федотова, «в России возможен как масштабное объединение капитализма и социализма» (цит. по: [252, с. 166]). Лишь в 1930-е гг. сформировалось противоречивое отношение к будущему у представителей «социалистического реализма» сменилось на сугубо позитивное восприятие сдвигов в экономике, политике и культуре, преломленные через призму идеологии грядущего

коммунистического общества. Эмигрировавшие из России русские мыслители вытеснили иного толка также деспотическое видение будущего из теоретического и обыденного сознания.

Анализ социальных кризисов в работах зарубежных философов показал, что стремительно развивающийся мир, увлек общество в будущее, предложив взамен невиданные прежде проблемы. Так, Ф. Ницше, анализируя социально-политическую историю общества, характеризует ее как борьбу двух волей: «Сильных – высших видов, аристократических господ, и слабых – массы, рабов, «толпы», «стада» [207, с. 6]. История человечества, по его мысли, шла по пути вырождения культуры, но возвращение к настоящей культуре возможно в будущем. Противоречие между волями общества и индивида, подвергшихся кризису, на современном этапе еще только предстоит осознать. Й. Хёйзинга, анализируя кризисное состояние культуры, также пришел к выводу о том, что «культура переживает этап «варваризации» [318, с. 245-246]. Иными словами, духовное содержание культуры исподволь заглушается и вытесняется элементами низшего содержания. А. Фиркандт отмечал, что «культура, общество, цивилизация развиваются через кризисы, где кризис – это обязательный этап в развитии общества» [305, с. 200-201]. В условиях общества переходного периода, согласно М. Буберу, «растет овеществление социальных связей и, как следствие, происходит отчуждение людей. В перемене отношения человека к вещам и связям, созданным его деятельностью, состоит отличительная особенность современного кризиса» [41, с. 192-193]. Выход философ видит в реализации диалогической идеи «человека с человеком». По его мнению, следующие поколения смогут выбрать новый путь, который стоит выше как индивидуализма, так и коллективизма.

Анализируя социальный кризис эпохи глобализации, К. Ясперс отмечает, что «сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой» [359, с. 360]. Мир, в котором люди жили веками, рушится у них на глазах, а сама глобализация объединила людей между собой сиюминутными

интересами. По мнению философа, «кризис бытия породил кризис духовности. Мир разбожествлён. В нем нет больше устоявшихся и действенных законов и авторитетов» [360, с. 377]. Чтобы выйти из кризисной ситуации не стоит возвращаться к началу как истинному бытию человека: прошлое ушло безвозвратно.

Исследуя социальный кризис на примере таких явлений как социализм и нацизм, основанных на принципах реализации некоего идеала социальной справедливости, рационально сконструированной системы морали, Ф.А. фон Хайек в них «эволюционную теорию моральной традиции, реализуемую через расширенный порядок человеческого сотрудничества» [316, с. 44]. Философ, будучи противником государственного регулирования экономики, полагал рынок и конкуренцию наиболее совершенным механизмом координации хозяйственной деятельности. По его мнению, «можно только уменьшить масштабы социального неравенства, в том числе и бедности, путём повышения общего уровня благосостояния» [315, с. 226]. Свои выводы Ф.А. фон Хайек иллюстрирует «успехами» социализма в реализации идеалов равенства: «Само государство, как показывала практика, становится беднее, хотя его граждане и равны. «Равенство в бедности» – таков итог осуществления идей социализма. Да и равенство эфемерно» [Там же, с. 119-120].

В творчестве Р. Гвардини социальный кризис предстает как «появившийся новый «человек массы», который образует определенную историческую возможность» [61, с. 144-145]. Этот человек и его возможности могут полностью раскрыться как в бытии, так и в творчестве, однако раскрытие их должно определяться не мерками Нового времени, а критериями, отвечающими их собственной сущности.

Х. Ортега-и-Гассет, характеризуя период социальных кризисов, отмечает, что «теперь европейская история впервые оказывается в руках заурядного человека – человека массы – и зависит от его поведения и решений» [211, с. 121-122].

Для Э. Гуссерля кризис европейской культуры и сознания предстаёт как концепция упадка европейского идеала, кризиса рациональности и кризиса европейской науки. Он писал: «Причина несостоятельности рациональной культуры кроется не в сущности самого по себе рационализма, а в его внешнем проявлении, увлечении «натурализмом» и «объективизмом» [86, с. 327]. В знаменитой работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» философ пишет о «признаках распада европейской культуры, распространении нигилизма и скепсиса, утраты веры в традиционные культурные институты» [376, с. 35]. Согласно Э. Гуссерлю, «европейский мир с его науками, изящными искусствами, ремеслами и социальными институтами рождён из идеалов разума, т.е. из духа философии» [86, с. 347]. Поэтому выход из кризиса может закончиться закатом Европы, если она отвернётся от присущего ей рационального осмысления жизни. По его мнению, «мир – это полная совокупность предметов возможного опыта и опытного познания, предметов, познаваемых на основании актуального опыта при правильном теоретическом мышлении» [83, с. 40]. Рассматривая свою «феноменологию» как систему элементов «жизненного мира» [84, с. 100] и как «дотеоретическую интуицию» [87, с. 83], ученый задает один из центральных вопросов: «Если разорвать разум и сущее, то каким же образом познающий разум может определить, что есть сущее?» [85, с. 554]. В результате Э. Гуссерль приходит к выводу о том, что выход из тупика, обусловленного научно-техническим прогрессом, в обращении к первоосновам бытия и сознания общества.

О позиции Э. Юнгера в отношении оценки социального кризиса пишет Ю.Н. Солонин: «С горизонта духовных ориентиров общества исчезли нравственные ценности; прежде чёткие представления об устойчивости и гарантированном расцвете как исторической перспективе Германии сменились чувством безысходности, разочарования и отчаяния» [259, с. 33]. Человек нового склада (тип или рабочий) сменяет бюргерского индивида, в свою очередь «масса» как общественная форма заменяется «органической

конструкцией» [Там же, с. 164]. Так, Э. Юнгер увидел зарождение нового человека и нового общества в лице «рабочего» - представителя «нового общества» и представителя мира. Это новое существо было сильным, действующим, результативным – работающим.

Г. Миллер, анализируя ситуацию 1930-1940-х гг. отмечает: «Мы живем в Западной Европе как в угасающем мире. «Демократические дали» увенчались для нас колючей проволокой. Уже сотни лет мир, наш мир, умирает, гниёт, разваливается на куски, но ему нужен последний удар, последний взрыв, чтобы он разлетелся на куски» [192, с. 30]. По его мнению, одна жизнь кончается, но начинается новая жизнь.

Перспективы развития человека в обществе, переживающего кризисное состояние, и неоднозначную оценку роли техники в жизни общества на рубеже веков дают в своих работах А. Вебер [52, с. 467-548; 53, с. 248], Х. Ортега-и-Гассет [212, с. 371], Э. Тоффлер [285, с. 15-46], Э. Фромм [313, с. 232], О. Шпенглер [343, с. 45-78] и др. Они подчеркивают, что техника, с одной стороны, расширяет возможности человека, освобождая от первородной зависимости от стихии окружающей его природы, с другой – подчиняет себе, лишая возможности свободного развития, делая человека придатком самой машины. В частности, Т. Имамичи пишет: «Технология, подобно природе, стала нашей новой средой обитания как бытийственная тональность машинных образований, определяющая своё развитие» [113, с. 79-80]. Машина, являясь продолжением человеческих органов, служит доказательством их ограниченности и порождает своеобразное отрицание органической и живой природы. Мегамашины завоевывают мир, производя несметное количество материальных благ, высвобождая человека из процесса физического труда, делают его зависимым от самой машины. Это новая проблема, которую предстоит решать. Удовлетворение потребностей с помощью машин, ограничивает возможности и сферы человеческой деятельности и стремлений, что ведёт к дегуманизации. Так, современная эпоха – это переход к

цивилизационному способу, когда человек уже не только покоряет природу, но и способен отделиться от органической среды.

П. Тейяр де Шарден в книге «Феномен человека» анализирует эволюцию универсума, в котором человек является его центром. Рассматривая человека как «ось и вершину» эволюции, он выделяет ее четыре стадии: «преджизнь», «жизнь», «мысль», «сверхжизнь» [275, с. 45-86]. По его мнению, в глобальном масштабе после гибели планеты и жизни наступит «сверхжизнь», когда произойдет слияние сознания всех людей с космическим Христом – скрытой побуждающей силой развития и финальной целью универсума. Основная мысль творчества зарубежных ученых – оторванность сознания от практики, его фрагментарность и обособление в самобытный идеальный мир.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, в результате отражения социальных кризисов появилось кризисное сознание социума. О кризисном сознании отечественные философы пишут следующее. По мнению И.А. Пигалева: «Кризисное сознание – сознание, основывающееся на постулате о радикальной несостоятельности западного общества, западной культуры и цивилизации вообще. У его истоков стояли композитор и мыслитель Р. Вагнер с идеей «гибели богов» индивидуалистической западной культуры и Ф. Ницше с идеей «декаданса» западной культуры, выразившегося в ее «рационализации» [215, с. 62]. Так появился сам термин «кризисное сознание» применительно к объяснению явлений социально-культурного порядка в среде философов и социальных мыслителей. Н.И. Лапин пишет: «Общество на разных исторических этапах своего развития претерпевает изменения, качественные перевороты в структуре общественного и индивидуального сознания» [145, с. 10-11]. Следовательно, общество проходит кризисные этапы и переходы от одного типа общественного устройства к другому его типу.

Т.Ю. Сидорина полагает, что, «изучая кризисное сознание, представители позитивной философии предпринимали попытки стабилизировать приступы

обострения кризисного сознания усилиями разума. Они оказывались успешными, но временными» [253, с. 27]. Кризисное сознание не обнаружило «возвратного механизма»: оно отражает происходящие общественные явления и обнаруживает свою невозвратность в прежнее качественное состояние. Согласно Ю.Н. Давыдову, «социальные кризисы неизбежно провоцируют всплеск и обострение кризисного сознания. Понимание его особенностей, эволюции, причин, вызывающих его обострение, требует изучения данного феномена в контексте социального сознания в целом» [88, с. 5]. По его мнению, кризисное и стабилизационное сознание можно рассматривать как две крайние точки, характеризующие общество переходного периода. В противоположность кризисному сознанию, изначально тяготеющему к иррационализму, стабилизационное сознание тесно связано с верой в разум и, соответственно, с той или иной формой рационализма. Здесь Ю.Н. Давыдов обращается к творчеству О. Конта, который в свое время писал: «Политический и нравственный кризис современных обществ имеет своим главным источником «умственное безначалие», несогласие людей относительно «всех основных начал», являющихся первым условием «истинного общественного порядка» [132, с. 35].

А.Т. Семченко, анализируя способы проявления кризисного сознания, пишет: «Общность эсхатологических мифов разных народов древности основана на представлении о времени как о серии циклов, вечно повторяющихся и отделяемых один от другого возвращением хаоса» [249, с. 35]. Эти циклы имеют такую последовательность: 1) цикличность, предполагающая в истории движение то вперед (прогресс), то назад (регресс); 2) переход от одной, «погибшей», формы мира к другой, «родившейся»; 3) переход в мир «вечной вселенской жизни» от «жизни земной и конечной»; 4) представление о мире на основе особенных культурных и цивилизационных традиций народов, мыслителей и религиозных деятелей.

Ю.Н. Солонин, анализируя труды зарубежных авторов XIX-XX вв., отмечает в их творчестве общие лейтмотивы: «1) конфликтов уходящих приоритетов духовности и нарождающихся приоритетов массового общества; 2) исчезновения души; 3) измельчания человека; 4) призрачности; 5) «неистинности» человеческого существования» [259, с. 8-9]. Мир находится на переломе – уходит век XIX и рожденные им ценности и достижения. Ему на смену приходит век XX, который во многом еще не проявил себя и имеет слабо выраженные контуры. Согласно Л.М. Лопатину, «современный мир переживает огромную историческую катастрофу. Крушатся старые идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания» [168, с. 2-3]. Проигранная всеми Первая мировая война породила в сознании общества апокалипсические настроения, общую неуверенность и тревогу.

Исследуем труды современных отечественных философов XXI в. Р.И. Соколова, анализируя глобальный кризис, пишет о том, что «в последние десятилетия XX в. произошли гигантские сдвиги в мировом сообществе. Как полагают многие исследователи, закончилась одна и наступила другая эпоха, несущая с собой большие потрясения, глобальный кризис. Большую роль в возникновении глобального кризиса, охватившего в начале XXI века все сферы общественной жизни – экономическую, политическую, социальную и духовную сыграла глобализация» [258, с. 3]. По ее мнению, сложность состоит в том, что «обнаружившаяся невозможность однозначной детерминации в экономических, политических и социальных сферах трансформировалась в общественном сознании в идею о принципиальной невозможности научного познания. Это способствовало тому, что весь сложный, динамичный и противоречивый общественный процесс осмысливался как процесс иррациональный, не подчиненный разумному началу и ускользающий от контроля человека. А это в свою очередь создавало почву для широкого распространения нигилизма» [Там же, с. 14-15]. Ученый также отмечает, что «человечество не только имеет одно стремление к выживанию, инстинкт

самосохранения, но и обладает глубинной потребностью человека в органической связи с другими, которая стала ныне более осознанной и настоящей, что выражается в таком еще очень мало исследованном явлении, как рост элементов планетарного сознания» [Там же, с. 22]. Гигантские сдвиги в мировом сообществе, порожденные капитализмом, привели к глобальному кризису, охватившему в начале XXI века все сферы общественной жизни, включая общественное сознание. Иррациональность как обратная сторона кризиса, в свою очередь, привела к распространению нигилизма и другим негативным социальным явлениям. В результате анализа творчества ученого, можно сделать вывод о том, что кризис сознания – это и кризис основ общественного бытия в целом, и кризис бинарной оппозиции рациональное – иррациональное.

Б.К. Дзегутанов, анализируя глобализацию и актуальные проблемы российских реформ, отмечает, что «идея целостности современного мира находит все более широкое распространение на теоретическом и на обыденно-массовом уровне общественного сознания и постепенно становится консолидирующим фактором значительной части народов и континентов современного мира» [96, с. 3]. В то же время, как полагает ученый, «переход человечества к гуманистическому типу развития требует формирования в народном сознании, у каждой личности гуманистического мировоззрения и идеалов, сплочение людей всех цивилизаций в единый неодолимый организм, явившись всеобщим социальным чувством священного коллективного сознания людей мира, обеспечивающим не идеи индивидуально-эгоизированного человека, а идеи общественной солидарности, эмоционального взаимодействия, способность поддерживать устойчивые связи, объединяющие человечество как в глобальном пространстве» [Там же, с. 4]. Однако не следует забывать о том, что современный мир и кризисы общественного сознания обязаны своим существованием глобализму, который основывается на внедрении в сознание людей идеи о приоритете частного интереса над общественным, вследствие

чего достижение личной выгоды якобы приводит к общественно значимым и полезным результатам» [Там же, с. 23]. Ученый отмечает, что «в результате распространения культурного глобализма, основной удар приходится на ценности русской духовной культуры – общинное сознание через внедрение бациллы индивидуализма, традиционный приоритет производительного труда в интересах Отечества и др.» [Там же, с. 25]. К кризису сознания привели глобализм (американизм), нарушение целостности человеческого бытия и деформация традиционных ценностей русского народа и российского общества.

Л.В. Мантатова, исследуя ценностные основания современного цивилизационного развития, полагает, что «сегодня перед человечеством стоит задача формирования планетарного ценностного сознания, новой стратегии мирового развития» [180, с. 4]. Философ полагает, что, не смотря на происходящие изменения, именно «системный кризис современного общества открывает новый эволюционный цикл в истории человечества, по рангу эквивалентный возникновению материальной цивилизации. По мере перемещения центра социальной эволюции из сферы материального производства в сферу духовного производства закладывается фундамент новой (экологогуманистической) цивилизации» [Там же, с. 11]. Мы солидарны с В.Л. Мантатовой в том, что преодоление кризиса общественного сознания пролегает посредством «духовности, которую можно выразить одним словом: «самотрансценденция», одной формулой: «вперед и вверх». Духовность есть такой модус сознания, в котором мы чувствуем свою связь с окружающей природой и социальной средой, со всем космосом и вселенной» [Там же, с. 176-178]. Следовательно, причины образования кризисного сознания и пути преодоления этого кризиса находятся в духовной сфере общества.

Д.С. Львов, исследуя образ новой России и истоки его формирования, отмечает, что «Россия застыла на историческом перепутье и ее необходимо повернуть из футурологической плоскости в русло обсуждения

содержательных проблем, раскрывающих причинно-следственные связи нашего прошлого» [172, с.3]. Сегодня в первой половине XXI в., когда многое от советского периода, тотально идеологизированного режима, уже мало что напоминает и мы живем в другой стране, все же сегодня «появляется не менее жесткая социальная Система, которая разворачивает сознание людей против естественного чувства человека к взаимной солидарности и выручке, духовного обогащения в процессе общения людей. Происходит замыкание сознания на своем и личном. Для духовного возвышения себя и других низводится Системой до идеи индивидуального обогащения, а то и прямого стяжательства» [Там же, с. 5]. Следовательно, кризисное сознание российского общества, с одной стороны, порождается ущемлением прав и свобод человека в своем Отечестве, с другой стороны, оформляется как футуристическое видение настоящего, которое объективно не соответствует реальности.

Социальные кризисы в отечественной литературе представлены как исследование проблем взаимодействия общества и природы, человека и общества. Они отражают в виде эсхатологизмов обостренное ощущение неминуемого катастрофического конца человеческой истории и появление новых форм общественной жизни – индустриального общества. Социальные кризисы обнаружили в человеческом мире «вечный поиск, потери, преодоления и обретения». «Путь цивилизаций – это путь катастроф, вечных апокалипсисов – позади и впереди». Социальные кризисы имеют 1) «организационную» основу (строительство) и выражаются такой эмоциональной формой, как радость, счастье, удовольствие, в силу повышения психической энергии и 2) «дезорганизационную» основу (разрушение) и выражаются такой эмоциональной формой, как страдание, уныние, несчастье, в силу понижения или ослабления психической энергии.

В зарубежной литературе социальные кризисы порождены «прогрессом общества», «культурно-цивилизационными» тенденциями, которые несут гибель традиционных основ (религиозных) и зарождение новых основ (научно-

технических), что выглядит как переход от культуры «веры» к культурам «разума» и «чувства». Однако гибель одной культуры – это не гибель общества, а переход его на следующий уровень развития. Стремительно развивающийся мир, увлек общество в будущее, предложив взамен невиданные прежде проблемы: «воля сильных» и «воля слабых», «культура переживает этап «варваризации» (духовное содержание культуры заглушается и вытесняется элементами низшего содержания), «культура, общество, цивилизация развиваются через кризисы – обязательный этап в развитии общества», «перемена отношения человека к вещам и связям», «сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой», «кризис бытия породил кризис духовности. Мир разбожествлён», «равенство в бедности» – таков итог осуществления идей социализма. Да и равенство эфемерно», социальный кризис предстает как «появившийся новый «человек массы» («заурядный человек»)), который образует определенную историческую возможность», «упадок европейского идеала, кризис рациональности и кризис европейской науки», в Европе зарождается новый человек и новое общество в лице «рабочего», в современном обществе все становятся «машиноравны», «мир принадлежит машинам, где человек становится придатком машины». Основу российских социальных кризисов составили такие явления как «упрощение культуры», «консервативная революция», «христианский социализм», и другие противоречивые тенденции. Таким образом, ключевыми факторами, повлиявшими на формирование кризисного сознания – Первая мировая война и русская революция 1917 г. В XX столетии оно эволюционировало, но не уходило, заставляя человека искать всё новые и новые формы спасения и понимание опасностей, грозящих обществу, которое оказалось в преддверии нового существования. Тенденции глобализации и глобализма явили миру невиданные ранее возможности, но и проблемы, от которых нельзя уйти, но и оставаться с ними еще более опасно. В XXI веке кризис сознания предстал в виде эпохального противоречия, которое, с одной стороны, представлено

рациональным оптимизмом, породившим цивилизацию и заведшим ее в тупик, с другой стороны, разум, проявив свою ограниченность, явил извращенные формы идеального бытия социума – наркоманию, терроризм и др. Эсхатологическая растерянность человечества отразилась на кризисе сознания, которое в России явило не только пределы возможностей рациональности, но и подошло к точке бифуркации, за которой, вероятно, откроется принципиально иная форма идеального бытия общества.

Общее для русского и западноевропейского утопизма – предвосхищение социального идеала общества будущего, критический анализ настоящего и моделирование мира вообще. Различие же состоит в борьбе между западноевропейским абстрактным «рацио» и восточно-христианским богочеловеческим «логосом». Для западной философии характерны гносеологизм и онтологизм, для русской – антропоцентризм и связанное с этим доминирование моральных социальных и историософских проблем, обращение к вопросам о смысле истории и её цели.

В результате отражения кризисных социальных процессов появилось кризисное сознание социума, которое появляется вместе с кризисными этапами и переходами от одного типа общественного устройства к другому его типу. Кризисное сознание есть отражение кризисного социума, проявляющееся в виде деформированного сознания, в котором нарушена его качественная целостность (сознание общества, коллективного субъекта общественной жизни). Кризисное сознание, отражая кризисное общественное бытие, обретает свое существование в его эсхатологических и других формах кризисного мировосприятия человека в условиях переходного периода общества. Оно выражается на обыденном уровне общества, отдельного индивида, коллектива как невозможность человека вернуться назад и предвосхитить свое будущее.

§2. Кризисное сознание общества переходного периода

В структуре философского знания кризисное сознание предстает как субъективный образ объективного мира, отражающий кризисное общественное бытие. Оно составляет диалектическое единство духовных и материальных основ общества, которые взаимоувязаны между собой. Нарушение в одной из сфер общественной жизни – материальной, например, ведет, соответственно, к нарушению в другой – духовной. Поэтому, в настоящем параграфе будут исследованы сущность и существование кризисного сознания в контексте диалектико-материалистического понимания культурно-цивилизационных изменений общества. В различные исторические эпохи отмечается соответствие / несоответствие общественного бытия и общественного сознания, отношения между которыми время от времени:

- а) находятся в равновесии или достигают *тождества*;
- б) оказываются в ситуации *различия*;
- в) достигают *противоположности*;
- г) переходят в стадию *противоречий*.

Первой исторической формой общественного сознания является миф (от греч. – предание), для которого характерно, что первобытный человек не выделяет себя из окружающей природной и социальной среды, мышление первобытного человека не расчленено, диффузно, оно почти не отделимо от эмоциональной, моторной сферы. В эпоху Первобытнообщинного строя появляется исторически первая форма общественного сознания – мифологическая, с которой начинается эволюция последующих его общественных форм.

Во времена Античности общество при *переходе от первобытнообщинного*, родового строя, обретает более высокий уровень развития. На Западе этот качественный скачок в развитии общества сопровождался кризисом сознания – переход от первобытнообщинного сознания к *рабовладельческому сознанию*. *Кризис сознания античного*

общества состоял в том, что человек разрывает узы первобытнообщинного, ограниченного сознания и выходит на простор обновленной общественной жизни и впервые проблемную область общественного сознания заполняют вопросы справедливости, управляющих и управляемых, разницы в благосостоянии между богатыми и бедными.

В Средние века на смену рабовладельческому строю пришел феодальный, более прогрессивный строй. Он явил миру новый вид *религиозное сознание*, как вера в сверхъестественные силы, причастность определенным религиозным идеям и ценностям. Кризис сознания порождается противоречиями системой мировосприятия «бог-человек» и «мир-человек».

В эпоху Возрождения, на смену феодальному способу организации жизни общества, постепенно приходит капитализм с ведущим гуманистическим принципом, где человек становится в центре вселенной и выступает как творец самого себя. Продолжая начатую традицию Сократа, общество этой эпохи сосредоточивает внимание на вопросе о том, что такое человек, что такое человеческое сознание. Так обнаруживаются разные уровни, слои сознания – индивидуальное и надиндивидуальное, которые соотносятся как субъективное и объективное содержание сознания, где последнее доминирует над первым. Так роль сознания (разума) теперь уже оформляет современное общество, разрывающее религиозные оковы и открывая простор для человека, познающего и преобразующего свой внутренний и внешний мир. В результате чего религиозное сознание постепенно вытесняется *научным сознанием*. В целом, в эпоху Возрождения происходит очередной кризис сознания, ключевым моментом которого является обращение внимания человека на самого себя и свои жизненные силы.

Новое время характеризуется кризисом сознания религиозного, на смену которому приходит *сознание научное*. Капитализм, заменивший феодализм, произвел научную революцию в экономике, политике, общественном устройстве общества и общественном сознании. Новое время являет кризис

общественного сознания, суть которого состоит в преодолении узких рамок сознания религиозного, характерного для феодализма и переход к *научному сознанию*, вызванному к жизни капиталистическим способом общественного производства.

Новейшее время характеризуется тем, что кризис сознания вызван крушением веры в человеческий разум и его могущество. Наступил *кризис образа-идеала*, который был разрушен образом современной действительности. Формируется новый способ производства – «мир-системный», империалистический, формирующий мировой рынок – ключевую характеристику глобализации. В период с XVII по XIX века в мире наметился переход от сознания феодального к сознанию социалистическому с элементами капиталистического сознания.

Феномен кризисного общественного сознания Новейшего времени выражается в том, что научное сознание, начавшее свое победоносное шествие в XVII веке, оторвавшееся от религиозных корней, также приходит в упадок на рубеже XIX-XX веков и освобождает место для сознания в его новой форме рациональности, которую можно назвать гипотетически *глобализационной* или *планетарной*. Дело в том, что любые социальные процессы и институты – мировые или национальные, – так или иначе, переплетаются и взаимодействуют между собой. Рассматривать любую форму социальности вне этой связи – некорректно. Представим наиболее актуальные, на наш взгляд, виды кризисного сознания современной России:

1. *Кризисное экономическое сознание (КЭС)*. Сегодня весь цивилизованный мир, а Россия не является исключением, переходит от распределительных отношений к рыночным. Этот вид экономических отношений, как показывает мировая практика ведения национального и мирового хозяйства, наиболее соответствует духу времени и непосредственно связанос кризисом материальных основ жизнедеятельности. В России КЭС вызвано к жизни переходом на рыночные отношения, которые развиваются не

так как, например, в США, Японии, странах Западной Европы. Сегодня Россия, с одной стороны, находится под давлением извне, т.е. ей навязывается модель капиталистического способа производства в виде норм и ценностей потребительского общества как игроку, включенному в систему мирового рыночного хозяйства. С другой стороны, она не свободна от особенностей построения национальной экономики, в которой субъекты труда зачастую лишены элементарных прав.

Проблему КЭС, по сути, сформулировал еще С.Н. Булгаков следующим образом: «Философия хозяйства в своем развитии включает основные проблемы философского сознания, но в центре ее стоит антропология – учение о человеке в природе» [42, с. 305]. Таким образом, КЭС проявляется, как попытка российского трудового социума сформировать новые способы хозяйствования и соответствующие им производственные отношения, а также как ответ на вызовы современности ведущих мировых экономических держав.

Следовательно, кризисное экономическое сознание формируется в результате отражения кризисных процессов базиса общества и производственных отношений социумом.

В структуре КЭС можно назвать диалектически противоречивые процессы – централизация и децентрализация экономики, влияние государства на экономику и проявление гражданских инициатив в сфере экономики, капиталистическое (производство прибыли с помощью человека) и социалистическое (производство человека с помощью прибыли) начала в сфере экономики и др.

Преодоление кризисных явлений в сфере КЭС для российского социума будет находиться в сфере производства, построенного на основе высоких технологий, а не только традиционной «сырьевой» ориентации нашей страны. В этой связи В.В. Мантатов и Л.В. Мантатова предлагают «синергические стратегии»: «Как разорвать пагубную связь между экономическим ростом, экологической деградацией, ростом неравенства в доходах и обеспечить

устойчивое человеческое развитие? В странах Латинской Америки и Карибского бассейна созданы инклюзивные политические институты, которые внедряют принципы экосоциализма в виде успешных синергичных стратегий устойчивого развития, ориентированных на достижение единой цели – общего блага» [176, с. 15-16]. Такой подход выявляет сущность наступающего «капиталистического общества потребления. Опасность этого общества – следствие невозможности поддерживать высокий уровень материального потребления в западных странах, приводящий к экологической и социальной депривации огромных масс людей во всем мире» [Там же, с. 19]. Нарушение равновесия в такой системе жизнеобеспечения человека, как «природа – экономика – общество», по мнению авторов – это корень всех проблем. Именно уравновешенные обменные связи между природой и исторически формами социальности позволят найти путь выхода современной цивилизации из глобального кризиса.

Разрешение противоречий КЭС и преодоление его последствий состоит не только в том, чтобы платить налоги и проводить благотворительные акции, а создавать на государственном, региональном и местном уровнях долгосрочные социально значимые проекты для удовлетворения социумом своих профессиональных, национально-этнических, культурных и религиозных потребностей и интересов. История уже имеет такие примеры: «тульский феномен» (столица оружейников), «гжель, хохлома» (место и вид народного художественного промысла), «байкальский феномен» (озеро – природное явление, место для туристов и встречи научного сообщества); «саянское кольцо» (место встречи творческих людей – вокал, хореография, музицирование) и др. Естественно, это малая толика всего, что уже создано в Российской Федерации, и эту традицию следует продолжить.

Сущность КЭС состоит еще и в том, что в условиях рыночного ведения хозяйства социум осваивает новые формы экономических отношений и воспроизводства общества. КЭС сформировано, распадом экономической

системы советского периода и ее производственных отношений, в частности, экономическими реформами, проводимыми правительством Российской Федерации.

С одной стороны, модернизационные процессы породили новое пространство для предприимчивого и активного социума, готового и способного ориентироваться и удовлетворять насущные потребности общества в новых условиях хозяйствования.

С другой стороны, политика модернизации не представила согласованный свод правил, который позволил бы активному социуму честно, справедливо и социально ответственно вести бизнес, заниматься предпринимательской деятельностью.

Выход из сложившейся ситуации состоит в диалоге между ведущими силами в экономике: государством в лице правительства, законодательных, судебных и исполнительных органов, деловыми кругами и населением – конечными потребителями на федеральном, региональном и местном уровнях.

Сегодня, выражаясь терминами марксовой теории формаций, произошел кризис в структуре отношения базиса и надстройки, а также внутри структуры производительных сил и производственных отношений.

В экономике следует искать решения по следующим направлениям, исходя из контекста настоящего исследования:

1) качественное изменение структуры экономического общественного сознания с сохранением традиционных базисных элементов (коллектив, община, артель, взаимопомощь, взаимовыручка) и с внедрением инновационных элементов (управление, капитал, товарно-денежные отношения, прибыль);

2) определение места и роли России на международном рынке товаров, услуг и системе разделения труда;

3) регулирование системы отношений национальное (местное) хозяйство и национальное (местное) природопользование;

4) государственное регулирование производством товаров и услуг и самоорганизация национальной экономики и местных производств;

5) установление баланса, равновесия в системе жизнеобеспечения человека природа – экономика – общество на уровне взаимоотношений Россия – мировое сообщество;

6) изживание таких феноменов советского периода как иждивенчество, кумовство и др.;

7) повышение уровня заработной платы в сфере материального и духовного производства.

В целом, можно сказать, что проблема КЭС – это проблема выбора способа производства (например, постэкономический тип – *В.Л. Иноземцев*) и установление типа общественных отношений (например, открытое общество – *К. Поппер*), его носителями.

Однако истинную проблему КЭС составляет новый уровень понимания сложных и многоуровневых взаимоотношений экономических/хозяйствующих субъектов – международных, государственных, региональных, местных, отдельных организаций и личностей.

2. *Кризисное политическое сознание (КПС)*, с одной стороны, связано со снижением уровня доверия к власти, с другой, – неготовностью общества в новых условиях адекватно реагировать на вновь образуемый в России институт власти. *КПС сформировано в результате отражения социумом кризисных процессов в сфере гражданских и государственных интересов.* Оно сформировано, с одной стороны, пассивностью общества в сфере политической жизни страны по вопросам защиты своих прав и свобод, а, с другой стороны, нежеланием представителей всех уровней и направлений политической деятельности доводить до населения информацию о своих политических кампаниях и достигнутых результатах. К сказанному следует добавить, что в Российской Федерации уже наступил перелом в вопросах диалога между различными социальными стратами и достигнуты конкретные результаты,

например, создан и эффективно работает пенсионный и налоговый институты, а также в активной фазе находится институт межнациональных и межконфессиональных отношений.

Содержание КПС составляют политические нормы, ценности, убеждения и представления государственного и общественного социума на теоретическом, эмпирическом и обыденном уровне. Выражается КЭС со стороны власти во вседозволенности и неподчинении законам государства (казнокрадство, взяточничество, коррупция и др.), а со стороны общества в иждивенческих настроениях (получение от государства незаслуженных льгот, субсидий, пенсий и др.) и противоправных действиях (абсентеизм, девиантное и аддиктивное поведение и др.).

Исследуя отношения Россия – Европа, отметим, что в настоящее время предлагаются различные пути и подходы разрешения противостояния Запада и Востока. Россия, страна многонациональная, поликонфессиональная, мультикультурная, сегодня в цивилизационном контексте характеризуется как кризисное общество, то есть находящееся в транзитном состоянии, преодолевающее тоталитарные традиции, унаследованные от советского периода, переходящее к обществу модернизирующемуся, претендующему на ведущие культурные, экономические, военно-стратегические позиции в мире.

Еще один аспект взаимоотношений Восток-Запад – это общие проблемы, которые могут быть поставлены и решены только совместно, например, проблемы миграции, безопасности, экологии и т.п.

Остается открытым вопрос о выборе путей модернизации нашей страны. В контексте решаемой проблемы взаимодействия России и Запада является актуальным подход, именуемый «евразийством». Как справедливо отмечает профессор И.И. Осинский, «основное внимание они обращали на решение главной задачи – создание идеологии России, где были бы соединены в диалектическом единстве наука, религия, философия. Евразийцы критиковали европейскую цивилизацию за ее стремление представить свои ценности как

общечеловеческие» [213, с. 7]. По его мнению, «евразийство – это, прежде всего форма интеграции для независимых государств с целью укрепления их экономических и культурных связей, сотрудничества, сочетать фундаментальные основы европейской цивилизации и многовековой опыт взаимодействия с Востоком» [Там же, с. 9]. Мы разделяем точку зрения И.И. Осинского, потому что в условиях глобализации развитие России и мирового сообщества возможно в многополярном мире с многовекторным развитием.

Исследуя геополитическое положение России, А.В. Леопа пишет о том, что «сложившиеся в обществе классы, социальные группы, преследуя свои политические цели, оказывают мощное воздействие на культивирование в сознании общества представлений об историческом прошлом, отвечающих их собственным интересам» [167, с. 22]. По его мнению «до настоящего времени Россия зачастую представляется Западу в образе врага» [Там же, с. 32], Россия, не окрепнув в борьбе с внешним агрессивным сообществом, вынуждена выстраивать новые ориентиры для своего развития.

А.А. Изгарская полагает, что «современной России как территориально обширной полупериферии, занимающей центральную геостратегическую позицию, свойственна стратегия «борьбы против исключения» [110, с. 38]». По ее мнению, «в мировой экономической системе России определено место поставщика сырья» [Там же, с. 41]. О сложности понимания кризисных процессов в России Е.Ю. Шакирова пишет следующее: «Российское социокультурное пространство отличается наличием следующих атрибутивных свойств: комплексность, многоуровневость, разнонаправленность. Внутри социокультурного пространства России проявляются пограничные точки, ограничивающие внутренние культурные поля» [336, с. 13]. Особенностью нынешнего этапа глобализации состоит в том, что процесс изменений затронул, наряду с экономикой, политикой, социокультурной и духовную сферы. Россия на рубеже XX-XXI веков в столкновении экономических и политических

интересов на международной арене выступила ослабленной, не всегда готовой отстаивать свои историко-культурные и геополитические интересы.

Анализ внутривластной деятельности российского государства говорит о различии институционального и функционального содержания единства цивилизации и культуры. Вектор развития Российской Федерации в области формирования политического сознания будет пролегать между общечеловеческими нормами и правилами и внутринациональными, конфессиональными традициями. Сегодня наблюдается разрыв между народом и элитой культуры, науки, бизнеса, политики. И.А. Пфаненштиль полагает, что «в результате произошло не только отчуждение основной массы от последней, но их противопоставление, а также утрата способности значительной части людей к творческой деятельности в любой форме социальной практики» [231, с. 302]. Еще одна проблема глобального геополитического характера «ювенализация», т.е. увеличение значимости младшего и соответственно понижение значимости старшего поколения» [Там же, с. 303].

Таким образом, в результате исследования КПС выяснилось, что в XXI веке России утратила статус глобальной державы и стала державой региональной. Однако, находясь в двух частях света и охватывая несколько регионов мира, она имеет возможность утвердиться как трансрегиональная держава. Разрушение единства национальных и цивилизационных компонентов российской идентичности требует от России выбора соответствующей модели развития, от которой потребуются разрешения противоречия между поликультурностью (многоконфессиональность, многонациональность) и устойчивой позитивной тенденцией к культурной идентичности (национально-этнической, религиозной).

КПС сформировано противоречиями между недоверием к власти и неготовностью граждан Российской Федерации воспользоваться преимуществами гражданского общества, создаваемого у нас в стране. С одной стороны, эта проблема сформированы институтами власти и политики, а, с

другой отстраненностью большинства населения от участия в деятельности этих институтов. И решение разрешения этого противоречия будет находиться в сфере изменения сознания и государственных чиновников, политиков, депутатов, и простых граждан.

Модель РАБКРИНа (рабоче-крестьянской инспекции) по В.И. Ленину, сегодня может оказаться востребованной хотя бы потому, что в ней гармонично сочетаются все уровни общества: элита, средний класс и низший класс. Взаимодействие должно идти через средний (промежуточный) класс между верхами и низами. В сфере внешней политики необходимо установить взаимовыгодные отношения Россия – Запад и Россия – Восток, а также Россия – Евразия (сухопутное сообщество) и Североатлантическое (морское сообщество). Здесь возможен только диалог двух сильных (экономически и в военном отношении) держав, а также установление «буферных» зон, где сферы влияния будут взаимно уравновешены.

Отношения в российском многоконфессиональном и многонациональном сообществе должны строиться через установление толерантности и равенства в правах граждан. Вопрос о приоритете общечеловеческого и личного, на наш взгляд, должен быть решен в пользу всеобщего, не ущемляя прав и достоинств единичного.

3. Кризисное научное сознание (КНС), по сути, это – кризис образа-идеала, сформированного научным рационализмом эпохи Просвещения и идеями Прогресса, на смену/помощь которому так и не пришел ни иррационализм, ни другие формы идеальности, о которых современному человечеству еще мало что известно. Выход из этого кризиса мы видим в том, чтобы сочетать рациональные и иррациональные формы идеального постижения мира и его преобразования. Именно таким образом можно преодолеть негативные тенденции КНС, потому что кризис рациональности преодолевать только с помощью сознания, которое само оказалось в кризисе некорректно.

Кризисное сознание во время перехода общества от феодальных отношений к капиталистическим отношениям, когда религиозное сознание сменяет сознание научное, исследовал Р. Декарт. Он отмечал, что «сознание – непространственная субстанция, открытая лишь для созерцающего ее субъекта, и осуществляющая процесс познания реальности» (цит. по: [93, с. 18]).

И. Кант так описывает изменения сознания: «Наше знание возникает из двух основных источников души: первый из них есть способность получать представления (восприимчивость к впечатлениям), а второй – способность познавать через эти представления предмет понятий» [117, с. 101]. В результате, он наделяет сознание динамическими характеристиками как способностями:

1) объединять многообразие эмпирической реальности в представлении для дальнейшего анализа (синтез аппрегензии – воспроизведения);

2) переходить к понятиям или от явлений к сути изучаемых предметов (синтез апперцепции – переход от чувственного образа к понятию, лишенному чувственности).

Г.В.Ф. Гегель отмечал, что «сущность, во-первых, сначала выступает как видимость внутри самой себя, иначе говоря, есть рефлексия; во-вторых, она являет себя; в-третьих, она выявляет себя» [62, с. 426]. Также Г.В.Ф. Гегель, выдвигая идею мирового духа, писал: «Наше познание стремится к пониманию того, что цели вечной премудрости осуществлялись как в сфере природы, так и в сфере действительного и деятельного в мире духа» [63, с. 491]. Наши современники отмечают в структуре научной рациональности ее типы: классическую, неклассическую и постнеклассическую (см. 265, с. 13-14; 266, с. 420; 267, с. 44; 269, с. 41 и др.), которые обеспечивают преемственность научного знания, а также исследуют следующие проблемы и задачи:

- классический тип научной рациональности исследует свободу, истину, а также структурирует субъекта (исследователя) по его средствам и операциям деятельности и объект как малые (простые) системы;

- неклассический тип конкретизирует субъекта познания по его «включенности» в изучаемый мир, а системы изучает как «сложные и саморегулирующиеся»;

- постнеклассический тип рациональности имеет дело с комплексными исследовательскими программами, взаимодействующими картинами реальности различных наук, а объектами междисциплинарных исследований становятся открытые, саморазвивающиеся системы.

Таким образом, можно сформулировать общие положения о КНС, которое:

- 1) рассматривается в рамках сознания;
- 2) появившись однажды в рамках сознания, в свою очередь, обретает собственное существование – логическое и историческое;
- 3) это сознание, изменившееся качественно, что выражается в нарушении его целостности, системных свойств и качеств;
- 4) как понятие кризисное сознание объединяет все виды общественного сознания, качественно изменившиеся, изменяющиеся;
- 5) как способ существования идеального сознание неразрывно связано с материальным миром и время от времени проявляет его кризисные свойства;
- 6) отражая качественные изменения эмпирической реальности, оно становится кризисным и обретает собственное существование;
- 7) обретя собственное существование, оно как составная часть кризисного мировоззрения общества влияет на все его сферы.

Таким образом, КНС сформировано противоречиями между рациональным и иррациональным началами (с помощью разума цивилизованное общество достигло небывалых вершин и разум же завел общество в тупик), а также между традиционными теориями и парадигмами и новыми, теориями и парадигмами, которые еще только формируются и формулируются (сегодня только с помощью разума человек найдет решение всех своих проблем). Прорыв в научном сознании, на наш взгляд, ожидается в

разумном сочетании рационального и иррационального (интуитивного, творческого) и соответствующем отношении общества к научному сообществу именно как к работникам «производительной силы», постигающих законы природы, общества и человеческого сознания и умножающих многократно силу человеческого ума и его рук.

4. Моральное кризисное сознание (МКС) и кризис ризоморфизма. Моральное кризисное сознание – это нарушение ценностных ориентиров общества переходного периода, когда на смену ценностям коллективистского (патерналистского) общества приходят ценности индивидуалистского (либерального) общества. Россия – это страна, смотрящая как на Восток, так и на Запад. Это ее историко-культурные и геополитические ориентиры. Исследуя проблему морали и нравственности в структуре государственной власти, М.В. Бадмаева отмечает: «Господствующие в российском обществе нравственные установки, нормы, ведущий психологический настрой населения, во многом определяют направленность и темпы их развития, социальную надежность в целом. Назовем лишь некоторые его признаки:

- резкое ослабление многих властных, политических, экономических и правовых механизмов регулирования поведения человека в обществе;
- значительное уменьшение роли рационального мышления в сознании людей и соответствующее существенное возрастание действенности психологического фактора;
- изменение характера господствующих в обществе представлений о желаемом (истинном) пути социального развития; изменение многих ведущих нравственно-психологических ориентаций, норм людей;
- крайняя нестабильность уровня общественного терпения» [17, с. 10-11].

По мнению профессора, «только по-настоящему моральные лидеры нового глобального сообщества способны трансформировать чувственное управление в новую интегральную форму» [Там же, с. 16]. М.В. Бадмаева видит решение проблемы общественной морали, на примере отношения к

государственной власти, в сочетании рационального и иррационального (чувственного), а также в формировании особой культуры отношений между обществом и властью, основанной на их взаимодействии, а не на противостоянии друг другу.

Наиболее серьезную опасность в области морального кризиса представляет молодежь – группа риска, носитель и выразитель массового российского сознания. По мнению В.П. Леньшина, «как один из субъектов массового сознания – молодежь, которая делится на элитарную, маргинальную и люмпенизированную группы, опирается на общественные отношения, которые выполняют для нее роль социальных контекстов и регуляторов. В результате перехода от одного типа культуры к другому рождается новый – «переходный», маргинальный – тип личности» [164, с. 188-189]. Один из вариантов преодоления морального кризиса, обращение к традиционным институтам, составляющим ее ядро.

Как полагает И.А. Пфаненштиль, «перед Россией возникла дилемма: либо найти способ преодоления безответственной потребительской морали, либо окончательно опуститься в пучину геополитического хаоса и соскальзывания в третий мир» [Там же, с. 309]. В таком случае есть только два способа предотвращения такой ситуации: либо отступить в авторитарно-фундаменталистскую архаику, либо осуществить восхождение к новой форме цивилизованности постпотребительского типа. Российская цивилизация, как и российская культура, представляет собой ризому (метафорический концепт, который ввели в философию и гуманитарные науки Ж. Делёз и Ф. Гваттари: «ризома» – «корневище»). Речь идет о таком множестве различных явлений, которые не подчиняются никакому единству, характеризуясь гетерогенностью, равноправием, взаимной разорванностью и взаимосвязью, самопроизвольной изменчивостью и автономией. Как полагает профессор, «пограничность России между Востоком и Западом, собственно, и порождает ее специфическую «ризомность», несводимую ни к какому единому знаменателю – ни

европейскому, ни азиатскому» [Там же, с. 309]. Еще раз убеждаемся в актуальности, продуктивности и глубокой обоснованности различия коллективистского и индивидуалистского типов общества, а также в обоснованности изучения российского общества как коллективистского, а также многонационального и поликонфессионального государства.

В нашей стране, впитавшей в себя коллективистские ценности, нет места для индивидуализма на духовном уровне, хотя и бурно развевающиеся экономические институты вольно или невольно формируют эпохальный социальный тип – либеральный индивид, нечто похожее на «автономный социальный модуль». Отказ от своих духовных корней ведет к духовной пустоте, которая захлебывается алкоголем, обкуривается табачным суррогатом, разлагается беспорядочными сексуальными отношениями и выхолащивается модными товарами.

России, наконец, следует отказаться раз и навсегда от пресловутого *альтернативного* принципа «или – или», прозападных феноменов лидерство, мотивация, конкуренция. На смену им должен выйти *уравновешивающий* принцип российского сознания «и – и», такие как общество (население) и авангард общества, доверие и соперничество, которые вместе взятые уравновешиваются взаимопомощью, взаимовыручкой. Мы не можем и не должны отрекаться от своих коллективистских корней в угоду атомизму, помноженному на производство прибыли и неумеренного возрастания потребностей и благ. Это значит, что в России не должно быть одного вектора развития – стрелы времени и пространства, но имея свое ядро, корень, исток, из которого по всем направлениям происходит поступательный рост, а именно:

- 1) традиционные и добрососедские межнациональные и межконфессиональные отношения;
- 2) единая общинная психология;

3) единая гендерная основа, имеющая женское лицо хозяйки, роженицы, матери, которой противостоит мужское начало западного образца – распорядителя, насильника, завоевателя.

Обращение к своим истокам, но в новом свете – это путь решения проблем выбора и следования России своим путем, прирастающего богатством народов и религий ее населяющих и одухотворяющих.

5. *Кризисное правовое сознание (КПрС) – это отражение социумом кризисных процессов в системе права и правовых отношений, охраняемых государством и в сфере повышения гражданами своей правовой компетентности и реализации своих прав.* В России имеет место массовая правовая безграмотность, а отсюда и правовой беспредел, как нарушение правовых норм. Жизнь, развитие демократии требуют усиления правового образования и воспитания в стране. С.Е. Туркулец, анализируя социально-проективный потенциал права, отмечает следующее: «Правовое общество – такое состояние социальной системы, при котором в развитой форме функционируют институты гражданского общества и государства при условии неуклонного соблюдения ими базовых правовых принципов, а также все субъекты подчиняются праву не по принуждению, а по убеждению, квинтэссенцией которых выступает объединяющая концептуальная идея» [297, с. 385]. Можно сказать, что формируется, реализуется и корректируется правовое сознание только в результате диалога *государства и гражданина*.

И.А. Ильин, анализируя кризис общества начала XX в., отмечал: «Ныне мы переживаем эпоху, когда правопорядок становится повсюду непрочным и колеблется в самых основах своих. Человечество за последние века пережило великий иррациональный кризис, который захватил подсознательные корни веры, нравственность науки, искусства и правосознания» [112, с. 467-470]. Философ писал о разрыве между законами общественной жизни – их легитимными формами управления в обществе – и духовными основами общества. Следовательно, разрешение противоречий сформировавших КПрС

лежит через диалог *господствующего класса и общества*, где приоритет отдается Закону, перед которым все равны.

Так как КПрС сформировано выведением права за пределы человеческой морали и проявляется как противостояние между правящим классом и управляемым сообществом, то область решения проблем КПрС россиян лежит не между государством и обществом, а между законом, которому подчиняются все и между законом, который «внутри нас» и между законом «совести», по которому живет все общество и который не привнесен законодательно, но живет и прорастает в нас с молоком матери и гимном, флагом, конституцией Российской Федерации для всех россиян любого вероисповедания, национальной принадлежности. Но остается решить еще один вопрос – служение государству или родине гражданам РФ?

б. Кризисное религиозное сознание (КРС) – это отражение социумом кризисных процессов в сфере удовлетворения культовой потребности духовного служения святыням (богу) и в области религиозной пассивности социума, сформированного светской культурой (театр, кино и т.п.). Оба направления порождены в России не только системным кризисом общества, но и распространением социальной апатии и недоверием ко всем властным структурам, где религиозный институт воспринимается как «духовная власть». Необходимо сказать, что КРС сформировано попытками втиснуть в пределы нашего отечества либеральные ценности, которые предполагают и подмену истинных православных соборных, коллективистских ценностей ценностями католико-протестантского образца, и внести рознь в структуру исторически сложившихся в РФ ценностей Запада, на которых лежит печать крайнего индивидуализма. По мнению И.А. Пфаненштиля, «идеал либерализма – это идеал эффективного собственника. Именно поэтому на протяжении целых веков на Западе происходит отход от восприятия труда как социально-нравственной ценности. Оно вытесняется голым экономическим расчетом» [231, с. 308]. Профессор полагает, что «общественная структура, характерная

для славян, и особенно для русских, сочетает в себе высокоразвитую семью не с клановой или патриархальной системой, а с общинным политическим строем, опирающимся на волю народа. У русских славян это можно видеть по тому, как было образовано государство путем призвания варягов, и на примере вече, а позднее земских соборов» [Там же, с. 311-312]. Западная философия, по нашему мнению, оказалась неспособной воплотить христианский идеал цельности жизни, а Россия до сих пор не смогла воплотить в жизнь этот идеал. Причин тому много, но ясно одно, в настоящий период за религией остается важное слово о месте и роли, а также о принципах и метода религиозного воздействия на сознания православных христиан, населяющих Россию. Сегодня кризис религиозного сознания, по большому счету состоит в том, что вступив в общество потребления в XXI веке образовался «духовный вакуум», который заполняется наркотиками, алкоголем и другими деструктивными зависимостями, девиантным и аддиктивным поведением. Поэтому КРС можно преодолеть через понимание места и роли веры в жизни российского православного общества. Факторы, повлиявшие на КРС:

1) динамическое развитие гражданского общества в России, имеющее этноконфессиональный контекст;

2) в России, в целом, как исторически сложившемся конфессиональном пространстве, сегодня происходит:

а) возрастание веса и влияния одних и ослабление других религий;

б) повышение разнообразия составляющих религиозной ситуации, возникающие в связи с этим противоречия;

в) поиск и формирование союзнических отношений в религиозной сфере и др.

Чтобы разрешить противоречия, вызвавшие кризис религиозного ОС, необходимо *предпринять следующие меры:*

1) разработка и принятие доктрины, соответствующей требованиям Конституции Российской Федерации, которая будет призвана определить

основные приоритеты в отношениях государства и религиозных объединений, что, в конечном итоге, будет способствовать оздоровлению межконфессиональных отношений;

2) регулирование межнациональных отношений на государственном уровне через создание межнационального компетентного и легитимного органа.

Однако разрешение кризиса религиозного ОС лежит через установление консенсуса между *рациональным* и *иррациональным* началами в сфере духовного.

Так как КРС сформировано противоречием между культовой потребностью духовного служения святыням (богу) и религиозной пассивностью социума, сформированного светской культурой (театр, кино, балет, книгоиздание и т.п.).

С одной стороны, налицо политика правящего класса, которому выгодно разорвать круг духовного бытия верующих языческого (политеистского) и традиционного (монотеистского) направлений.

С другой стороны, само общество не должно отрицать и противопоставлять традиционные основания, помноженные на связь с государством и историческое метафизическое прошлое, которое напрямую связано с природой, в которую встроен человек и из которой он вышел.

Сравнивать и различать, безусловно, дано обе религии (языческая и традиционная) и формы отношений в обществе между верующими и светскими людьми. Тем более что граница между служителями веры, культа и гражданами, служащими государству и обществу размыта: те и другие пользуются одной и той же телефонной связью, компьютерами, продуктами питания и т.п. Однако извечный круг вера – знание – это не проблема. Проблема новое видение старых проблем. Выход из этой ситуации мы видим только через консенсус и диалог между религией и другим сферами общественной жизни.

7. *Кризисное экологическое сознание (КЭКС)* – это отражение социумом деструктивных процессов в области защиты интересов экологии, жизни и здоровья общества, которые, с одной стороны, защищают интересы представителей государственных и межгосударственных структур (ФПП) и игнорируют интересы граждан, которые, в свою очередь, не выполняют элементарные санитарно-гигиенические и противопожарные нормы безопасности и др. В целом же происходит истребление и загрязнение окружающей среды. Выход из этой ситуации не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Важно, с чего начать? Первый шаг, на наш взгляд, должен быть сделан в сторону понимания онтологии человека как природного, а не над-природного существа, которая, исходя из исследований русских космистов, состоит в постижении места и роли человека в природе и способах воспроизводства его жизни.

Проблема КЭКС сформирована не только духовной составляющей, но и отсутствием новых форм хозяйствования, природопользования и форм жизнеустройства общества. Дело в том, что все три компонента должны быть объединены в единый комплекс: природа – общество – человек. И разрешение противоречия между взаимоотношением этих трех сторон и даст искомый результат, используя синергийные, ноосферные, коэволюционные и другие теории, парадигмы и стратегии. Не изменив структуру этих отношений невозможно сформировать эффективное экологическое сознание. А его отсутствие ведет человечество к точке невозврата, когда свое «последнее» слово скажет сама Природа в виде наводнений, таяния ледников, истощения невозобновляемых ресурсов и др. И тогда миф об «Атлантиде» станет явью. Природа «избавится» от человека как назойливого и неблагодарного пассажира на своем теле.

8. *Кризисное общественное сознание (КОС)*, в целом, объективно сформировала глобализация, что привело к разрыву между общественным бытием и общественным сознанием, с одной стороны, «отставанию»

общественного сознания от общественного бытия проявилось в «сопротивлении» воспринимать ценности общества потребления. С другой стороны, общественное сознание, отражая качественные изменения общественного бытия, стало, поэтому кризисным.

Сущность КОС субъективно, сформирована *глобализмом* – странами североатлантического альянса в целях достижения своих интересов и ущемления интересов России. Современная ситуация в мире, с одной стороны, чрезмерно насыщает жизнь глобализирующегося общества информацией, что, в конечном итоге, ведет к дезориентации человека, с другой стороны, как полагает К.С. Арутюнян, «в перспективе сформируются, как минимум, три новых формы общественного сознания – управленческое, информационное и техническое сознание» [14, с. 141]. Поэтому россиянам следует быть готовыми к новой реальности – информационной, которая уже о себе заявила, но все еще не нашла понимания в общественном сознании, как глобальная опасность, противостоящая в виде «правил информационного общества».

КОС, сформированное, с одной стороны, кризисом внутри российского общества и непосредственно связанное с его носителями, с другой стороны, оно навязано нам со стороны мирового сообщества, где России определена роль аутсайдера, «оси зла» и т.п. Но все-таки ядро КОС составляет феномен России как «большого общества».

Дело в том, что сегодня противоборствуют в нашем обществе две тенденции: Россия как страна, находящаяся между Западом и Востоком; Россия, разрывающаяся между модернизацией прозападного образца и глобализационными тенденциями, которые сама же задала, например, космизм, вселенская церковь и т.п.

Кризис общественного сознания, в целом, порожден противоречиями между реальными глобализационными тенденциями, в которых Россия уже давно участвует явно или неявно, и проектами, в которые втягивают нашу страну, которые нам не выгодны.

Выход из этой ситуации состоит в том, чтобы сформировать в едином пространстве общественное бытие – общественно сознание единый комплекс, состоящий из сбалансированных организационных и дезорганизационных тенденций, которые позволят выровнять для России культурно-цивилизационную ситуацию. Единственный компонент, который пока еще упускается из виду – это сама кризисная реальность, в которой мы живем и которая свидетельствует о том, что мир развивается через кризисы, которые нам не избежать и знания, о которых следует использовать во благо.

Преодоление негативных тенденций КОС, в целом, необходимо строить на основе знаний о культурно-цивилизационных особенностях развития Россия, которая развивается через кризисы и имеет свои циклы. А.С. Панарин об этом пишет следующее: «У России свои циклы истории, которые представляют то же, что и чередование западно-восточных фаз, только в отличие от цивилизаций Востока это чередование является внутренней судьбой России, продуцируясь внутри» [219, с. 55]. Но при этом у России, как полагают славянофилы и западники, особый путь и ее культура принадлежит к другому типу. Согласно И.А. Пфаненштилю, славянофилы утверждали, что на развитие России влияют «не природно-климатические условия, ни сильная личность, а только сам народ как «единственный и постоянный действующий» в истории» [231, с. 316]. По нашему мнению, философско-историческая концепция славянофилов пропитана верой в особую миссию России, которая должна явить миру образцы диалектического единства жизни – духовности и свободы. Цикличность ее развития в обретении новых форм общинной, коллективной жизни. Единство этих форм, поддерживаемое государством, достигая конкретно-исторической экономико-политической и конфессионально-национальной зрелости, готовы интегрировать с другими зрелыми и территориями в общероссийском и всемирном масштабах.

В условиях кризисов, когда один цикл сменяет другой, Россия, используя тенденции глобализации, максимально реализует интересы коллективности,

основанные на экономических, поликонфессиональных и межнациональных началах, и минимизирует потери от натиска непрестанных и навязчивых форм инновационности в сфере хозяйствования, идеологии и социального взаимодействия.

По-нашему мнению, если представить, что Россия, условно, находится на символической волне, то ее местоположение – это медленное движение к пику культурно-цивилизационного развития через внутренне озарение, как многонационального и поликонфессионального общества. В параграфе 3 главы 4 мы представляем подход к профилактике, регулированию и ликвидации последствий кризисного развития российского общества в условиях глобализации.

По мнению У. Бека, «глобализация – это или осознанный процесс, или ее нет вовсе. Ключ к ней – охватывающее весь мир осознание человечеством глобальности, как демократическое развитие, которое обычно рассматривается изолированно» [23, с. 126-127]. Анализируя мировоззрение глобализационного человека, обнаруживает «космополитическое мировоззрение», которое «позволяет ухватить социальную и политическую реальность, в которой мы живем и действуем» [24, с. 2-3]. Так, космополитическое мировоззрение означает, что в мире глобальных кризисов и угроз, порожденных развивающейся цивилизацией, все прежние разграничения между внутренней и внешней сферами, между национальным и международным уже не годятся для жизни. Кризисное сознание формируется уже не в видимом мире, выхлопных газах и токсических соединениях, а в том, что стоит за ними. Сегодня, согласно У. Беку, сознание общества риска должно быть ориентировано на понимание взаимодействия, а не противодействия природы и общества.

У отечественных философов и ученых наиболее показательным является исследование Л.Н. Гумилёва об этногенезе, где описан механизм образования кризисного сознания. Так, в работе «От Руси к России» ученый исследует жизненный цикл существования этноса: «Подъём, акматическая фаза, надлом,

инерционная фаза, фаза обскурации, и мемориальная фаза» [80, с. 20]. Эти фазы сменяют друг друга.

На первой стадии – *организационной* – сознание общества (этноса, согласно теории Л.Н. Гумилёва) собирается из отдельных элементов, уплотняется, наконец, фиксируется в устойчивых идеологических формах. Сформировавшись, сознание начинает оказывать влияние на духовную и материальную стороны жизни общества (этноса): регулирует и координирует все стороны его жизнедеятельности. Создав, таким образом, устойчивую форму, сознание, достигнув своего предела, начинает деформироваться, а вместе с ним – и механизм собственного воспроизводства. В этой точке сознание переходит из устойчивого состояния в неустойчивое состояние, становится кризисным.

В *дезорганической* фазе сознание, поддерживаемое собственным механизмом воспроизводства, некоторое время выполняет свои функции. Однако его взаимосвязь с материальной жизнью общества из устойчивого состояния, деформировавшись, утрачивает механизм различий и различения:

1) нарушается способность сознания различать собственно «себя» и «не-себя», иными словами, свою идеальную, субъективную сторону и противостоящий внешний, материальный мир;

2) нарушается способность различений всего того материала (идеального и материального свойства), который сознание воспроизводит в-себе и для-себя.

Соответственно, носители общественного сознания также испытывают кризис, который проявляется в их дезориентации в новых исторических условиях.

Рассмотрим «кризисное сознание» как понятие, образованное от понятия «сознания», в творчестве Л.Л. Штудена. Ученый, анализируя кризисное сознание, считает: «Кризис сознания также не принадлежит к числу хорошо разработанных в культурологии тем. Сам по себе кризис – явление, казалось бы, абсолютно нормальное в любых аспектах социальной практики: за кризисом

должно следовать продолжение жизни на новом этапе, в новом качестве» [346, с. 3]. По его мнению, «сознание человека имеет космическую миссию, миссию синтеза, то ментальная матрица, вероятно, должна быть:

1) разомкнутой системой, открытой в пространстве и способной неограниченно усваивать новую информацию;

2) системой, готовой к эволюции, открытой во времени;

3) системой, укорененной в первичных архетипах» [Там же, с. 27-28].

Речь идет о связи с Первичными архетипами. Ретроспективный анализ эволюции социокультурных систем показывает, что творческий потенциал сознания в борьбе с ограничениями культуры имеет тенденцию к угасанию. Для устранения антагонизма между сознанием и культурой необходимо устранить условия, в результате которых сознание вынуждено приспособляться к культуре.

В целом, можно сказать, что *кризисное сознание* – это сознание, испытывавшее качественные изменения и образовавшее, таким образом, собственную идеальную реальность, которая, в свою очередь, оказывает влияние на общественное бытие человечества в условиях глобализационного переходного периода. Оно накопило за весь общественно-исторический период собственные кризисные устойчивые формы, которые представлены сегодня следующими известными типами: *апокалипсис, эсхатология, утопия и фантазия*. Перечисленные типы общественного кризисного сознания не единственные, но часто встречающиеся в нашем обществе и за рубежом. Они обладают устойчивостью и повторяемостью, а в различные исторические эпохи имеют свои особенности.

Общественное сознание исторично и всегда соответствует духу времени и подвержено изменениям в общественном бытии. Из вышеперечисленных воззрений ученых советского периода следует, что кризисное сознание формирует и обнаруживает себя в переходные периоды развития общества – объективный аспект; кризисное сознание – это одна из форм бытия сознания

индивида – субъективный аспект. Таков типичный подход к сознанию в отечественной философии XX века.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: *сущность кризисного сознания* проявляется в том, что оно самостоятельно существующее бытие, с помощью которого фиксируются кризисные рациональные формы мыслимого объекта; *существование кризисного сознания* – это широкий комплекс эмпирической реальности – кризисных форм бытия, – подвергающейся качественным изменениям, фиксируемой в сознании в виде представлений.

Мы полагаем, что *современное кризисное общественное сознание* в контексте глобализационных, антиглобализационных и иных процессов феноменально.

С одной стороны, глобализация, оказывая свое влияние на общественное бытие и общественное сознание России, формирует особый тип социальности – материальной и идеальной.

С другой стороны, кризисное общественное бытие и кризисное общественное сознание имеют свою уникальную российскую природу.

Следовательно, кризисное общественное сознание в эпоху глобализации является индикатором беспокойства общества и требует использования знаний о нем в целях конструктивных преобразований в духовной и материальной сферах человеческой деятельности.

Затягивающийся переходный период общественных преобразований глобального масштаба все больше дестабилизирует основы общественного сознания, лишает его устойчивости, что, в свою очередь, негативно отражается на общественном бытии.

Таким образом, как философская категория *кризисное сознание* не имеет парадигмального статуса и не входит в перечень традиционных философских понятий, хотя часто цитируется в различных научных источниках. Кризисное

сознание – сознание, претерпевшее качественные изменения, что выражается в нарушении целостности сознания и его системных свойств и качеств.

С точки зрения переходных состояний общества сознание становится кризисным дважды: в начале своего формирования, или в нулевой точке активности и полного хаоса, и в точке наивысшей активности и стабильности. В переходный период общества оно выражается как эпохальное (например, глобализационное) сознание, отражающее глобализацию, приобретает качества кризисного сознания как объективного явления.

Кризисное общественное сознание имеет следующие *формы*: экономическое, политическое, правовое, религиозное, морали и ризоморфизм, духовное. *Сущность кризисного сознания* субстанциальна, это самостоятельно существующее бытие, фиксирующее кризисные рациональные формы мыслимого объекта. *Существование кризисного сознания* – широкий комплекс эмпирической реальности, кризисных форм бытия, подвергающейся качественным изменениям, фиксируемой в сознании в виде представлений, наделенных чувственными ощущениями.

§3. Типы и проблемы кризисного сознания общества

В настоящем параграфе нас интересуют две проблемы, исходя из темы диссертационного исследования:

- 1) типология КСО;
- 2) типология проблем КОС.

Типология КСО

Причина формирования КСО – *разрыв, перестройка, трансформация, установление связей* или *перемещение границ* в системе *общественное бытие – общественное сознание*. Деформация связей, в конечном итоге, приводит к КСО, выражающемуся в нарушении его структуры и функций. Однако разрыв связей в системе *общественное бытие – общественное сознание* рано или поздно заканчивается соединением связей, но на качественно новом уровне. И так до бесконечности – циклично-волновой принцип. Отметим, что основная причина общественного кризиса и его двух сторон – бытия и сознания – глобализация и глобализм.

Классификация типов КСО строится по принципам:

1) *соотношение тип – вид* (некоторые типы и виды совпадают, так как являются устойчивыми, например, экономическое кризисное общественное сознание было сформировано на заре человеческой хозяйственной деятельности и воспроизводится сегодня как присваивающая деятельность и как производящая. Некоторые типы появляются впервые – экологическое сознание, медицинское, управленческое, информационное сознание и др. и требуют интерпретации). Следует отметить, что экономическое сознание, религиозное, политическое, характерное для всех эпох общества, является устойчивым типом, видом, формой, но на каждом этапе, имеющим свои особенности. Например, экономическое сознание эпохи присваивающего хозяйства (рыболовы, бортники), производящего хозяйства (пастухи, виноделы) и хозяйства, имеющего глобальный рынок, например, производство и

распространение компьютеров, производство и офисы могут находиться во всех частях света (маркетологи, мерчендайзеры);

2) *кризисная природа:*

а) *динамическая дезорганизационная* (начинается с разрыва связей и ведет к разрушению системы) или *организационная* (начинается с установления/соединения связей и ведет к формированию системы) – *сознание тоталитарное* (фашизм, коммунизм, этнонационализм, экстремизм) или *организационная* (начинается с установления/соединения связей и ведет к формированию системы) – *глобализационное сознание* (открытое общество, международные организации);

б) *статическая* – достижение «дна», когда процесс достиг предела в своем развитии и начался процесс распада системы – *сознание утопическое, фантазийное, эсхатологическое*, характерное для социума, «застрявшего в портале времени», живущего в плену своего коллективного или индивидуального воображения (сюда можно отнести и романтиков, скитальцев, борцов, страдальцев, маргиналов и т.п.) и прохождение «пика», когда начал свой отсчет процесс становления новой системы, системы с новыми качественными характеристиками – *радостное сознание, восторженное, блаженное, счастливое*, характерное людям, живущим в преддверии перемен, ожидающих чуда, связывающих с будущим свои надежды (предприниматели, миссионеры, первооткрыватели, ученые-экспериментаторы и т.п.).

Типология проблем КОС

Предмет типологии проблем кризисного общественного сознания – это отношения *кризисное общественное сознание – природа, кризисное общественное сознание – человек, кризисное общественное сознание – общество*; характер причинно-следственных связей; движущие силы и способы их регулирования.

Классификация проблем кризисного общественного сознания основана на поиске противоречий, которые породили эти проблемы, и способах разрешения этих противоречий.

Среди проблем кризисного общественного сознания выделим три типа:

- *отношения кризисное общественное сознание – природа*, сюда можно отнести экологические проблемы, которые возникают между людьми по поводу их отношения к природе, характеризующиеся нарушением динамического равновесия: истощение (истребление) ресурсов, загрязнение природы, увеличение населения;

- *отношения кризисное общественное сознание – человек*, к ним относятся проблемы ориентирования человека в современном социоприродном и социокультурном мире и определение его места и роли в этих системах: речь идет, прежде всего, о вопросах: что есть человек? зачем человек как представитель рода человеческого? зачем он на планете Земля? зачем человек в этом мире вообще?

- *отношение кризисное общественное сознание – общество*, среди проблем отметим установление нового типа отношений: компромиссных (на основе официального договора, имеющего легитимную форму – трудоустройство) и базовых (уравновешенных) (на основе неофициального договора, имеющего форму собственных морально-нравственных регулятивов – совесть, жизнь супругов в браке по любви).

Проблемы КОС порождены противоречиями между:

- культурой и цивилизацией, например, здоровье и экология;
- глобализацией и модернизацией, например, воспроизводство полноценного общества и рост богатства;
- глобальными и локальными процессами, например, возникающие новые центры развития и силы и др.

Способ разрешения противоречий, породивших эти проблемы, заключается в поиске общих оснований и тенденций, которые формируют

тяжелое переходное состояние, перелом, завершение болезненного процесса, зафиксированного в общественном сознании. Например, проблема культурно-цивилизационного развития общества – это противоречие между соответствием/несоответствием духовного и материального начала воспроизводства общества, отраженного в сознании социума. Сегодня разрешение этого противоречия состоит в открытии общечеловеческого, планетарного, всемирного сознания, учитывающего и национально-этнические сознания локальных социумов.

В результате исследования было установлено, что вышеперечисленные формы КСО образуются, с одной стороны, в результате дифференциации сфер и видов человеческой деятельности и закрепляются за их носителями, отсюда и название – экономическое, политическое, медицинское, управленческое, иждивенческое, фантазийное и т.д. С другой стороны, формы общественного сознания становятся кризисными в результате отражения кризиса основ общественного бытия, в которое включены носители этого сознания – активный деловой социум, например, менеджеры, рабочие, инженеры и т.п.

Таким образом, *сущность КСО* субстанциальна и не нуждается в представлении через другие понятия. Оно самостоятельно существующее бытие, с помощью которого фиксируются кризисные формы мысли, абстракции, лишённые чувственных ощущений и частных мыслимого объекта. *Существование КСО* – это широкий комплекс эмпирической реальности – кризисных форм бытия, – подвергающейся качественным изменениям, фиксируемой в сознании в виде представлений, наделённых чувственными ощущениями. Кризисное сознание как динамический процесс сопровождается нарушением механизма различений. Кризисное сознание как статический процесс – это нарушенная способность различать различённое.

В результате сознание как способность различать «я» и «не-я», внешний (материальный) и внутренний (идеальный) миры человека и различать различённое – содержание этих миров – стремится к уравниванию и

обмену, координированию и стабилизации общественной жизни, становится устойчивой и повторяющейся. Выявленные проблемы КСО и способы разрешения противоречий, породившие эти проблемы, требует соответствующей типологии кризисного сознания в условиях общества переходного периода.

При изучении библиографии мы выяснили, что как таковая типология кризисного сознания общества отсутствует в отечественной и зарубежной литературе. Нас интересуют типы КСО, которые неизменно сопровождают общество на различных этапах его развития, в том числе и в эпоху глобализации. Рассмотрим понятие типология и подход к типологии общественных явлений. Е.Ф. Губский отмечает: «Типология (от греч. *typos* – отпечаток, форма, образец) – форма, которая составляет основу ряда схожих или родственных индивидов; экземпляр или образец, который лучше всего представляет вид или род» [78, с. 455]. Опираясь на научные подходы Р. Декарта [93] и Б. Спинозы [262], а также на труды В.А. Лекторского [153], М.К. Мамардашвили [175], В.С. Степина [268] и других ученых в области исследования исторических типов научной рациональности, мы формулируем типологию кризисного сознания, основу которой составляют классические и наши собственные принципы:

1) детерминизма – отыскание начала, первопричины возникновения и характера протекания кризисного общественного сознания;

2) причинно-следственных связей – рассмотрение причин возникновения кризисного общественного сознания и следствий, которые оно вызывает в структуре общественного стабилизационного сознания;

3) идентичности – открытие оснований, по которым мы можем определить кризисного общественного сознания;

4) смежности – определение области взаимодействия и взаимозависимости кризисного общественного сознания с другими видами общественного сознания;

5) диалектичности – выделение противоречивой природы кризисного общественного сознания;

б) потенциальности – обнаружение возможностей кризисного общественного сознания с целью направления его потенциала в нужное русло.

Актуальность типологии кризисного общественного сознания обусловлена настоящим исследованием, а также тем, что мы предприняли попытку вывести КОС на парадигмальный уровень. В типологии КСО мы обращаемся к закону взаимного перехода количественных и качественных изменений и рассмотрим его по следующим основаниям.

1. Как познавательная и конструктивно-творческая стороны общественного бытия КСО – это процесс и результат кризисных явлений общества и вытекающие из этого кризисные формы взаимоотношений в системе мирового целого и системах *общество-природа* и *общество-человек*.

2. КСО как производное понятие от понятия «общественное сознание» следует рассматривать в рамках понятия «сознание», о котором И. Кант в «Критике чистого разума» писал: «В основе всякой необходимости лежит трансцендентальное условие. Следовательно, должно существовать трансцендентальное основание единства сознания в синтезе многообразия всех наших представлений, значит, также трансцендентальное основание понятий объектов вообще, а, следовательно, и всех предметов опыта» [117, с. 138]. Поэтому нарушение этой «синтезирующей» способности сознания, согласно философу, ведет к кризису сознания. Используя аналогию С.Л. Франка, которую он приводит в работе «Предмет знания», можем сказать: «Сознание» – это «большой круг», «кризисное сознание» – «малый круг», находящийся в структуре первого» [308, с. 150-155]. Отсюда кризисное общественное сознание как производное от понятия сознания: а) проявляет системные свойства и подчиняется ему, б) продолжает существовать относительно самостоятельно и выполняет аналогичные функции и свойства системы, в которую оно входит. Но кризисное общественное сознание выполняет присущие только ему,

специфические функции и свойства в рамках собственной системы. Иными словами, «выходя из себя» и «возвращаясь в себя», сознание проявляет себя как кризисное общественное сознание, т.е. в динамике изменяет свое привычное состояние.

3. Как самосознание КСО – это осознание обществом своего положения в системе кризисного общественного производства, где жизненный смысл и историческая закономерность возникновения кризисного общественного самосознания заключаются в общественно необходимом самоконтролировании человека как общественного существа в условиях кризиса.

4. КСО, связанное с языком, позволяет понять природу и общество через мышление человека и обрести логику исторического процесса в условиях кризиса. Его орган – головной мозг человека, отражающий кризисные явления внешнего и внутреннего мира человека. Его носитель – конкретно-историческая личность человека, или коллективный субъект, находящаяся в условиях кризиса.

5. КСО как проявляющееся в определенных условиях общественной жизни и отдельной личности, исследуется в статике и динамике. В статике обнаруживается в момент начала или окончания кризиса, которому подвергается сознание как результат качественных изменений сознания. В динамике кризисное сознание обнаруживается как сознание, трансформирующееся или как процесс качественных изменений.

6. КСО как наделенное характеристиками человеческой, душевной, психолого-физиологической природы, проявляет соответственно экстернальные и интернальные характеристики. Поэтому оно имеет эмоциональную окраску, соответственно выражается состояниями удовольствия и страдания, подъема и упадка, победы и поражения и др. Общественное сознание человека в эпоху глобализации в его кризисном преломлении не столько противостоит миру материального бытия, сколько из него исходит, им определяется, но и оказывает на него влияние.

7. Как понятие и как явление КСО таит в себе больше вопросов, чем ответов. Оно многомерно, с трудом поддается элементарной систематизации и классификации. Оно объемлет собой множество явлений материальной и духовной жизни общества кризисного свойства в единую абстрактную форму мысли.

8. Как явление эмпирической реальности КСО отражает содержание субъективно, образуя новое человеческое существование со своим духовным миром – кризисным мироощущением, готовностью к перерождению, возрождению и обновлению для будущего.

Основные категориальные планы исследования КСО, по нашему мнению, могут быть рассмотрены с точки зрения онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии, потому что они вариативны в плане анализа кризисного общественного сознания и согласуются со всеми остальными категориями, представленными выше. Они и структурируют всякое философское знание, фиксируют ведущие типы философских проблем. С учетом содержания самого понятия КСО в данном случае трехмерно: субъективная реальность отраженного бытия (в условиях кризиса), которая включает параметры а) знания, б) ценности и в) активности. Учитывая вышеизложенное, мы предохраняем КСО от редуционистских трактовок и верификации исследуемого вопроса в смежных областях философского знания.

С точки зрения *онтологии* КСО рассматривается в контексте бытийных характеристик и его места в мире, во взаимосвязи с кризисными физическими процессами, предметным миром, происхождением, способом существования, специфическими свойствами, структурными, системными, функциональными и другими характеристиками.

С точки зрения *гносеологии* КСО, как все существующее или не существующее на языке философии, может быть выражено определенным знанием и на определенном уровне анализа. Знание о кризисном общественном сознании всегда субъективная реальность – исходная и конечная форма, результат всякого знания. Оно и возникает лишь в качестве содержательно

определенных явлений субъективной реальности отдельных индивидуумов. Конечная форма – потому, что знание (философский факт) объективировано в текстах, информационных носителях, где кризисное сознание предстает как субъективная реальность.

С точки зрения *аксиологии* КСО – необходимое онтологическое свойство субъективной реальности, обнаруживается во всяком ее явлении, интервале, мере. Можно говорить о двумерной организации ценностной структуры субъективной реальности: иерархической (пирамида, конус) и рядоположенной (плоскость, основание). Чем ближе к вершине нашей пирамиды мы находимся, тем устойчивее структурная организация ценностей. И, наоборот, чем дальше мы от вершины пирамиды, тем более динамичной предстает перед нами структурная организация ценностей. Можно говорить о «перетекании», «перестройке», «перекомпоновке» элементов ценностей в контексте кризисного мировоззрения общества переходного периода.

С точки зрения *праксиологии* КСО выражается в психосоматической причинно-следственной активности субъекта. Явления кризисной субъективной реальности представляют собой информацию, они способны программировать сложные действия и управлять ими. Кризисное общественное сознание проявляет активность при созерцании и преобразовании материальной и духовной реальности. В результате проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Так как общество оторвано от природы физической и законов истинного положения вещей в мире, то сегодня проблемы глобализации и человека находятся во власти не материального, а духовного. Следовательно, требуется сместить акценты в развитии общества с материальных акцентов на духовные.

Подмена понятий кризис как проблема, для которой следует объединиться, и кризис как проблема, которую использует меньшинство для достижения своих целей, – вот коренной идеологический и политический вопрос современности.

В политической деятельности, как правило, разрешаются самые глубокие противоречия данной эпохи, которые волнуют особенно тех, кто занимает господствующее положение, господствующий класс.

Итак, политика – это концентрированное выражение коренных интересов классов или одного класса. Следовательно, КСО – это существенный элемент борьбы классов за своё существование либо за создание условий всеобщего благоприятного и безопасного существования всех классов.

Анализируя, в свою очередь, явления общественного бытия и общественного сознания, В.С. Барулин выяснил, что при нормальном «бесперебойном процессе» законы «наружу» не выходят, не вскрывают своей объективной сущности. Но вот наступил кризис – общественная природа закона дала о себе знать [19, с. 5, 12-30]. Философ приходит к мысли о том, что кризисная природа общества и общественного сознания проявляются в кризисах и через кризисы. Следовательно, бытие и сознание общества имеют кризисную природу.

Итак, исходя из вышеизложенного, выделим следующие типы КСО:

1) по видам или сферам человеческой деятельности: кризисное политическое общественное сознание; кризисное правосознание; кризисная мораль; кризисное экономическое сознание; кризисное религиозное общественное сознание; кризисное художественное сознание и кризис искусства;

2) по субъектам (носителям): кризисное индивидуальное сознание, кризисное коллективное (организации) сознание и собственно кризисное общественное сознание, характеризующим общественное сознание как кризисное, подвергшееся качественным изменениям;

3) по отношению к социальным институтам общества: КОС семьи, государства, образования, церкви, науки, права, экономики;

4) по выполняемым общественным функциям: закрепления и воспроизводства общественных отношений; регулирования взаимоотношений

между членами общества; интегрирования взаимодействия членов социальных групп; социализации и адаптации.

Выделяется отдельная группа признаков КСО, которые оно проявляет в условиях глобализации – эпохальных общественных перемен – общества в целом (мира) и общества конкретного (Россия):

1) КСО как прогрессирующее общественное сознание содействует расширению и усложнению мировой (страновой, государственной) среды;

2) КСО как регрессирующее общественное сознание содействует сужению и упрощению мировой (страновой, государственной) среды;

3) КСО, на наш взгляд, является вторичным по отношению к кризисному общественному бытию, поэтому причины возникновения кризисного общественного сознания и характер его протекания следует искать в кризисном общественном бытии;

4) КСО свидетельствует о неотвратимости и неустранимости глобализационного развития, и вынуждают общественное сознание адаптироваться к событиям в стремительно меняющемся мире;

5) КСО, в конечном итоге, являясь индикатором беспокойства общества в условиях эпохальных перемен, также свидетельствует и о надвигающемся эпохальном открытии новых, ранее не виданных возможностях общественного сознания.

Выделим типологические черты КСО:

1) как таковое, оно не нуждается в представлении через другие понятия философии за исключением категорий «общественное бытие» и «общественное сознание»;

2) отличает общество и его институты в переходный период, пока общество не обретет стабилизационное общественное сознание – новое, обновленное;

3) проявляет динамические характеристики (проявляется в переходный период общества) и статические характеристики (проявляется в точках стабильности общества);

4) проявляется в экономической, социальной, политической, духовной сферах общества, а также свойственно образовательной, научной и другим общественным деятельности;

5) с помощью КСО выражаются:

а) актуальные аспекты развития общества – истощение природных ресурсов, терроризм и др., и

б) потенциальные аспекты развития общества – духовное обнищание, дегуманизация общества и т.п. КСО носит сочетанный тип, в котором переплетается индивидуальное и общественное, попеременно являя собой устойчивые/стабилизационные или деформированные/кризисные формы общественного сознания;

6) КСО как эпохальное (глобализационное) и как локальное выражается также в смешанных формах – эсхатологических, апокалипсических мифах и преданиях;

7) КСО как процесс попеременно проходит стадии: а) сознание, б) кризисное сознание, в) сознание¹. Последнее сохраняет базовые элементы, включает изменившиеся отдельные элементы, утрачивает безвозвратно отдельные элементы, приобретает новые.

Итак, кризисное общественное сознание предстает в двух основных типах: 1) кризисное общественное сознание первого рода, образованное в результате отражения кризисных процессов бытия; 2) кризисное общественное сознание второго рода, или кризисное общественное сознание как таковое, являющееся продуктом кризисного общественного сознания первого рода, которое и есть, собственно, искомый тип, исследуемым в настоящей работе.

К типам кризисного общественного сознания относятся сформированные в эпохальные исторические периоды в разных обществах:

1. *Мифологическое*, когда человек, преодолевая свое первородное историческое существование, выделяет себя из мира Природы.

2. *Религиозное*, когда человек, создав для себя рукотворную среду, укрепил свое духовное существование верой.

3. *Светское*, как переходное состояние от сознания религиозного к сознанию научному.

4. *Научное*, когда вера в Бога утрачивает свою силу, укрепляется и растет вера в разум человека и его могущество.

5. *Глобализационное*, которое свидетельствует о том, что наступил *кризис образа-идеала*, порожденного научным сознанием и эсхатологической растерянности общества перед техногенной катастрофой.

Представленные типы кризисного общественного сознания имеют статическую и динамическую природу:

в *статике* – это новое для своего времени сознание общества, которое необходимо было принять социуму и жить согласно его природе;

в *динамике* – это его мучительные и болезненные проявления, которые свидетельствовали о переходе от одной стадии общественного развития к другой.

Типология кризисного общественного сознания, систематизированная в философской литературе, уточняется и дополняется диссертантом через открытие его имманентных свойств и качеств.

Традиционные основания, по которым следует типизировать кризисное общественное сознание:

1) оно носит двухплановый характер трудовой деятельности: присвоение и преобразование объектов человеком в условиях кризиса, порождая кризисные условия существования и само кризисное сознание;

2) как понятие рассматривается в контексте общественного сознания, как одна из форм проявления последнего;

3) обладая ключевой характеристикой общественного сознания – различием, – обращено на «внутренние» и «внешние» аспекты человеческой деятельности;

4) неразрывно связано с языком и имеет изначально общественно-исторический и логический характер;

5) свойственно обществу и человеку;

б) как понятие и явление оно многомерно, с трудом поддается элементарной систематизации и классификации. Основные категориальные планы анализа кризисного сознания: онтология, гносеология, аксиология и прaksiология.

Типологические черты КСО:

1) на наш взгляд, более не нуждается в представлении через другие понятия философии за исключением категорий «общественное бытие» и «общественное сознание»; 2) обладает общество и его институты в переходный период; 3) проявляется во всех сферах жизнедеятельности общества; 4) с его помощью выражаются актуальные и потенциальные аспекты развития общества.

КОС в результате представлено следующими типами:

первого рода – результат отражения кризисного бытия общества;

второго рода – производное от первого и ставшее поэтому кризисным;

конкретно-историческое: первородное (архетипическое, доисторическое), мифологическое, религиозное, научное, светское, глобализационное;

статическое – вновь образованное и динамическое – переходное.

Выводы по третьей главе

Кризисное сознание – это деформированное сознание, в котором нарушена качественная целостность сознания общества, коллективного социального субъекта. Разновидности кризисного общественного сознания – экономическое кризисное сознание, религиозное кризисное сознание и т.п. Исходя из диалектико-материалистического понимания кризисное сознание, отражая кризисное общественное бытия, обретает свое существование в его

эсхатологических и других формах кризисного мировосприятия человека в условиях переходного периода общества. Ключевыми факторы, повлиявшие на формирование кризисного сознания – Первая мировая война и русская революция 1917 г. Как философская категория *кризисное сознание* не имеет парадигмального статуса и не входит в перечень традиционных философских понятий, хотя часто цитируется в различных научных источниках. Кризисное сознание – сознание, претерпевшее качественные изменения, что выражается в нарушении целостности сознания и его системных свойств и качеств. *Сущность кризисного сознания* субстанциальна, обладает собственным бытием; *существование кризисного сознания* – это широкий комплекс эмпирической реальности – кризисных форм бытия, – подвергающейся качественным изменениям, фиксируемой в сознании в виде представлений, наделенных чувственными ощущениями. Как таковая типология кризисного общественного сознания отсутствует в философской литературе, поэтому предлагается авторский подход. Классификация типов кризисного общественного сознания строится по принципам: 1) *соотношение тип – вид*; 2) *кризисная природа – динамическая и статическая*. Типология проблем кризисного общественного сознания включает: предмет типологии и его проблемы; характер причинно-следственных связей; движущие силы и способы их регулирования. Классификация проблем кризисного общественного сознания основана на поиске противоречий, которые породили эти проблемы, и способах разрешения этих противоречий.

ГЛАВА 4. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КРИЗИСНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

§1. Российское общественное сознание в аспектах современных теорий и концепций глобализации

Роль общественного сознания в жизни российского общества все больше возрастает. Во-первых, оно не только определяется общественным бытием, но и оказывает на него активное обратное воздействие, тесно связано с ним. Во-вторых, становится все более очевидным, что все изменения общественного сознания прямо или косвенно вызываются изменениями в общественном бытии. В-третьих, общественное сознание, обретая сегодня новые формы, например, медицинское сознание, управленческое сознание, информационное сознание, педагогическое сознание, тесно связано с общественными преобразованиями и дифференциацией общественного труда, что находит отражение в видах деятельности социальных субъектов, которые и становятся носителями этих форм общественного сознания. В-четвертых, сегодня активно формируются следующие его типы, претендующие на всеобщность (планетарность), например, массовое сознание, экологическое сознание, как обобщающее понятие, обозначающее сознание совокупного разнородного и разноуровневого социума. В-пятых, общественное сознание определяется как процесс активного отражательно-преобразовательного процесса социума, формирующего свое общественное бытие. Оно проявляется дважды: первый раз как рефлексия бытия, второй раз как творческое воздействие на бытие – качественное изменение базиса. Активность общественного сознания проявляется в 1) непрерывной и возрастающей интенции к развитию через обогащение новыми знаниями и в 2) оказании обратного воздействия на бытие общества. В-шестых, можно утверждать, что общественное сознание как совокупность рационально-иррационального мира человека во взаимодействии с общественным бытием, *выделило* человека из мира природы, *создало* рукотворный безопасный и комфортный мир, *завело* общество в экологию-

духовно-демографический тупик, *нуждается* в помощи и поддержке социума для *поиска* выхода из проблем, которые человек сотворил с помощью разума. Проанализируем роль общественного сознания в различные исторические эпохи в аспектах его активности и обратного качественного влияния на общественное бытие в творчестве зарубежных и отечественных философов.

Период активного наступления *капитализма* в Европе, Америке и России потребовал осмысления деятельной, преобразующей роли общественного сознания. Так, Ф. Энгельс, анализируя вопросы развития сознания рабочего класса и его значения в борьбе с господствующим классом, подчеркивал: «Самое важное – это самосознание класса и его уверенность в своих силах. Это поможет справиться со всем подлым жульничеством, которое возникает именно только вследствие недостаточной веры масс в свои собственные силы» [351, с. 27]. В.И. Ленин, исследуя сознание общества конца XIX – начала XX вв., отметил: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его... мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [163, с 194-195]..

Во второй половине XX века, в начале XXI в. вопрос о роли сознания в общественной жизни человека вновь требует осмысления в контексте *глобализационных* процессов.

Сегодня российское общественное сознание оказалось в кризисе, который порожден его *консервативностью/неизменностью* и *отставанием* от стремительно развивающегося общественного бытия, поэтому особый интерес исследователи проявляют к оценке *влияния* сознания на бытие и его *кризисной природе*. Так, Д.И. Дубровский констатирует: «В условиях информационного общества и ускорения процессов глобализации проблема сознания приобретает судьбоносное значение для земной цивилизации. Традиционные формы организации исследований в этой области устарели, мало продуктивны, не способны обеспечить нужный кумулятивный эффект. Все это нам ясно демонстрирует нынешнее состояние разработки проблемы сознания» [99, с. 6-7].

Б.А. Грушин отмечает, что «общественное сознание не только зависит от других подсистем общества в целом, в том числе относящихся к общественному бытию, но и активно воздействует на все эти подсистемы, оказывая существенное влияние на их функционирование и развитие» [75, с. 43]. Аналогичные выводы можно найти и в творчестве других отечественных философов, например, М.Я. Ковальзона, Н.И. Макешина, В.Ж. Келле, В.И. Толстых, А.К. Уледова, А.И. Ракитова и др.

В.П. Майкова, исследуя общественное сознание в современной России, приходит к выводу о том, что оно «характеризуется, в частности, новыми смыслами: переход от закрытого внутригосударственного общественного сознания к открытому мировому, от сознания созидателя к сознанию потребителя; обращение к пограничному состоянию жизни человечества, включая понятия «конечности», «смертности» [173, с. 21]. Как полагает философ, «впервые в России не оказалось обобщающей и смысловой идеи, соотносимой с «национальной идеей» или идеей служения царю, революции, Отечеству или прогрессу. Отсутствие цельности общественного бытия – такова особенность современности России, что ведет к раздробленности сознания» [Там же, с. 67].

Проанализировав положение нашей страны в условиях глобализации на мировой арене, а также актуальные проблемы российских реформ, К.Д. Джегутанов пришел к следующим выводам: «Проводившиеся в России в течение последних пятнадцати лет социальные реформы в своих наиболее существенных аспектах интегрированы в теоретическую модель глобализма и выполняют деструктивные функции по отношению к экономическим, военным, образовательным, культурным и нравственным основам российского общества» [94, с. 7]. В этой связи, на наш взгляд, уместно задать следующие вопросы: 1) какой должна быть модель развития общества (циклической, линейной, спиралевидной, революционной, эволюционной и др.)? 2) какие критерии должны быть положены в основу ее общественного прогресса (а) уровень

развития производства материальных благ или б) уровень гуманизации общества, т.е. положение в нем личности: степень ее экономической, политической и социальной свободы; уровень удовлетворения ее материальных и духовных потребностей; состояние ее психофизического здоровья и др.)?; 3) какими должны быть подходы к формированию отношений в системах «общество – природа», «человек – общество»? 4) на какой основе должна развиваться Россия – традиционной или на инновационной? и т.п.

Однако центральная проблема нашего времени – это революция в сознании. Так, например, А.И. Ракилов и Е.Д. Панов, исследуя место и роль общественного сознания в преобразованиях российского общества, полагают, что «наши преобразования наталкиваются не столько на сопротивление каких-то откровенно враждебных антирыночных сил, сколько на антирыночное поведение. А оно не может измениться без изменения сознания. Центральная проблема эпохи, проблема экономического, политического, культурного, государственного строительства, - это революция в сознании. Она уже началась. Ее симптомы улавливаются» [234, с. 36].

Сегодня осуществляется трансформация общества через развитие социального самосознания и поэтому идеология судьбы – это идеология обреченности. Здесь с необходимостью возникает вопрос: нужна ли нашему обществу «объединительная идея», основанная на преобразовании общественного бытия или же следует начать с анализа природы и содержания «кризиса сознания»?

По мнению Г.В. Осипова «основная причина системного кризиса российского общества заключается в том, что реформирование поныне опирается на псевдонаучную концепцию демонтажа экономики» [214, с. 3]. Ученый полагает, что выход нашей страны из кризиса должен идти через «Обеспечение территориальной целостности, независимости и самостоятельности Российского государства; активизация интеграционных процессов со странами-членами СНГ при уважении их суверенности и

исторического выбора и др.» [Там же, с. 8-9]. Данный проект должен учесть не только проблемы общества, но и причины, их породившие, а также рассмотреть роль сознания социума, которому предстоит не только эти проблемы осознать, но и осознать свое участие в решении этих проблем и свои коренные интересы.

Одним из таких проектов может выступить евразийство, отмечающее, что социум осознает себя по континентальному (трансконтинентальному) признаку, по своей национальной, культурной идентичности, а не только по державному, государственному и другим формализованным, внешним признакам. В российском обществе путь «сверху» - себя исчерпал, путь «снизу» - чреват *бунтами* и *расколами*. Только движение навстречу друг другу государства (власти) и народа (общества) могут дать положительные результаты.

Краткий экскурс в историю евразийства показывает, что есть объективные предпосылки к созданию проекта евразийство. Так, П.Н. Савицкий в статье «Поворот к Востоку» (1921) отмечал: «В русских простонародных массах заметно некоторое симпатическое влечение к простонародным массам Востока, и в органическом братании православного с кочевником или парием Азии Россия поистине является православно-мусульманской, православно-буддистской страной. Именно потому, что Россия есть не только «Запад», но и «Восток», не только «Европа», но и «Азия»» [364]. Его евразийство – это относительно завершённый идеологический синтез, претендовавший на ведущую идеологию России вместо диктатуры марксизма и реваншистским планам, вынашиваемым белыми реакционерами. Сегодня для России евразийство – это ядро, ризома (корневище) таких понятий, как духовность, государственность, религиозность и социально-культурное высвобождение «русского духа».

Евразийская модель – это специфическая цивилизационная общность, интегрирующая импульсы Запада и Востока, Севера и Юга и по-своему преломляющая, творчески синтезирующая их. Она должна быть направлена на

изживание раскола восточно-славянских народов и внутрироссийского раскола, быть ориентированной на всемирность и всечеловечность. Проблема состоит в том, чтобы разумно соединить лучшие черты многовекового опыта России и других восточнославянских народов, в том числе и опыта их недавнего советского прошлого, с достижениями стран Востока и современного постиндустриального общества Европы и Северной Америки. При этом следует избавиться от того, что не соответствует историческим традициям и национальным интересам народов, составляющих эту общность, и ведет к потере ими своей самоидентификации, своей осевой, центральной, смыслообразующей ценностной идеи.

Евразийский проект противоречив и содержит в себе множество полярных точек зрения. Например, А.Г. Дугин полагает, что «у современных евразийцев есть только один выход – осуществить священный альянс с теми странами и нациями Востока, которые борются за геополитическую автаркию, реставрацию традиционных ценностей против современного мира и атлантистской американской агрессии» [100, с. 45-46]. Это политика изоляционизма, а возможно, и противостояния современным позитивным мировым тенденциям. Ю.И. Скуратов, напротив, отмечает, что «евразийский проект возможен легитимным путем, то есть через установление государственно-правовых институтов в единых геополитических координатах» [256, с. 24, 35, 41].

Н.Н. Моисеев, принявший участие в работе «круглого стола», организованного журналом «Вопросы философии» на тему «Россия в условиях нестабильности», отметил, что «с реализацией евразийского проекта будет достигнута и внутренняя стабилизация, потому что он исключает всякие серьезные поползновения к расизму, фашизму и исключительному положению русского народа» [243, с. 5]. Евразийство – это и проект, и настоятельная потребность не только России, но и всего мирового сообщества, заинтересованного решать проблемы актуализации собственных

цивилизационных возможностей, достижения внутренней стабильности и противодействие экстремизму, мирным путем с помощью консенсусов и компромиссов. Евразийский проект рассматривает *хаос* в диалектическом единстве с порядком, что для многонациональной и поликонфессиональной России более приемлемо. Сравнивая и различая «Североамериканский» и «Евразийский» проекты, можно говорить о том, что они позволяют регулировать вспышки *этноцентризма* и будут содействовать решению вопросов *национально-государственной безопасности*. Главное в евразийстве – духовность, поэтому евразийство противостоит соблазнам потребительского западного общества.

А.С. Панарин, принявший участие в «круглом столе», организованном журналом Вопросы философии «Евразийство: за и против, вчера и сегодня» (1993), отметил следующее: «Россия как сверхдержава – а иную перспективу евразийское видение мира отвергает – может утвердиться, только олицетворяя альтернативный образ мира, альтернативную перспективу, прозреваемую и подтверждаемую в контексте предельно обострившихся глобальных проблем современности» [104, с. 8]. По его мнению, «Альтернативы атлантическому проекту существуют в трех формах. Первая – это *русский изоляционизм*, проект «Россия для русских». Вторая возможная альтернатива атлантизму – *панславизм...*» Третья - признание того, что «стабилизация отношений между Россией и Западом лежит через признание естественных границ между западноевропейской и евразийской цивилизационными нишами» [Там же, с. 8-11]. Как видим, евразийство – это и геополитический проект, и настоятельная потребность для реализации культурно-цивилизационных потребностей стран-участниц этого направления.

Ю.В. Яковец, опираясь на теорию циклично-генетической динамики развития общества роль России в Евразии и на мировой арене видит следующим образом: «В XXI веке, обусловленный сменой сверхдолгосрочных циклов в динамике мировых, локальных и глобальной цивилизаций затяжной и

глубокий цивилизационный кризис ставит человечество перед судьбоносным выбором, требует объединения усилий для формирования интегральной гуманистически-ноосферной мировой цивилизации на основе диалога и партнерства локальных цивилизаций пятого поколения» [357, с. 11]. По прогнозам ученого, «со второй четверти XXI века начнется переход к повышательной фазе нового цивилизационного цикла и прежде всего на пространстве Большой Евразии» [Там же, с. 56].

Обращает на себя внимание «Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 года) [372], о котором С.П. Ткачук дает следующие комментарии: «Основным содержанием дальнейшей интеграции стран пятерки будут: 1) полная реализация потенциала таможенного союза и единого экономического пространства; 2) разработка и осуществление согласованной экономической политики и др.» [278, с. 36]. Ученый выступает также с критикой продвижения этого проекта: «До сих пор в окончательной редакции не принят даже документ относительно концепции согласованной промышленной политики ЕАЭС» [279, с. 65]. Налицо временные противоречия между идеей евразийства и реальными целями и интересами его заинтересованных сторон.

Ж.Т. Тощенко отмечает неразрывную связь сознания и бытия социума в следующих аспектах: 1) «ученые и практики нередко упускают из виду, что эти процессы (экономические, политические и др. – *Р.Л.*) невозможно отделить от желаний и стремлений людей» [288, с. 3]; 2) «основным индикатором настоящего состояния общественной жизни России являются все же не сами экономические показатели, а человеческие качества и человеческое благополучие» [295, с. 53]; 3) «современный кризис – это плата за бездумное следование модели потребительского общества, заимствованной в США. Это плата за «зонтичные исследования», отказ от углубленной работы над теорией общества, которое строится в России» [286, с. 602]; 4) в России «растет воздействие общественного сознания на процессы, происходящие в стране и в

мире» [289, с. 271], а «активность сознания находит свое выражение в избирательности, в целенаправленности, в специфических его характеристиках как процесса (акты сознания, их содержание, познавательные средства, цель и др.)» [290, с. 13]; 5) «среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране, является социальное настроение» [293, с. 5], которое на уровне общественного сознания готово и способно реализоваться на практике с определенной ценностной установкой; б) в нашей стране оказывают влияние на общественное сознание «фантомы», обладающие «гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, неограниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе)» [294, с. 54].

Обобщив материалы исследования ученого, можно сделать вывод о том, что Россия – страна не только затянувшегося и болезненного кризиса, но и новых возможностей. Об этом свидетельствуют и изменения, происходящие в общественном сознании, и новые социальные классы, готовые либо пребывать в состоянии разрывающих противоречий, либо искать пути разрешения этих противоречий и отвечать на вызовы современности.

Радикальные изменения, которые произошли в российском обществе в 1990-2000-е гг., привели к закреплению новых характеристик общественного сознания. Среди них можно назвать критичность и реалистичность сознания, его самодостаточность и автономность, плюралистичность и терпимость и др., в которых общими, доминирующими основаниями является: 1) *рефлексивность* (самосознание, самосознавание социумом самого себя и условий, в которых он находится и которые он изменяет); 2) *целостность* («собираение» воедино многообразия раздробленного бытия).

Так, А.С. Ахиезер пришел к выводу о том, что «задача исследователя – формирование подхода, направляющего внимание не столько на исторически сложившиеся структуры или функции общественного организма, сколько на способности общества преодолевать энтропийные процессы, преграждать путь

дезорганизации сознания, поддерживать социальное творчество на уровне, соответствующем социальным опасностям, угрожающим его бытию» [16, с. 3]. Необходим консенсус общественных сил – ведомых сил, и сил власти (государства) – ведущих сил. Вместе, будучи уравновешенными, такие бинарные оппозиции, как власть – народ, общество – локальное сообщество, традиции – инновации могут достигать внутреннего и внешнего культурно-цивилизационного баланса.

Обращаясь к моделям США, европейских и других государств, отметим, что они не могут быть в полной мере заимствованы, потому что не отвечают на главный вопрос: что есть Россия в историко-культурном, социокультурном, социоприродном и других аспектах на *современном этапе* своего развития? Дальнейшее прогрессивное развитие России, на наш взгляд, должно учитывать необходимость: 1) наращивания инновационного потенциала, повышающего количественно и качественно рост технико-технологической мощи нашей страны; 2) регулирования демографического роста; 3) управления ростом организационной сложности; 4) повышения роли культурной составляющей (гуманитарной) по отношению к цивилизационной (технической); 5) преобладания экологического сознания в структуре общественного сознания как ведущего императива современности.

Главное, что не «судьба», не «опыт» и не «приглашенные специалисты» («варяги») выведут нашу страну из кризиса, а рефлексия кризисного общественного сознания, которым наделен социум, включенный в кризисные процессы общественного бытия, которому и предстоит найти выход из кризиса. Однако к такому выводу еще следует прийти.

Д.С. Львов, например, анализируя образ новой России, полагает, что преобразования в России должны проходить с участием человека в общественных и государственных институтах.

В.К. Левашов, исследуя в аспектах исторической ретроспективы динамику российского социального государства, отмечает, что «объективные

процессы обобществления производства и научно-технического прогресса детерминируют социализацию государства и этатизацию общества» [148, с. 32].

Р.И. Соколова отмечает, что «кризис российского государства обусловлен непониманием политической элитой подлинных его причин» [258, с. 11]. Так, глобализация как кризисное явление планетарного масштаба вскрыла несостоятельность правительств контролировать и регулировать процессы внутри своих стран. Причиной такого положения являются либо сиюминутная выгода правящей элиты, порождаемая благоприятной конъюнктурой глобализации, либо невозможность адекватно реагировать на реалии современности, исходящая из некомпетентности и беспомощности административно-управленческого государственного аппарата в условиях глобализации.

Л.А. Гусейнова, изучая глобальное и региональное начало в гармонизации социоприродных систем, предлагает «наращивать конкурентоспособность территорий» [82, с. 5]. Россия – это большое, сложное и противоречивое общество в географическом, социокультурном и историческом измерении. Поэтому и речи быть не может об одной стратегии, проекте или направлении развития. Россия – это большое, сложное и уникальное общество со своей историей, и она не встраивается ни в одну из известных моделей, парадигм культурно-цивилизационного типа.

Особого внимания заслуживает анализ места и роли России на мировой арене. В частности, Г.В. Осипов, анализируя отношения между Россией и США в первой четверти XXI в., отмечает, что «казалось бы, длившееся десятилетиями противостояние между СССР и США наконец-то уступит место сотрудничеству на стыке XX–XXI вв., когда человеческая цивилизация претерпела качественные изменения, несовместимые со старой системой управления» [216, с. 36]. Россия и США – это великие мировые державы, которые имеют много общих интересов в области научных исследований,

безопасности и др., поэтому отношения между ними имеют долгосрочную перспективу взаимовыгодного сотрудничества.

Обратимся к творчеству Зб. Бжезинского, который активно исследовал Россию, ее место и роль на мировой арене. В частности, он отмечал, что «Россия остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно затяжное нездоровье» [34, с. 60]. По его мнению, «на карту поставлена будущая глобальная роль евроатлантического сообщества в обеспечении безопасности. Включение со временем в евроатлантическую систему России в качестве нормального европейского государства среднего ранга позволило бы утвердить мировое первенство евроатлантических институтов» [35, с. 128]. В то же время он полагает, что «не исключено, что в какой-то момент мы столкнемся с коалицией, более четко направленной против США, возглавляемой Китаем в Восточной Азии и Индией и Россией в Евразии. Затем в нее может быть вовлечен и Иран» [36, с. 182]. По нашему мнению, Зб. Бжезинский целенаправленно умаляет роль России на мировой арене и всячески стремится к тому, чтобы ослабить ее влияние: «Исторически Россия как крупный международный игрок не обладала ни британской дипломатичностью, ни американской коммерческой хваткой и привлекательностью демократии, ни китайским терпением» [37, с. 212-213].

В результате вышеизложенного материала, можно сказать, что России на мировой арене – это страна, которая не вернется к прежней тоталитарной системе. В области международного сотрудничества России и США отмечено, что это не страны-антагонисты, а великие мировые самодостаточные державы, которых разъединяет атлантический океан, но объединяют общие проблемы: борьба с международным терроризмом, научное и экономическое сотрудничество, культурные связи и др. В области стратегий «ослабления» или «доминирования» ни России, ни США не достигнуть преимуществ. Об этом говорит сама история: войны во Вьетнаме, Афганистане и т.п. Оценивая

эффективность отношений Россия – мировое сообщество – нельзя ограничиваться только интересами государства, элиты, деловых кругов, а следует учитывать интересы всего общества, которое своим повседневным трудом создает блага. Такие международные экстремистские явления, как терроризм или внутривосточные явления, например, коррупция – это не только забота того или иного общества, а явления, которым следует противостоять всему мировому сообществу, потому что они имеют единую природу – кризис планетарного (глобального) сознания и бытия. Сегодня мир – это уже не «великая шахматная доска», где разыгрываются партии одной страны, а единая социокультурная и социоприродная среда, которую создает все человечество посильным участием каждого отдельного локального социума.

Предлагаем несколько проектов, которые обсуждаются в отечественной литературе по выходу России из кризиса. С. Силиверстов, исследуя глобализацию и глобальное регулирование в аспектах новейших тенденций и вызовов для российской экономической политики, отметил: «На последнем Всемирном форуме в Давосе «Новый глобальный контекст» было откровенно и четко заявлено о том, что 1) мир стал крайне хрупким, труднопрогнозируемым и крайне неопределенным; 2) максима участников форума: мир переходит от привычной кооперации «на основе ценностей» к взаимодействию на базе «комбинации интересов» [255, с. 73]. Ученый видит перспективу отношений России и США следующим образом: «Инициатива США двух партнерств – «двух колец» – не только трансатлантического, но и транстихоокеанского. Если РФ не активизирует резко и продуктивно свою восточную политику, то зажатые между «двумя кольцами», где есть свои лидеры, формирующие повестку дня, мы будем вынуждены взаимодействовать на чужих условиях» [Там же, с. 76]. С. Силиверстов полагает, что нельзя сейчас России уступать свои позиции на мировой арене и втягиваться в глобальные игры, которые, чаще всего, носят характер амбиций определенных кругов, а не выгоды для страны. Таков социокультурный контекст отношений Россия – мировое

сообщество. Из проведенного анализа видно, что начинать надо не с бытия, а с сознания общества, а точнее, с человека, являющегося носителем общественного сознания и активным участником преобразующей и созидательной деятельности. Именно такой подход должен быть сегодня, потому что в условиях затяжного кризиса нам следует начать с человека, а не с идей «революций 1905, 1917 гг.», «индустриализации и коллективизации всей страны», «европеизации России и «шоковой терапии» 1990-х гг.», «глобализационных прививок «нулевых»» и других псевдо проектов, в которых человек не цель, а средство.

Итак, выделим типические черты российского общественного сознания в аспектах вышеизложенных теорий и концепций глобализации и способы его регулирования.

1. Российский социум в своем развитии, проходя этапы стабильного и нестабильного существования, должен исходить из понимания особенностей присущей ему ментальности, но в то же время учитывать и вызовы современности, связанные с глобализацией всех сфер жизни общества. Сегодня ориентирами развития сознания российского социума могут стать, например, соблюдение безопасности, повышение значимости развития науки и техники, преследование вандализации культуры, наложение запретов на безудержный рост потребительской психологии и мировоззрения и др.

2. Кризисные процессы в структуре общественного бытия необходимо сознательно направлять в русло реформ общества при одновременном формировании/несдерживании нового по содержанию общественного сознания через его переходную форму – кризисное общественное сознание. Например, следует подвергнуть критике ценности советского периода, различая и сравнивая их с изменившимися ценностями современного периода.

3. Разбалансированные отношения общественное бытие – общественное сознание необходимо сознательно регулировать через постижение сущности их природы и выработку адекватных и эффективных мер по разрешению

возникших противоречий. Например, ускоряя распад системы распределительных отношений и основанных на них производственных отношений, укоренять систему отношений обмена и основанных на них рыночных отношений.

4. Эсхатологическую растерянность российского общества, пришедшую на смену научному оптимизму преодолевать через обращение к культурному наследию, но в свете современных требований действительности. Например, пропагандировать народное творчество, но в современной интерпретации.

5. Стремление к единому направляющему вектору развития России сочетать с пониманием особенностей регионального развития. Например, развитие регионов, организаций не ограничивать только Конституцией, законодательными актами, а, напротив, используя их как единое правовое и регулирующее пространство, вызвать к жизни множество народных, конфессиональных традиций и т.п.

6. Стратегию лидерства уравновесить сочетанием интересов «низов», «среднего класса» и «верхов» («элиты») как имманентный момент диалектики всеобщего-особенного-единичного. Например, создавать проектные площадки для представителей всех уровней и направлений деятельности социума (депутатов, предпринимателей, пенсионеров, учащихся и т.п.) в преддверии предстоящего переустройства/строительства/ликвидации инфраструктуры региона и т.п.

7. На международном уровне разрешать противоречия между подходами Запад – Восток, Россия – Европа, Россия – США и т.п. не на основе исключения одного за счет возвышения другого (например, геополитический лидер (ядро) – развивающиеся страны (периферия)), а через отыскание общего объединительного начала, которое выявляет, с одной стороны, сходство, с другой стороны, различия между системой в целом и ее элементами, в частности.

На наш взгляд, для преодоления тенденций, породивших кризисное сознание социума, современное российское общество может воспользоваться институтом *гражданского общества (ГО)*. Институт ГО, как социальная реальность в многообразии социально-экономических и социально-политических признаков, служит, с одной стороны, мерой социальной устойчивости в соответствии со структурой общественной жизни, которая складывается из социально-экономической, социально-политической, социально-идеологической, социально-психологической устойчивости. Стратегия же устойчивого развития гражданского общества на основе правового государства должна возникнуть в ходе диалектического процесса формирования современной политической культуры, в содержании и формах которой происходят динамичные изменения. Сегодня российское общество переживает следующие кризисные процессы при формировании гражданского общества: 1) преодоление квазилиберальной идеологии реформирования и переход к научно-обоснованной стратегии и политике социально интегрированного устойчивого развития; 2) последовательное инициирование процессов конституционного строительства, позволяющего создать широкую социальную базу для коэволюции правового государства и гражданского общества; 3) ревизия старой и создание новой государственно-регулируемой и национально-ориентированной кредитно-финансовой и налоговой структуры, обеспечивающих накопление и увеличение отечественных и иностранных инвестиций в экономику России и др.

Ключевым моментом в формировании гражданского общества является преодоление либеральных, капиталистических, частнособственнических и потребительских подходов по отношению к коллективистским, регулируемым, легитимным и общественно одобряемым нормам и потребностям.

Одним из продуктивных подходов разрешения противоречий кризисного российского сознания является концепция В.А. Ядова. Анализируя историю традиций и недавнее прошлое трансформации постсоветских обществ, он

пришел к выводу о том, что «наиболее адекватной является концепция (Светланы Лурье) о центральной зоне ментальности этносов как системы образов на уровне коллективного бессознательного» [356, с. 48], согласно которой именно общественное сознание выступает регулятором общественной жизни в целом.

Подводя итоги анализа российского общественного сознания в аспектах современных теорий и концепций глобализации отметим, что ни одна из них не дает исчерпывающего ответа на вопросы современности. Евразийская модель – это специфическая цивилизационная общность, интегрирующая импульсы Запада и Востока, Севера и Юга и по-своему преломляющая, творчески синтезирующая их. Она должна быть направлена на изживание раскола восточно-славянских народов и внутрироссийского раскола, быть ориентированной на всемирность и всечеловечность. Проблема состоит в том, чтобы разумно соединить лучшие черты многовекового опыта России и других восточнославянских народов, в том числе и опыта их недавнего советского прошлого, с достижениями стран Востока и современного постиндустриального общества Европы и Северной Америки. Евразийство сегодня предстает в виде неоевразийства, как признание истинности учения евразийства и открытия его потенций в новом свете.

Россия – это большое общество и основу ее развития составляет духовное основание. Россия преодолевает инерционные силы перманентного «раскола» социума на «большое» общество (масса) и «малое» (элита). Каждая социальная группа преследует свои интересы: большое общество *доверяет* реализацию своих интересов элите – правящему классу, а элита, используя свое положение, *преследует* собственные интересы в ущерб большому обществу.

Сегодня непродуктивны бинарные оппозиции Запад-Восток и др., потому что глобализация формирует мир как единство многообразного без единого вектора развития. Для России конфликт двух тенденций капитализм-социализм как формационных, культурно-цивилизационных типов обществ, продолжает

свою историю и завершится, скорее всего, в пользу социализма, но на капиталистической основе.

Во взаимодействии Россия-США в первой четверти XXI в. наметилась тенденция в пользу сотрудничества на культурной и научной основе. Геополитические интересы России на мировой арене предполагают противодействие экспансии других обществ и защиту собственных интересов. Россия переживает глобализационный кризис систем общество-природа и общество-человек, что находит отклик в разработке стратегии устойчивого и поступательного развития. Однако найти выход из кризиса российское общество сможет не за счет реформ как таковых, а только за счет познания природы и специфики кризисного сознания, которым наделен социум, вовлеченный и испытывающий на себе кризисы общественного бытия. Но теоретического познания природы кризиса не достаточно.

Общество в условиях затянувшегося кризиса не может ожидать изменений объективного, судьбоносного характера. Процесс выхода из кризиса предполагает активную работу общественного сознания. Только скрупулезное исследование кризисного сознания и его причин позволят российскому обществу найти выход из создавшейся ситуации.

§2. Экология и устойчивое развитие России: анализ кризисного общественного сознания и способов его регулирования

Российский социум – это большое общество со своей уникальной культурой и специфическим цивилизационным опытом, движущим мотивом которого является противоречие между субъективными и объективными началами. Диалектика субъективного и объективного начала в нашем обществе сформирована внутренними и внешними проблемами России.

К внутренним проблемам можно отнести «отставание» духовного начала от материального начала. Как страна, принадлежащая к славянскому миру, Россия вступила в третье тысячелетие разобщенной, обессиленной,

подверженной внутренним конфликтам и разрушительным внешним воздействиям.

После крушения СССР Россия, как его преемница, обрела как положительные характеристики – сохранившая культурно-цивилизационные основы, необходимые для поддержания и воспроизводства жизнедеятельности общества, так отрицательные, например, потеря статуса сверхдержавы. И, тем не менее, будучи обремененная своим историческим прошлым, наша страна с достоинством принимает вызовы современности субъективного и объективного характера.

Таким образом, базис общественного сознания формирует, с одной стороны, культурно-цивилизационная составляющая в ее исторической интерпретации и экстраполяции, а, с другой, - глобализационные вызовы, на которые следует смотреть диалектически. Перечислим главные факторы, оказывающие влияние на формирование общественного российского сознания.

Среди субъективных факторов отметим следующие:

- 1) рост национального самосознания как ответная реакция на глобализационные унифицирующие ценности;
- 2) процессы вестернизации и американизации, деформирующие целостность российского общественного сознания, в целом;
- 3) девальвация традиционных духовных российских ценностей в условиях общества потребления;
- 4) глобалистские проекты, насаждающие прозападный образ жизни;
- 5) отсутствие научно обоснованной стратегии и тактики социально ориентированного устойчивого развития России;
- 6) неразвитость институтов правового государства и гражданского общества;
- 7) некомпетентность и пассивность населения в области права и налоговой политики государства на местах;

8) несформированность реальных действенных органов народовластия, что препятствует консолидации нашего общества;

9) не вовлеченность населения в реальные процессы обустройства социально-природной среды обитания;

10) отстраненность общества от реальных процессов строительства правового государства.

Объективные факторы:

1) переход России на рыночные отношения и перевод экономики на мировые стандарты, что требует от населения соответствующего мировоззрения и перестройки сознания;

2) экстенсивный (количественный) рост экономики в ущерб интенсивному (качественному) росту;

3) коммерциализация медицины, образования, социальной сферы в целом, что не позволяет большинству населения получать высококвалифицированные услуги специалистов;

4) инертность/консервативность сознания российского социума, что является объективным (нематериальным, но устойчиво повторяющимся) феноменом;

5) географические и культурно-исторические факторы, влияющие на реальные процессы воспроизводства российского социума;

6) интеграционные процессы, сформировавшие социально-экономическую, политическую и духовную основу регионального и трансрегионального сотрудничества;

7) кризисные процессы затяжного характера, к которым Россия оказалась не готова, и которые традиционно готова пережить и перетерпеть;

8) стереотипное внешнее восприятие России как пассивного и нецивилизованного общества;

9) отстраненность российского социума от системы проектной детерминации своего будущего, которое требует повышения научно-

образовательной, государственно-правовой и технико-технологической составляющей, а также собственной активности;

10) несформированная или не модернизированная социально-экономическая инфраструктура России, что препятствует нормальному и поступательному развитию ее производительных сил и производственных отношений.

Необходимо учесть вышеперечисленные факторы и сделать акцент на том, что доминантой формирования общественного сознания должно выступить экологическое сознание и его предпосылки, как объединительный мировоззренческий и методологический проект, формирующий адекватное и эффективное общественное российское сознание.

Поиском истины в отношениях «природа – общество», «культура – цивилизация», «субъективное – объективное», «общественное бытие – общественное сознание» занимались многие философы в разное время.

Так, Н.Ф. Федоров пишет о «патрофикации» [304, с. 483], что нашло отражение в медицине – технологии ксенотрансплантация (от греч. ξένος – «чужой» и трансплантация – «перенос»).

К.Э. Циолковский усматривает во всем земном космическое первоначало, поэтому «жизнь вечна, непрерывна и вездесуща» [322, с. 88]. Согласно К.Э. Циолковскому, главный кризис – это разрыв между опытом, приобретенным человеком за историю своего существования на Земле, и теми ресурсами Солнца, солнечной энергии, которыми человек так и не смог воспользоваться в полной мере. Он писал: «Энергии сколько угодно! Вопрос только в том, как воспользоваться этой неистощимой энергией» [Там же, с. 92]. К.Э. Циолковский отмечает, что «нет начала и конца вселенной, нет начала и конца также жизни и ее блаженству» [323, с. 44]. Мир существовал и будет существовать всегда. С оптимизмом К.Э. Циолковский смотрит в будущее: «Но наступят времена высшего знания, когда новые виды растений и животных будут получать также легко, как печь блины» [Там же, с. 180-181].

В.И. Вернадский, развивая учение К.Э. Циолковского, приходит к открытию «ноосферы» [57, с. 20], «в ней впервые человек может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше» [Там же, с. 241].

П.А. Флоренский рассматривает вопрос о «соотношении Человека и его Среды» [307, с. 185], отсюда проблема отношений «человека в мире» и «мира в человеке». Путь разрешения этого противоречия – в познании законов взаимодействия «мира-и-человека».

Среди наших современников выделим учение Н.Н. Моисеева об универсальном эволюционизме, о котором он пишет следующее: «Глобальный эволюционный процесс развития Суперсистемы (природы – *Р.Л.*)» [194, с. 14]. Развивая учение В.И. Вернадского о ноосфере, пришедшей на смену учению о биосфере, Н.Н. Моисеев вводит понятие «рациональное общество – общество, идущее к ноосфере, т.е. к состоянию, которое необходимо человечеству для того, чтобы избежать деградации и сохранить возможность для дальнейшего развития. Это желаемое общество ближайших десятилетий должно обладать следующими свойствами:

1) быть способным обеспечить возможность проявления интеллектуальных способностей отдельных личностей;

2) быть способным обеспечить высокий уровень социальной защищенности человека;

3) быть способным выполнить условия экологического императива. Это значит, что развитие производительных сил не должно нарушать «запретной черты». Возникает необходимость целенаправленного вмешательства в производственную деятельность общепланетарного масштаба при одновременном существовании общепланетарного рынка» [Там же, с. 24-25].

По его мнению, «главная трудность общества на границе тысячелетий – реализация нравственного императива – умение преодолевать противоречия международные, межнациональные, религиозные, умение находить разумные

компромиссы, когда каждому выгодно поступиться частью собственных интересов во имя общества в целом» [Там же, с. 26]. Принципы универсального эволюционизма требуют радикального пересмотра существующих видов общественной деятельности на основе модели устойчивого развития.

В.И. Куйбарь, исследуя отношения природа – общество, вводит понятие «эколого-информационное общество» [139, с. 38]. В условиях глобализации возможно появление новой программы эволюции эколого-общественных отношений.

Глобализация, таким образом, не только породила проблемы, но предоставила возможность человечеству выбирать путь своего развития, либо через наращивание технической мощи, либо открывать новые смыслы и ценности человеческого бытия и на этой основе строить материальный базис своего существования на соответствующей хозяйственной основе, о которой Л.А. Тутов пишет следующее: «Хозяйство рассматривается в ноосферном контексте как сфера творческой деятельности человека, связанная с сохранением жизни и ее совершенствованием» [298, с. 7], а «в сфере хозяйства сознание — это ноосферное сознание, так как направлено на жизнестроительство» [Там же, с. 214]. Так всей своей историей человечество установило замкнутый круг природа – общество, который требует соответствующих механизмов управления и регулирования.

М.О. Орлов, исследуя глобализацию в аспектах социальной динамики как диалектический процесс, отмечает, что «глобализация будет всегда оставаться продуктом общественного сознания и социокультурных инноваций, осуществляющим свою экспансию на территории жизненного пространства локальных общностей или реальных личностей. Но только при наличии развитых форм рефлексии о социальной динамике глобальных процессов эта экспансия может принимать управляемый, со стороны самой личности, характер» [209, с. 15]. В современной науке и культуре концепция глобального эволюционизма обретает статус подлинно научной методологической

стратегии познания природы и социокультурных явлений, поскольку она не ограничивается только описанием и классификацией развивающихся объектов, а органично соединяет требования эволюционной интерпретации систем самой различной природы с принципом их системного анализа.

В результате процесс развития понимается как динамика самоорганизующихся систем разной степени сложности, в которой происходят направленные во времени изменения от одного типа организации к другому.

Глобальный эволюционизм становится реально действующей методологической программой современного научного познания, ибо позволяет рассматривать в органической взаимосвязи и обусловленности явления неорганической и органической природы с реальным учетом влияющих на их функционирование и развитие социоантропогенных факторов.

В.М. Котляр, анализируя проблемы управления в системе «общество – природа», приходит к выводу о том, что сегодня «человеку необходимо согласовать собственную жизнедеятельность с динамической организацией своей природной среды. В основе этой задачи лежит проблема необходимости самоуправления общества по экологическому параметру» [134, с. 3-4]. Но здесь возникает другая проблема – установление баланса между объективным началом (экология) и субъективным началом (сознание), которая разрешается посредством оптимизации социального (минимизации антропогенного воздействия на биосферу) и природного (максимизация адаптивности управления природными процессами) в жизнедеятельности человека» [Там же, с. 4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существует настоятельная необходимость установления баланса (равновесия) во взаимоотношениях в системах *природа – общество* и *общество – человек* на основе баланса *субъективных* и *объективных* факторов, формирующих общественное сознание российского социума.

Н.В. Попкова, в работе «Философская этика», анализируя вопросы

взаимоотношений общество – природа, полагает, что «экология – наука, занимающаяся изучением взаимоотношения организмов и их сообществ между собой и со средой их обитания» [228, с. 7], а «общая цель экологических исследований – обеспечение экологической безопасности, под которой подразумевается «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства, а также окружающей природной среды от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на нее» [Там же, с. 8]. История исследования экологического кризиса и поиска путей выхода из него восходит к 1972 г., когда впервые в Стокгольме была проведена Первая международная конференция по оценке состояния окружающей среды. С того момента начинают проводиться многочисленные исследования социально-экологической проблематики и формируются проекты по природоохранной и природопользовательской деятельности. Однако основные тенденции – рост населения и эскалация антропогенного воздействия на природу – являются ведущими среди других проблем современности.

Н.В. Попкова, изучив экологическую проблематику современного общества, пришла к выводу о том, на сегодняшний день существуют следующие подходы для решения противоречий в системе *природа-общество*:

«научно-технический прогресс – это и причина экологического кризиса, и выход из него с помощью высоких технологий, низкоресурсных и низкоемких, позволяющих и удовлетворять человеческие потребности, и сохранять природу;

создание искусственных биосфер;

концепция устойчивого развития, коэволюции;

проект изменения человеческого сознания через переориентацию с техногенной ориентации на гуманитарную, с «монологической» на «диалогическую», с антропоцентрической на экоцентрическую и др.» [Там же, с. 13].

Таким образом, возникает противоречие между технико-технологическим и гуманитарным направлениями развития общества, которые должны быть

сведены к формированию экологически ориентированного общественного сознания, предполагающего следующие меры: 1) разработка и применение ресурсосберегающих технологий; 2) соблюдение природоохранных мер, включая эффективную систему очистки вредного производства; 3) формирование системы ценностей, направленных на качественное изменение общественного сознания российского социума во имя формирования новой экологической культуры, основанной на принципах: «не навреди» и «разумное природопользование»; 4) повышение научной и духовной составляющей в вопросах формирования экологического сознания через выявление законов природы и построение на этой основе системы общество – природа.

Для регулирования отношений в системах природа - общество и общество – человек, могут быть актуальными два проекта: 1) построение системы общество – природа на основе *экстраполяции* исторического прошлого, но в новом свете; 2) формирование новой системы взаимоотношений общество – природа, на принципах *интерпретации* эволюционных процессов природы, общества, человеческого сознания.

В результате исследования проблем социальной экологии, Н.В. Попкова приходит к выводу о том, что «основная задача социальной экологии - изучение механизмов воздействия человека на окружающую среду и тех преобразований в ней, которые выступают результатом человеческой деятельности. Она стремится дать глобальный прогноз дальнейшего развития в условиях интенсивного промышленного роста, изучать состояние отдельных экосистем на уровне регионов и районов» [Там же, с. 20]. По ее мнению, «формирование экологического сознания подразумевает такую перестройку взглядов и представлений человека, когда усвоенные экологические нормы становятся одновременно нормами его поведения по отношению к природе» [Там же, с. 240-241].

Так можно признать существование экологического сознания как части (элемента) общественного сознания. Укоренение в обществе экологического

сознания предполагает понимание и принятие проблем взаимодействия человека и общества, общества и природы, т.е. формирование экологического мировоззрения общества. Экологическое сознание – это новое слово в формировании общественного сознания, которое нуждается в новых ориентирах, отвечая на вызовы современности в условиях глобализации.

А.А. Сычев исследует вопросы экологической этики, под которой понимает «академическую дисциплину, изучающую принципы и ценности, которые регулируют отношения человека и природы» [273, с. 11]. Здесь мы подходим к такому аспекту общественного сознания российского социума как «устойчивость» в его теоретико-методологическом и практическом понимании.

По мнению В.В. Мантатова и Л.В. Мантатовой, необходима синергетическая связь ценностных оснований и устойчивого современного цивилизационного развития. Л.В. Мантатова пишет о «формировании планетарного ценностного сознания, новой стратегии мирового развития» [180, с. 4] в аспектах «информационного общества» [179, с. 3]. По ее мнению, «культура вырабатывает и воспроизводит духовные начала жизнедеятельности, а цивилизация создает механизмы овеществления духа, средства развертывания ценностно-смыслового кода культуры» [178, с. 11]. Экологическая этика – это перспективное направление развития российского общества, и она должна быть дополнена очень важным мировоззренческо-методологическим компонентом – толерантностью, потому что Россия – это сложное общество.

В.В. Мантатов полагает, что концепция устойчивого развития может быть реализована, как «Человеческая Стратегия Жизни – это путь преодоления потребительского эгоизма человека и развития космического сознания» [177, с. 4]. Для этого он демонстрирует «Этико-экологическую парадигму как альтернативу ныне господствующей технократической модели развития общества» [57, с. 5]. В.В. Мантатов считает, что «согласно этико-экологической концепции ноосферы, основную цель устойчивого развития общества можно реализовать через «гармонизацию общественных отношений и отношений

между человеком и природой» [Там же, с. 6-7].

Положения, изложенные в трудах В.В. Мантатова и Л.В. Мантатовой, раскрывают «Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утвержденную указом Президента России 1 апреля 1996 года N 440, в которой сказано: «Движение человечества к устойчивому развитию, в конечном счете, приведет к формированию предсказанной В.И. Вернадским сферы разума (ноосферы), когда мерилom национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания Человечества, живущего в гармонии с окружающей средой». Иными словами, устойчивое развитие должно быть осознано и понято как нравственно-историческая задача, как необходимость перехода от материальной цивилизации (потребительского общества) к экологической цивилизации (ноосферному обществу).

В социоприродном контексте предлагаются следующие решения. Например, В. Андрианов, анализируя «Стратегию устойчивого развития экономики России до 2030 г.» (далее Стратегии 2030), так оценивает ее потенциал: «Суть концепции устойчивого развития заключается в том, что рост экономики на страновом и глобальном уровне должен вписываться в пределы ресурсных и экологических возможностей планеты» [6, с. 5]. По его мнению, «устойчивость экономической системы можно определить как ее способность сохранять постоянство в условиях изменяющейся внешней и внутренней среды, а также спонтанных, случайных или преднамеренных трансформаций» [Там же, с. 6]. В качестве основных компонентов Стратегии 2030 он называет следующие: 1) создание социально ориентированного государства с устойчивой, динамичной инновационной экономикой; 2) ликвидация бедности, создание среднего класса и удвоение реальных доходов населения, значительное повышение качества жизни; 3) формирование институциональной основы модернизации и инновационного развития социально ориентированного рыночного хозяйства и др.» [Там же, с. 7-8]. Но самое главное в Стратегии 2030 то, что «любой кризис нужно рассматривать не как

аномальное, а как вполне закономерное явление в динамике развития экономической системы. Объективные противоречия, которые имманентны любой экономической системе, на определенном этапе достигают критической точки, выливаясь в циклический, структурный, финансовый, биржевой или иной кризис» [Там же], который выявляет и слабые, и сильные стороны экономики общества, а также «обостряющиеся в условиях кризиса противоречия отражают момент фазового перехода системы из одного состояния в другое» [Там же, с. 8]. В условиях безудержного роста все возрастающих потребностей общества и наращивания технико-технологического экономического потенциала постиндустриального человека следует радикально изменить парадигмальные установки на воспроизводство общества в аспектах *общество-человек* и *общество-природа*. Российский социум как хозяйствующий субъект должен сформировать экологическое сознание человека не как потребителя природных ресурсов, а ответственного хозяина, встроенного в природу, пользующегося ее благами.

Сегодня все чаще и на самых различных уровнях в среде ученых, политиков, государственных и деловых кругов все чаще говорят об *устойчивом* и *поступательном развитии*. В России впервые этот путь обсуждали на парламентских слушаниях в Верховном Совете РФ 6 июля 1993 г. За это время были разработаны несколько программ, проведены научные конференции. Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. была утверждена концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, ориентированная в основном на внедрение экологического фактора в развитие экономики и социальной сферы страны. Однако Н.Н. Моисеев термин «устойчивое развитие» считает неудачным, особенно в переводе на русский язык: «Там, где есть развитие, не может быть устойчивости, стабильности, ибо объект постоянно изменяется» [193, с. 56; 195, с. 34; 197, с. 112]. Теория и практика управления, регулирования общественными процессами не может быть сведена только к административно-правовым, экономическим,

технологическим и т.п. проектам. Здесь важно устойчивое и сбалансированное отношение компонентов общество – человек и общество – природа, а также соответствующий им тип сознания и способ его формирования.

Россия как великая мировая держава с богатейшим историческим прошлым, населенная многочисленными и суверенными народами вольно или невольно, с одной стороны, включена в глобальные процессы по формированию единого планетарного сознания и не свободная от него.

С другой стороны, она ответственна за формирование единой духовной сферы существования своего социума, подвергшегося воздействию глобализационным процессам. Следовательно, ведущее противоречие современности российского общества сформировано двумя тенденциями: глобальными проблемами всего человечества и, соответственно, ответами на вызовы современности или решение глобальных проблем.

Одним из ответов на эти вызовы является формирование *единого планетарного сознания*. Назовем существенные черты ЕПС, но в аспектах его преломления в российском общественном современном сознании: сочетание общечеловеческих ценностей с ценностями российского многонационального и поликонфессионального общества; взаимная коррекция, преломление общечеловеческого и национального общественного сознания в индивидуальном сознании; уравнивание, балансировка ЕПС в аспектах научного общественного сознания и обыденного общественного сознания.

Таким образом, чтобы преодолеть негативные тенденции в массовом сознании не только российского общества, но всего человечества, следует заменить «альтернативный» («или – или») подход «базовым» (уравновешенным) («и – и») подходом.

На практике это означает преодоление односторонности статического метафизического способа существования духовного и материального мира человека его противоположностью – сложным динамическим диалектическим мировосприятием и созиданием.

Сегодня становление ЕПС имеет устойчивую тенденцию, хотя она встречает активное сопротивление консервативных общественных национально-государственных и социально-экономических институтов. Так, на состоявшемся 26 сентября 2009 г. в Питтсбурге саммите «двадцатки» было принято Рамочное соглашение, определяющее «политику и совместные меры, направленные на обеспечение уверенного, устойчивого и сбалансированного роста» [Там же].

На встрече G20, которая состоялась в Лос-Кабосе 18-19 июня 2012 г., в «Итоговой декларации» было отмечено в пункте 69 «Обеспечение долгосрочного процветания через всеобъемлющий «зеленый» рост следующее: «Мы признаем важность поиска путей, позволяющих экономическому росту, мерам по защите окружающей среды и социальной интеграции дополнять и укреплять друг друга. Всеобъемлющий «зеленый» рост не должен использоваться для введения не являющихся необходимыми барьеров на пути торговли и инвестиций» [366]. Экономическая составляющая этих встреч преобладает, однако радует другое. В планах G20 в «Итоговой декларации» в пункте 63 «Решение проблем в области развития» речь идет о «согласованных на международном уровне целях тысячелетия» [Там же].

Это всего лишь фрагмент той картины мира, в которой отражаются глобализационные процессы, имеющие устойчивую тенденцию к интеграции планетарных процессов, которые встречают сопротивление со стороны развивающихся стран, не желающих зависимости от более влиятельных стран, например, Западной Европы и США.

Диалектика понимания *устойчивости* неразрывно связана с пониманием *изменчивости*. Поэтому в аспектах развития устойчивость и изменчивость – это две стороны процесса развития – перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему.

В целом, можно сказать, что устойчивое развитие – это последовательное

и регулируемое состояние системы взаимодействия общество – природа. Но в любом случае именно сознание человека является предметом экологической этики, которое предстоит изменить, тогда изменится и сам человек и его социально-экологическое бытие.

А.П. Назаретян, исследуя вопросы устойчивого развития, установил зависимость между двумя переменными – силой и мудростью: чем мощнее технологии, тем более качественные средства сдерживания необходимы для сохранения социальной системы. Он пишет: «Суть проблемы в том, что общество живет стабильно, пока разрушительный потенциал производственных и боевых технологий уравновешен качеством культурно-психологических средств сдерживания» [202, с. 60]. Следовательно, материальная составляющая общественного развития должна быть уравновешена ее противоположностью – духовной компонентой. В этом и состоит социально-философская диалектика воспроизводства социума, в которой сочетается устойчивость и изменчивость, регулируемые общественным сознанием.

Проанализируем некоторые положения документов международного уровня. В «Декларации тысячелетия ООН», принятой резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеей от 8 сентября 2000 г. в разделе I. Ценности и принципы (пункт 5) сказано: «Мы считаем, что главной задачей, стоящей перед нами сегодня, является обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира» [375].

Положения «Декларации тысячелетия ООН» дополняет «Декларация Земли» (Хартия Земли), в Преамбуле которой, от 14 марта 2000 г. сказано следующее: «Чтобы развиваться далее, мы должны осознать, что при огромном разнообразии культур и форм жизни, мы являемся одной семьёй и единым мировым сообществом с общей судьбой. Мы должны объединиться и создать устойчивое глобальное общество, основанное на уважении к природе, правам человека, экономической справедливости и культуре мира» [367].

Положения обеих Деклараций раскрывает «Йоханнесбургская декларация

по устойчивому развитию, принятая на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа – 4 сентября 2002 года) «От наших истоков к будущему». В пункте 5 сказано: «Мы берем на себя коллективную ответственность за усиление и упрочение взаимосвязанных и подпирающих друг друга основ устойчивого развития» [375].

Отметим общие положения из этих основополагающих документов международного уровня.

Во-первых, признается «глобализация как позитивный фактор для всех народов мира», негативные последствия которой, в виде «рыночного хозяйствования» «обуздываются» путем построения «социального государства».

Во-вторых, «устойчивое и мирное глобальное общество в XXI веке» усугубляется «взаимозависимостью» и «хрупкостью», и чтобы решить все проблемы, следует стать «одной семьёй и единым мировым сообществом с общей судьбой».

В-третьих, необходимо для решения проблем, созданных глобализацией, «объединиться и создать устойчивое глобальное общество, основанное на уважении к природе, правам человека, экономической справедливости и культуре мира».

В-четвертых, современному человечеству необходимо взять на себя «коллективную ответственность за усиление и упрочение взаимосвязанных и подпирающих друг друга основ устойчивого развития – экономического развития, социального развития и охраны окружающей среды – на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях».

Выводы из анализа этих документов можно сделать следующие:

1) глобализация – явление объективное, явление планетарного масштаба, в котором участвует все человечество, а потому это рукотворный процесс и он требует управления и регулирования на уровнях общество – природа и

общество – человек;

2) глобализация в смысле глобализм – явление субъективное, которое создается определенными социальными группами и преследует свои конкретные интересы в ущерб интересам всего общества;

3) в целях уравнивания, балансировки, гармонизации отношений в системах общество – природа и общество – человек в России следует сформировать общественное сознание, учитывающее планетарные, национальные, региональные, локальные и личные интересы социума.

Таким образом, разрешение противоречия между глобализационными процессами и процессами, происходящими в России, следует исходить из такого соотношения субъективных и объективных факторов, которые, в конечном итоге, обеспечат понимание приоритета духовного над материальным, потому что сегодня только человек, обладающий сознанием ноосферного типа и ориентированный на бережное отношение к природе и толерантное отношение к людям, имеет право на существование.

В результате проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Кризис общественного сознания сформирован кризисом общественного бытия современного общества, в результате глобализационного воздействия и само оно претерпело собственные эволюционные изменения. Для России как многоконфессионального и многонационального общества решения не могут быть простыми, однонаправленными, но обязательно исходящими из единого «ядра», «идеи», «ризомы» (корневища).

Центром притяжения всех сил являются формально – Концепция устойчивого развития; неформально – Этические императивы глобального – национального – локального социума.

Приоритет духовного над материальным – необходимое условие глобального человечества, переходящего от цивилизации материальной к цивилизации духовной.

Возникает вопрос, каким образом формировать мировоззрение общества в аспектах экологического сознания и устойчивого развития?

А.С. Ахиезер полагает, что «Россия остро нуждается в философии – ищущей синтез на всех уровнях, что является необходимой предпосылкой самоидентификации общества, нахождения выхода из расколотого состояния» [15, с. 19]. Поиск оснований самоидентификации, преодоление раздробленности бытия и сознания общества, как полагает ученый – это философская рефлексия.

Н.В. Наливайко, С.А. Ан и Е.В. Ушакова, анализируя формирование философского мировоззрения подрастающего поколения, полагают, что «одной из актуальных проблем современного образования является формирование целостного мировоззрения человека и общества как основы для определения стратегических целей индивидуальных и социальных субъектов в балансе с окружающим миром» [205, с. 102]. По их мнению, «в целом школьное обучение в зависимости от принятых социокультурных стереотипов и целей может иметь разные векторы взросления человека: эгоцентрично-индивидуальный (парциальный) или социализирующий (холистический). Первый вектор преобладает в западной образовательной культуре, а второй – в российской» [Там же, с. 108]. В самом деле, холистический подход в образовании формирует целостное мировосприятие учащихся, которое позволяет им наиболее эффективно адаптироваться в социокультурной среде. Поэтому необходимо формирование целостного мировоззрения учащихся – будущих поколений россиян, в том числе через экологическое сознание и воспитание учащихся в духе устойчивого развития.

Под экологическим сознанием (ЭС), чаще всего, понимают форму общественного сознания, находящуюся в стадии формирования, включающую в себя совокупность идей, теорий, отражающих экологическую сторону взаимодействия общества и природы, а также регулятивные принципы и нормы поведения человека в системе общество-природа. Под устойчивым развитием

(УР) понимают развитие человечества, при котором удовлетворение потребностей ныне живущих поколений осуществляется без ущерба для будущих поколений достигаемое путем управляемого сбалансированного развития общества, не разрушающего своей природной основы. В обоих случаях ЭС и УР должны обеспечивать непрерывный научно-технический прогресс культурно-цивилизационных основ общества, повышение качества и безопасности жизни. При этом эксплуатация природных ресурсов должна регулироваться в аспектах техно-гуманитарного баланса.

Совокупным критерием оценки эффективности формирования ЭС и УР выступает воспроизводство природы, общества и человека в неразрывной целостности и диалектической противоречивости духовно и материального начала. К признакам ЭС и УР на современном этапе относятся: глобальность, критическая рефлексия современных культурно-цивилизационных основ общества, опора на науку и возвышение в ней ценностей природы, жизни, человека, а также доминирование общих интересов над частными.

В результате проведенного исследования условий и предпосылок становления экологии и устойчивого развития России в аспектах кризисного общественного сознания и способах его регулирования, мы пришли к следующим выводам.

Для разрешения противоречий, вызвавших деформацию общественного сознания, возможны следующие перспективные направления исследования и регулирования социальных процессов в России: 1) рост национального самосознания; 2) интенсификация отношений Россия – Европа (США, Украина, СНГ и др.); 3) ноосферное сознание, устойчивое развитие, коэволюция, универсальный (глобальный) эволюционизм, «эколого-информационное общество», синергетический подход, социальная экология, экологическое сознание, экологическая этика, философия *устойчивости* и *изменчивости*, баланс между силой и мудростью, консолидация человечества вокруг глобальных проблем.

Российскому обществу следует думать не о переходе от капитализма к коммунизму (социализму) или наоборот, так как это лишь инварианты одной и той же (материальной) цивилизации, а о том, чтобы духовные ценности (общечеловеческие) доминировали над материальными на основе повышения экономических показателей, обеспеченных научно-техническим ростом, но возвышающих ценности бережного отношения к природе и установление культурного диалога внутрirosсийского и международного.

§3. Будущее российского общества в условиях глобализации и кризисного общественного сознания

Общественное бытие и общественное сознание – это два основополагающих компонента любого общества, которые взаимосвязаны и взаимозависимы, находятся в постоянном развитии. Сегодня общество подошло к точке бифуркации, за которой движение не может пойти уже по известному пути. Прежние методы исчерпали себя в социально-экономических и ценностно-антропологических измерениях. Новые парадигмы должны быть построены по принципу неразрывности бытия-сознания.

Разрыв во взаимосвязи (отставание – забегание вперед) бытия от сознания или сознания от бытия общества в одних случаях губительны, в других случаях (кризисных) необходимы.

Современные проекты *модернизации* России, а также ее реформирование по типу включения в *глобалистские* проекты уже сегодня терпят фиаско. Дело в том, что *экстраполяция* положительного опыта других стран, равно как и *материализация* собственных идеи, не подкрепленных знаниями законов развития общественного сознания российского социума, дают отрицательный эффект.

Рассмотрим некоторые идеи, теории, воззрения отечественных и зарубежных философов, которые предлагают реформировать мир, в целом, или российское общество.

Г.И. Рузавин, исследуя многообразие процессов самоорганизации и организации в развитии общества, отмечает, что «глубокие и радикальные изменения, происходящие во всех сферах социально-экономической и культурной жизни современного общества, не укладываются в традиционные схемы объяснения и понимания социальных систем. Поэтому возникает необходимость в поиске новой парадигмы, не о простом перенесении закономерностей других систем на социальное, а об особом характере их проявления в таких сложноорганизованных системах, как общественные» [245, с. 63]. По его мнению, «принципиальное отличие социальных систем от природных состоит, прежде всего, в том, что в них самоорганизация дополняется организацией» [Там же, с. 63].

Согласно Л.П. Киященко, «формирование категориальной матрицы, ее философских оснований предполагает освоение поведения сложных, саморазвивающихся систем и объекта со средствами познания, системой ценностных ориентиров, доминирующих в культуре» [128, с. 138]. Таким образом, чтобы приблизиться к пониманию развития России в аспектах диалектики системы общественного сознания – общественное бытие, следует применить помимо метода материалистической диалектики еще и принципы синергетики, учитывая сложность происходящих социальных процессов и непредсказуемость вектора развития общества.

В контексте исследования темы данного параграфа обращает на себя внимание холистический подход К. Уилбера, о котором он сам пишет так: «Реальность состоит не из вещей или процессов, не из целого и его частей, а из целого/частей, или холонов, как при увеличении масштаба наблюдения, так и при уменьшении. Все холоны обладают определенными качествами, которые поддерживают его свойства целостности и частичности. На их основе создается Космос [299, с. 48-64]. По мнению К. Уилбера, «именно через понимание развития и появление глобального сознания, мы можем в действительности начать мыслить в соответствии с «новой парадигмой» [Там же, с. 233]. Такое

глобальное понимание мира дает простор для исследования сущности субъективного, объективного и космического в единстве всесекторной и всеуровневой методологии с опорой на знания об особенностях кризисного сознания, которое активно влияет – содействует, препятствует, уводит в сторону – на развитие общества.

Забота правительства национального, регионального и местного уровней о том, чтобы не было «утечки мозгов» – ключ к развитию России с помощью собственных научных, педагогических, медицинских, инженерных и других кадров. К этому следует добавить, что, не осмыслив критически специфику и содержание кризисного сознания, все начинания будут сведены к нулю или еще больше усугубят нынешнее положение дел в стране и ее положение в мире.

Проанализируем труды российских философов в отношении будущего российского общества в аспектах глобализации и кризисного общественного сознания. Обратимся к одной из ведущих тем социальной философии – *модернизации*, как структурному элементу общественного бытия.

М.К. Горшков, в результате анализа общественного неравенства в России, приходит к выводу о том, что после распада СССР уже в начале 2000-х гг., «ситуацию усугубило упорное продолжение радикально либеральных реформ, направляемое далеко не лучшими образцами западной экономической мысли» [69, с. 21-22]. Социальное неравенство как кризисная ситуация не может так долго продолжаться и требует специальных мер как на уровне государственного регулирования, так и на уровне формирования соответствующего общественного сознания.

Выравнивание или, по крайней мере, регулирование доходов социума через налоги или равные условия в получении образования, высококвалифицированных медицинских услуг и т.п., участие в общественной жизни страны, организации – это и есть тот первый шаг в сторону рефлексии основ кризиса сознания и преодоления его последствий.

И.Р. Цыденова, полагает, что «модернизация характеризуется как сложный многосторонний и многовариантный способ преобразования общества, в котором взаимодействуют внутренние и внешние, традиционные и заимствованные факторы. В Китае она началась с повышением уровня индустриализации, которая является необходимым этапом развития общества, потому что всестороннее развитие страны предполагает и «строительство материальной культуры», и «строительство духовной культуры» одновременно и обязательно, ибо «при отставании любого из этих двух аспектов культуры не может быть и речи о строительстве социализма с китайской спецификой» [324, с. 92]. По мнению философа, «традиционная культура Китая лежит в основе долгого исторического развития китайской цивилизации, что традиционализм определяет устойчивость развития современного китайского общества» [Там же, с. 130]. Разумеется, Российская Федерация и КНР в значительной степени отличаются друг от друга, но даже краткий исторический экскурс показывает, что Россия также имеет собственный уникальный опыт модернизации, в которой можно выделить несколько этапов:

- XVII в., когда Россия избавляется от Смуты;
- реформы Петра I – 1699-1725 гг.;
- начало XIX века, когда Россия так и не смогла провести необходимые социально-политические реформы, исчерпав, таким образом, свой былой модернизационный потенциал;
- советский и постсоветский периоды, модернизационный результат которых по сей день порождают активное обсуждение и многообразие мнений и оценок.

Опыт модернизации России позволяет сделать следующие выводы:

- 1) все модернизации начинались с кризисов во внешней среде, а не во внутренней и выражались в отставании от других развитых стран и нежелания отставать;

2) модернизации в России носили ограниченный и противоречивый характер; никогда не были сформулированы конкретные задачи модернизации;

3) правящая элита никогда не могла определить действительных целей предстоящих изменений;

4) провал одних модернизаций и проведение других был обусловлен тем, что элита не могла и до сих пор не умеет устанавливать баланс между экономическими и политическими преобразованиями;

5) все российские модернизации имели внутренне субъективно-противоречивый характер: борьба между элитами – инициаторами и проводниками модернизационных изменений, а также противоречия между интересами властной элиты (укрепление своего собственного и имперского положения) и социально-экономическими потребностями масс (упрочение социальных гарантий и повышение уровня жизни);

б) российские модернизации не ставили своей задачей «выйти в мировую ширь» («Мы духовно обязаны осознать место России в мировой борьбе. Постыдно лишь отрицательно определяться волей врага». Темное вино. Н.А. Бердяев).

Будущее России попытался сформулировать Н.А. Бердяев: «И перед нами стоит задача – поднять уровень национальной мысли и связать ее с жизненными задачами, поставленными мировыми событиями» [28, с. 156]. Для этого важно россиянам преодолеть инерцию кризисного сознания, которое сковывает творческую потенцию сознания социума, препятствует адекватной оценке происходящих событий и избавлению от непродуктивных элементов – фобий, предрассудков, фантазий, утопий и т.п., которые переносятся в деятельности на общественное бытие, образуя замкнутый порочный круг. Разомкнуть это круг поможет только вскрытая природа кризисного сознания.

Россия в современных условиях глобализации явно тяготеет к пониманию модернизации в аспектах «вестернизации» как универсальному и эффективному образцу культурно-цивилизационного развития. В то же время,

обращение к прозападному (проамериканскому) пути развития как чему-то несбыточно-правильному (эталонно-классическому) – это утопия, которая поддерживается нашим обществом, начиная с эпохи Петра I. Модернизация «сверху», или модернизация по типу «экстраполяции» (перенос прошлого положительного опыта в настоящее нашей страны) не дают искомого результата. Решение вопроса находится, скорее, не в цивилизационной, а в культурной сфере.

Суть модернизации, с одной стороны, состоит в адаптации к новым условиям общественной жизни России. С другой стороны, предстоит ответить на вызовы современности в аспектах осмысления своего прошлого.

На заре эпохальных преобразований в начале 1990-х гг. научное сообщество (философы, обществоведы и гуманитарии) активно включились в обсуждение вопросов модернизации в России. Так, например, анализ материалов «круглого стола», опубликованных в журнале «Вопросы философии» показал следующее.

«Модернизация на Западе протекала как результат внутренних противоречий на своей собственной культурной базе, вызревание которой можно проследить еще со времен античности. В России же модернизация проходила под сильным давлением опыта других стран, который давал образцы эффективной деятельности для всех сфер жизни, подсказывал пути решения постоянно возникающих, все более сложных проблем» [242, с. 3-4].

Другими словами, на Западе модернизация – это процесс движения от преобразований сознания человека к изменениям в цивилизационной составляющей. В России, наоборот, изменения строятся как ответ на вызовы современности или от цивилизационных изменений, которые не совсем понятны социуму и не отвечают на его культурные запросы.

А.С. Ахиезер, анализируя особенности развития российского общества в различные исторические периоды, приходит к выводу о том, что «модернизация, как проблема способности общества к цивилизационному

переходу, оказывалась до сих пор неразрешимой. Причину этого я вижу в глубоком *социокультурном расколе*» [Там же, с. 5]. По его мнению, «стремление к модернизации правящего слоя при сопротивлении значительной части общества приводит к тому, что прогресс в одной части общества усиливает регресс, в другой, что, в свою очередь, усиливает, закрепляет раскол» [Там же, с. 5].

Еще один феномен отмечает А.С. Ахиезер: «России, как и Африке свойствен комплекс сервильности (сервизм – раболепие) свойственное всему Востоку и является элементом командно-административной структуры, восточного деспотизма. Имеется в виду, прежде всего, сервильность как психологический стереотип. Но в России, как и в Африке не было выработано системы противовесов сервильности» [Там же, с. 9]. Таким образом, преодоление таких специфических тенденций объективного социально-исторического характера, например, «раскол», «сервильность», не может быть достигнуто одним лишь «исключением» из общественного сознания этих социально-психологических установок. К модернизации следует отнести как феномену, не «навязанному извне», а подготовленному всей культурно-цивилизационной деятельностью российского общества.

В.А. Красильщиков, изучая процессы модернизация и Россия на пороге XXI в. в социальной области, в экономике, в политической и духовной областях, пришел к выводу о том, что «коль скоро капиталистический способ производства – продукт западноевропейской цивилизации, то и модернизация как процесс перехода к индустриальному обществу с развитыми рыночными отношениями, политической демократией, разделением властей и т.д. представляет собой и исторически, и логически результат развития этой цивилизации и неотделима от капитализма. Соответственно она неотделима и от распространения культуры «модернити» [135, с. 40-42].

Н.И. Лапин, анализируя проблемы формирования концепции поэтапной модернизации России и ее регионов, отметил следующее: «Проблемы

модернизации страны, как и ее перехода на инновационный путь развития, в сознании многих политиков, бизнесменов и широких слоев населения России значительно мифологизированы, нагружены смыслами, далекими от реальности. Это удобно для манипулирования сознанием и поведением масс. Но в научном исследовании необходимо соответствие реальности» [144, с. 8].

Суть подхода Н.И. Лапина состоит в том, чтобы Россия вошла в мировое сообщество, окрепнув внутри своей страны. Проводить модернизацию необходимо ради человека, а не ради модернизации.

В.Л. Инозметев, исследуя процессы глобализации, отмечает, что «они были четко направлены от «центра» – наиболее динамично развивающегося региона мира – к его «периферии». В итоге можно сказать, что глобализация – это продолжительный процесс установления европейского доминирования над миром» [115, с. 43].

Исходя из анализа ученого процессов модернизации в России, можно сделать вывод о том, что «задачи российской модернизации – это задачи типичного догоняющего развития, а никакого не «социального проектирования». Модернизация для России – мера вынужденная и она предполагает встраивание в мир, а не подстраивание мира под себя» [Там же, с. 539]. Следовательно, модернизация – это, все-таки проект определенной социальной группы, распространяющийся на все общество в своих интересах за счет ущемления интересов большинства своих сограждан.

Процесс модернизации невозможен без урегулирования вопросов гражданского и правового государства в их диалектической взаимосвязи. М.В. Рац, анализируя проблемы и перспективы современной России в аспектах открытого общества полагает, что «формирование и распространение пока не существующей концепции открытого общества может оказаться одним из важнейших факторов интеллектуальной и политической жизни России» [235, с. 23]. По его мнению, «сегодня общественное устройство, позволяющее поддерживать свою открытость, сопряжено с двумя подсистемами:

гражданским обществом и правовым государством, существующими только в паре и взаимно дополняющими друг друга» [Там же, с. 32].

Остается открытым вопрос: с чего начать: с установления правовых норм на уровне государства или с познания законов общества в современных условиях?

Сегодня становится ясно, что в центре модернизационных процессов должен находиться человек, как цель, а не сама по себе модернизация – она средство для самореализации человека.

Модернизация может быть построена в России только на ее культурной (духовной) основе, учитывая цивилизационные (технические) требования, где ведущей силой является не правящая элита с ее амбициями и мифами, а *авангард общества* – культурная интеллигенция, ведущие производительные силы общества, которые ставят во главу угла интересы общества, а значит и свои.

Таким образом, проведенный анализ модернизационных процессов в России в аспектах общественного бытия и общественного сознания и приводит к пониманию того, что прежние методы исчерпали себя в социально-экономических и ценностно-антропологических измерениях, а новые парадигмы должны быть построены по принципу неразрывности бытия-сознания и должны учитывать современные тенденции.

Ведущий метод исследования модернизации – материалистическая диалектика и принципы синергетики.

Программные направления российской модернизации должны, с одной стороны, иметь общенациональную идею, с другой стороны, опираться на базовые законы общественного бытия-сознания.

Ситуация *раскола* в обществе – это показатель несоответствия, несоразмерности *большого общества* и его интересов и *малого общества* с его амбициями и преимуществами в обладании властью над большим обществом. Модернизация невозможна без понимания человеком своей роли и места в

мире, который он создает сам и вместе с ним себя самого. Поэтому нельзя построить мир вокруг себя материально, не изменив этот мир идеально, прежде, в своем сознании.

Парадоксальность решения вопросов модернизации состоит в том, что разум, который завел человека в тупик, должен ему помочь найти выход из тупика. Выход из сложившейся ситуации – познание природы и специфики кризисного сознания, которое формируется в результате отражения кризисных процессов бытия общества, формирует кризисный социум, который воспроизводит снова свое кризисное бытие. И так по кругу, который необходимо разорвать.

Исследования кризисного сознания показали его непосредственную связь с общественным бытием по показателям экономического сознания и поведения российского общества, где ведущим противоречием выступает несоответствие между заявленными реформами и целями, ценностями и ожиданиями общества. Такое положение дел привело не только к неравенству, но и к негативному восприятию рыночных реформ.

Построение в рамках модернизации правового и гражданского общества возможно в рамках российского культурно-исторического прошлого и вызовов современности, а не через заимствование ее зарубежных аналогов, что подтверждается несостоятельностью *догоняющих модернизаций*;

Такое явление как *сервиллизм* (раболепие) и *мифологизация*, свойственные российскому обществу и другим восточным странам – это не проблема, а историческое наследие, которое следует учесть и в современных условиях строить *открытое общество*, которое поддерживается двумя подсистемами – гражданским обществом и правовым государством. Существующие в диалектическом единстве они взаимно дополняют друг друга и служат, в конечном итоге, повышению благосостояния общества.

В завершении нашего исследования представляем анализ футуристических культурно-цивилизационных прогнозов будущего нашего общества.

По мнению Т.Ю. Чесноковой, «мир стремительно меняется. Не успевая отрефлексировать стратегические изменения человеческого сообщества, увлеченные вписыванием в потребительское общество, мы лишаемся возможности участвовать в конструировании будущего. В лучшем случае, поставляем в него материал из нашего бессознательного» [326, с. 6].

Согласно В.В. Кузину, «футурологи знают о первых двух-трех десятилетиях XXI века столько, сколько историки знают о веке XX-м и предыдущих. Правда и то, что исследователи будущего – как, впрочем, и исследователи прошлого – мало чему научили людей. Образно говоря, предпочитают сначала еще раз обжечься, хотя знают, что ожог – это очень больно» [33, с. 4].

Дж. Коатс, прогнозирует «очень вероятное будущее» в аспектах регулирования следующим образом: «Движение в сторону тотального регулирования окружающей среды будет развиваться на национальном и глобальном уровнях, и оно не предполагает полного знания того, что придется регулировать» [Там же, с. 223]. По его прогнозам, «многие природные катаклизмы – наводнения, землетрясения, оползни – можно будет либо предотвратить, либо смягчить, либо, по крайней мере, предсказать, чтобы уменьшить возможные их негативные последствия. Во всех развитых странах развернется полномасштабный процесс восстановления и повторного использования ресурсов. Резко сократится добыча природных материалов в целях экономии энергии и сохранения окружающей среды» [Там же, с. 225].

Дж. МакГейл, прогнозирует ближайшее будущее следующим образом: «Мир стал единым сообществом. Под планетарным сообществом имеется в виду такое, в котором основные формы, учреждения и ценности ориентированы на становление сообщества общемировых масштабов» [Там же, с. 232].

Р. Киддер, исследуя универсальные человеческие ценности на основе анализа, проведенного интервью с респондентами мужчинами и женщинами – выявил восемь общепринятых ценностей, которые помогут нашему миру в тревожном будущем: любовь, честность, справедливость, свобода, согласие, терпимость» [Там же, с. 470].

Р. Уотсон представляет видение будущего в следующих достижениях человечества: «квантовые и ДНК-компьютеры, «мыслящие пробирки», нанотехнологии др.» [Там же, с. 66]. В основе футуристического прогноза ученого лежит идея информатизации и применения нано-технологий, а также стремление человека к постоянным изменениям мира внутри себя и вокруг себя.

Прогнозы отечественных и зарубежных футурологов отличаются тем, что российские исследователи делают акцент на прогнозы через *сопереживание* своего будущего, а западные – через *вне-переживание*. Сохраняется традиция русского мышления – внутренний опыт и мышления зарубежных мыслителей – онтологизм и гносеологизм или репрезентация – отстраненность, проективность мышления через отстранение себя от опыта; описание и анализ опыта вне-себя-положение.

Отсюда и разные футуристические картины мира – у россиян – *включенность* себя в процесс творчества и самовыражения и зарубежных футурологов – *исключение* себя из прогнозов.

В завершении анализа темы данного параграфа отметим, что тенденция поиска собственных идей и экстраполяция положительного опыта других стран ведут к созданию псевдопроектов, которые уже сегодня терпят фиаско.

Главная причина, по которой терпят фиаско проекты модернизации, евразийства, устойчивого развития и др. – это не раскрытая природа и содержание кризисного сознания, которое отражает кризисное бытие российского общества.

Анализ кризисного сознания должен систематизировать подходы, формы, средства и методы *профилактики, разрешения противоречий* вызвавших кризисные процессы, *смягчение* воздействий кризисных явлений, *преодоление* кризисных последствий.

Для России сегодня возникает настоятельная потребность в средствах и методах мировоззренческо-методологического анализа и управления, определяющих эволюцию, этапы и переходные состояния в диалектическом единстве общественного бытия и общественного сознания как базисных структур воспроизводства российского общества.

Затянувшийся социокультурный кризис и непродуктивные социально-экономические, гражданско-правовые реформы требуют выстроить логику и линию (ядро) выбора, принятия решения на национальном уровне.

Ключевая проблема для России – установление разумного и научно обоснованного соотношения различных *социальных сил и форм* в диалектическом единстве субъективного и объективного, материального и духовного через образование единого пространства совокупной и мотивированной деятельности.

Изменившееся качественно общественное бытие российского социума обрело относительно законченные социокультурные формы, которые отражаются в общественном сознании – это проблемное поле *теоретико-методологического поиска и мировоззренческой бифуркации*.

В условиях усложнения и расширения мировой среды российское общество как сложное и многоуровневое социокультурное образование не может развиваться исключительно по *одной линии (оси, траектории)*, но, как самобытное, культурно-цивилизационное историческое социальное образование, обладающее собственной логикой эволюции, должно выработать новые стандарты *взаимосвязанных и взаимозависимых* интересов самобытных *открытых и легитимных* социальных систем.

Основу научных и междисциплинарных исследований кризисного сознания и глобализации в их диалектическом единстве и взаимосвязи, направленных на развитие России, должны составить следующие положения:

1) управляемая коэволюционная деятельность в аспектах социоприродной и социокультурной деятельности российского социума;

2) регулирование формообразующих процессов евразийских и восточно-славянских центров развития и сил, через актуализацию собственной культурно-цивилизационной основы;

3) противопоставление объединительной инновационной российской стратегии разрушительным североатлантическим стратегиям через возрождение положительного модернизационного опыта;

4) вовлечение незападных этноцентристских традиций мировой культуры христиано-мусульманского и буддистского направлений;

5) активное развертывание постэкономического проекта развития России через уравнивание его новейшими высокотехнологичными научно-исследовательскими достижениями в области оптимизированной хозяйственной деятельности;

6) переход от технически-деструктивных к биологически-конструктивным технологиям;

7) направление и трансформация глобализационных тенденций в культурно-цивилизационное русло собственных российских реформ через раскрытие потенциала эвристически-духовного личностного и национального самосознания;

8) формирование региональных самодостаточных и сбалансированных центров развития;

9) раскрытие истинной духовно-нравственной силы российского общества и обеспечение его прогрессивно-циклического развития на основе уравнивания *рационально-иррациональных* основ общественного сознания;

Исходя из материалистического подхода, выделяем три основные формы общественных кризисов и соответствующих им проблемных направлений исследования:

1) кризис бытия общества, который наблюдается в основном в сферах материального общественного производства и сказывается на структуре взаимосвязей между общественными институтами общества, а также на формах и содержании их социальности;

2) кризис общественного сознания как результат отражения кризисных процессов бытия общества, который проявляется, в свою очередь, в целом в структуре мировоззрения общества, а также на уровне духовного производства (культуре, науке, образовании) и на уровне обыденного сознания во всех общественных институтах и общностях;

3) кризисное общественное сознание, которое является производным от кризиса сознания и обретает собственное существование в виде эсхатологических, апокалипсических, утопических, панических, фантастических и иных образов, представлений и мироощущений.

Кризисное сознание общества (КСО) – это особого рода идеальная реальность, неразрывно связанная и порождаемая реальностью материальной, существующая в двух состояниях: динамическом и статическом.

В *динамике* КСО порождено кризисом сознания, которое, в свою очередь, выступает следствием кризиса общественного бытия, обретает собственное существование. Оно предстает в условиях глобализации в виде панического страха с предчувствием вселенской катастрофы или в виде предчувствия вырождения человечества до существ примитивных и нежизнеспособных.

В *статике* КСО, образуемое аналогичным образом, т.е. от сознания, испытавшего кризис в результате отражения кризиса бытия общества, являет себя в ранее не известных образах, умонастроениях и мироощущениях, например, в навязчивой идее «переселения на другие планеты»,

«замораживании собственных генетических клеток с целью продолжения жизни после биологической смерти» и т.п.

Как правило, КСО рассматривается либо с негативными или пессимистическими оттенками как конец света, т.е. предел всяческого развития в любом контексте, заканчивающийся катастрофой мира и человечества, или как утопия, фантазия, т.е. продукт сознания общества, изможденного и утомленного войнами, конфликтами, катастрофами и устремленного в результате к спокойной умиротворенной жизни.

Сегодня КСО проявляется в виде:

1) фобий – нарастание угрозы война и истощаемости природных ресурсов, страха за собственную жизнь;

2) явлений терроризма – взрывы смертников, захват заложников;

3) духовной деградации – насаждения потребительской идеологии;

4) умиротворения – безропотное принятие «судьбы», которая таковой не является, например, нищета, безработица, маргинальность;

5) понимания того факта, что общественное сознание достигнув пределов и тупиков в развитии, должно найти выход через уравнивание его другими формами идеального бытия человека – иррациональными;

б) открытия новых перспектив, порожденных длительной эволюцией общественного сознания, например, понимание того, что необходимо сформировать *глобализационное сознание*, как ведущий и направляющий фактор развития общероссийского и культурно-цивилизационного социума.

В заключение представим *перспективные направления исследования* в области общественного сознания в условиях современных глобализационных кризисных процессов, которые предполагают обнаружение и разрешение противоречий между:

1) экстраполяцией и интерпретацией мировоззренческих и методологических аспектов развития общества;

2) традиционным и инновационным основаниями;

3) культурным и цивилизационным основанием общества;

4) капитализмом и социализмом как «не-человеческим» и «человеческим» основаниями, где все-таки человеческое должно быть положено в основу развития страны;

5) догматическим марксизмом (что привело к тоталитарному обществу) и ортодоксальным либерализмом (что привело к построению потребительского общества) на основе культурных оснований (исконной духовности);

6) вызовами глобализации (объективные основания, требующие адекватного реагирования) и глобализмом (субъективные основания, которые выражаются в неспособности правительств контролировать и регулировать процессы внутри своих стран) посредством повышения культурной и административно-правовой, управленческой компетентности государственного аппарата в условиях глобализации.

Область образования противоречий:

1) *соединения, трансформации (перестройки)* социокультурных и социоприродных *связей* между элементами системы БЫТИЕ (материально-вещественный аспект);

2) *нарушенная, деформированная целостность* систем *общество-природа* и *общество-человек* в аспектах СОЗНАНИЯ (духовный аспект);

3) *разрывы* связей между системами ОБЩЕСТВЕННОЕ БЫТИЕ и ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, составляющих основу кризиса общества, в целом, и его БАЗИСА и НАДСТРОЙКИ, в частности;

4) кризисное сознание как сознание, образованное в результате ОТРАЖЕНИЯ кризисных процессов бытия и сознания, оказывающее обратное ВОЗДЕЙСТВИЕ на общественное бытие, обладающее кризисными характеристиками, и, тем самым, «удваивающее» кризисность бытия.

Предполагается установление соотношения различных *социальных форм*, их соподчинение и несогласованность в условиях экзогенных и эндогенных факторов. В результате предполагается сформировать системное видение

кризисных общественных явлений и процессов в России на современном этапе на *сбалансированной прогрессивно-циклической основе*. Основное направление будущего исследования – анализ кризисных процессов общественного сознания в неразрывной связи с общественным бытием и определение точек *роста, стагнации, консервации, устойчивого и ритмического* воспроизводства российского социума.

Первостепенная задача российского общества состоит не в реформировании, нагромождении идей, проектов и теорий по выходу из кризиса, а в том, чтобы преодолеть инерционные силы и сломать воспроизводственный механизм кризисного сознания. Основа исследования системы *бытие-сознание общества* – метод материалистической диалектики.

Отметим наиболее значимые в рассматриваемом контексте проблемы российского общества: 1) общие: выбор новой методолого-мировоззренческой социально-философской парадигмы; 2) частные: осуществление модернизации через разрешение противоречий между альтернативным («или – или») и уравновешенным («и – и») путем развития, между ориентацией на Запад и на Восток и др.

Многолетние исследования российского общества показали, что заявленный курс реформ и ожидания населения привели к тому, что рыночные реформы воспринимаются *негативно*. Евразийство («Большая Евразия») в условиях затяжного глобального кризиса может объединить усилия для формирования интегральной гуманистически-ноосферной мировой цивилизации на основе диалога и партнерства локальных цивилизаций пятого поколения.

Футуристические картины мира россиян – включение себя в процесс творчества и самовыражения (рефлексия), зарубежных футурологов – исключение себя из прогнозов (репрезентация). Российское общество в данный период находится в условиях затяжного и болезненного кризиса, который вызван к жизни переходом общества с одними качественными

характеристиками к обществу с другими качественными характеристиками, что требует от управляемых и управляющих понимания и исследования кризисного сознания.

Лицам, принимающим решения национального, регионального и местного государственного (межгосударственного) уровня, предлагается воспользоваться данным исследованием в целях познания, диагностики, прогноза, образования и проектирования социальных процессов, имеющих кризисную и глобализационную природу духовного и материального свойства. Установление норм общественной жизни, критическое осмысление вызовов современности, систематизация проблем общества и социальных институтов, конструирование моделей социального развития и др. – это далеко не полный перечень вопросов, которые могут быть рассмотрены с помощью данного исследования в рамках социально-философского знания.

Открывающиеся перспективные направления исследования основаны на культурно-цивилизационных принципах и особенностях протекания кризисных социоприродных и социокультурных процессов с использованием знаний основ коэволюции, синергетики и основывается на принципах экологической этики, толерантности, глобализационного сознания.

Данные направления – это начало, первый шаг на пути социально-философского анализа кризисных российских процессов социоприродной и социокультурной действительности, выбора модернизационных и глобализационных ориентиров развития, поиска кризисным российским обществом своей социокультурной идентичности с целью создания эффективной социальной организации, разработка мировоззренческих и методологических принципов организации социально-гуманитарного знания и комплекса наук о природе.

Выводы по четвертой главе

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что глобализация породила новую кризисную реальность материальных (бытие) и

духовных (сознание) основ общества. Россия преодолевает инерционные силы перманентного «раскола» социума на «большое» общество (масса) и «малое» (элита), где последнее предстает как правящий класс со своими интересами. Россия переживает глобализационный кризис систем *общество-природа* и *общество-человек*, что находит отклик в стратегии устойчивого и поступательного развития, а также в формировании единого планетарного и экологического сознания. Перспективными направлениями исследования и регулирования социальных процессов в России являются рост национального самосознания; интенсификация отношений Россия – Европа (США, Украина, СНГ); переход России не от капитализма к коммунизму (социализму) или наоборот – это инварианты одной и той же (материальной) цивилизации, а через доминирование духовных ценности (общечеловеческих) над материальными на основе повышения экономических показателей, обеспеченных научно-техническим ростом, но возвышающих ценности бережного отношения к природе и установления культурного диалога внутрироссийского и международного. Основа исследования системы *бытие-сознание общества* – метод материалистической диалектики.

Проблемы российского общества: 1) общие: выбор новой методолого-мировоззренческой социально-философской парадигмы, 2) частные: осуществление модернизации через разрешение противоречий между альтернативным путем развития («или – или») и компромиссным («и – и»), между ориентацией на Запад и на Восток и др. Сбалансированное прогрессивно-циклическое развитие России должно быть основано на познании культурно-цивилизационных принципов и особенностей протекания кризисных социоприродных и социокультурных процессов с использованием знаний основ коэволюции и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественное сознание представляет интегративное качество общественного идеального бытия, которое отражает, координирует и преобразовывает общественное материальное бытие. Сегодня оно становится глобализационным, то есть охватывающим современное человечество, проявляя особые конкретно-исторические свойства и качества, которые требуют специального исследования. В марксизме общественное сознание (ОС), с одной стороны, отражает общественное бытие, с другой стороны, оказывает на него активное обратное воздействие. ОС представляет совокупность коллективных представлений, сформированных в конкретно-исторический период развития общества, и является элементом системы, называемой надстройкой, и представляет его духовную сторону.

На формирование общественного сознания оказывает влияние определённый тип общественных отношений: религиозных, экономических, политических, и т.п. В качестве носителей, субъектов общественного сознания выступают большие группы людей, например, класс, национальность, государство, человечество. В структуре общественного сознания можно выделить такие уровни, как обыденно-практический и научно-теоретический. К сферам общественного сознания, согласно, В.С. Барулину, относятся экономическая, социальная, политическая и духовная.

Глобализация как сложный и многоликий процесс сформировала такие виды общественного сознания, как *потребительское, Интернет-сознание, мегаполисное, стандартизированное, унифицированное, англоязычное, массовое, террористическое и т.д.* Она приводит к тому, что границы для экономической, культурной и даже политической деятельности становятся все более *прозрачными, условными*, возрастают взаимосвязи в глобальном масштабе и происходит одновременно фрагментация мира. В результате формируется осознание мира как единого в его цивилизационной (материально-вещественной) составляющей и многообразного в его культурной

(идеально-духовной) компоненте. Сегодня происходит формирование единого глобализационного общественного сознания, в котором отражается и преобразовывается мир в единое целое – глобальную систему.

Анализ современных глобализационных процессов показал следующее:

1) содержание современных глобализационных процессов составляют два направления – собственно глобализация как процесс, имеющий объективное основание и – глобализм, как субъективное основание или собственно проект управления глобализационными процессами;

2) содержание глобализации – это множество процессов – экономических, политических, социальных, экологических, духовных – которые породили кризис современной цивилизации, не способной найти альтернативу обществу, основанному на рациональной основе;

3) сегодня возможны две модели развития человечества:

первая – находить в духовных глубинах традиционной культурной идентичности ответ на поставленные эпохой вопросы, что всегда выводило российское общество из кризиса через сохранение жизнеспособных форм общественного бытия и сознания, избавляясь от отживших элементов социальности, обретая приемлемые современные компоненты;

вторая – принять вызовы современности в виде «модернизационных», «мондиалистских» проектов, препятствующих развитию России как многоконфессионального и многонационального государства, учитывающего интересы разных народов.

Глобализация (объективно) – это качественно новая эпоха в развитии человечества по всем направлениям.

Глобализм (субъективно) – это проект глобализации, который проявляется особенно заметно как «американизация» – политика навязывания воли США всему миру.

Бифуркационная веха в ее истории – вторая половина 1980-х гг., передел мира после распада СССР. Глобализация – это диалектически противоречивый

процесс, охвативший человечество в масштабах планеты, который проявляется в бинарных оппозициях, например, глобализация – де-глобализация, интернационализация – унификация и др. по всем направлениям, включая экономику, политику и др.

Кризис как социально-философская проблема требует понимания его в ряду других понятий/явлений общественной жизни, установления его парадигмального статуса и социально-философского определения и уточнения.

Понимание кризиса в ряду других понятий/явлений общественной жизни формируется, исходя из анализа степени усиления-ослабления связи между элементами социальных систем, что позволяет выделить следующие ее состояния:

1) при конфликте социальные связи *напрягаются*, обостряются, но не разрываются между элементами общественного целого;

2) при коллапсе связи *ослабевают*, но не разрываются;

3) при конфронтации связи в социальной системе *напрягаются до предела*, но не разрываются или в некоторых местах имеют частичные разрывы, что приводит к хаосу;

4) в условиях кризиса социальные связи *разрываются* по всем направлениям в системе и тогда эта система либо переходит из одного качественного состояния в другое, либо обнаруживает новое качественное состояние при невозможности возврата в прежнее состояние.

Таким образом, общество как система развивается через кризисы, которым предшествуют обычно стадии нормального развития, предкризисного состояния, кризисного состояния, посткризисного состояния.

Следовательно, кризис – это завершение или перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер борьбы или предельно противоречивое состояние системы; социальный кризис – это качественное изменение формы общественной системы и разрывы связей между ее элементами, которое характеризуется снижением деловой и жизненной активности, болезненными

проявлениями в информационно-коммуникативных средах и расстройством социально-культурного национального механизма воспроизводства общества.

Анализ современных обществ показал, что формы проявления кризисных процессов в условиях глобализации детерминированы кризисом материальной и духовной сторон, а также объективными и субъективными процессами. Еще одно основание, которое мы хотели бы назвать в качестве форм проявления кризисных процессов современных обществ – это их классификация по признаку «капиталистический» и «социалистический».

Соответственно, сегодня их кризис может быть выражен в следующих формах: 1) для стран США, Европы и других развитых стран капиталистической ориентации – их переход в посткапитализм (неокапитализм) представляет собой индивидуалистическое общество постиндустриальной эпохи. Посткапитализм выражается в отчуждении трудящихся от средств производства и от произведенного ими общественного продукта, что приводит время от времени к массовой безработице и политическим забастовкам, обнищанию, маргинализации социума; 2) для стран коммунистической ориентации бывшего Советского Союза – России, Казахстана, Украины, Белоруссии и др. (СНГ) кризис выражается в следующих формах: деидеологизация тоталитарных ценностей и переход к ценностям либерально-буржуазным, переход от планового ведения хозяйства к построению экономики на принципах рыночных отношений, освоение принципов коллективизма в новых условиях, который уже реализуется, например, в «евразийском проекте», о котором речь пойдет в следующих главах исследования;

Равновесие в современных обществах, на наш взгляд, может быть достигнуто с помощью новой формы общественных отношений – постиндустриального коллективизма, который сочетает и развитые формы капиталистической системы общественных отношений, и освоенные формы государственного регулирования и планового ведения хозяйства. Однако постиндустриальный коллективизм, как форма проявления кризисных

процессов в современных обществах, найдет себе место именно тогда, когда наступит обнищание масс и их маргинализация.

Современные общества характеризуются: 1) разнообразием форм: «современные общества» (в центре находится система образования как регулятор общественной жизни), «открытое общество» (системообразующий элемент – демократическое общество), «мир-система» (в центре нормы и ценности капитализма) и др.; 2) противоречивостью происходящих процессов: (государственное регулирование и гражданские инициативы; глокализация = глобализация + локализация; сталкивающиеся цивилизации: капитализм, социализм, развивающиеся страны и др.).

Духовный кризис как проявление кризисных процессов социума (общества в целом) – это распад культурных основ общества, которые мыслятся и переживаются в сознании общества в настоящий период времени как нарушение целостного мировосприятия. В первом приближении он составляет ядро кризиса общества в целом, влияет на все остальные сферы общественного бытия, имеет собственное существование. Духовный кризис может быть выражен через понятие ценность или «кристалл культуры» в неразрывной связи с понятием смысл, которые деформированы и переживают переходный период, отражаясь на всех сторонах жизни общества. Духовный кризис – индикатор проблем современных обществ, 1) зашедших в тупик и стремящихся вернуться к исходным культурно-цивилизационным основаниям для ответа на возникшие вопросы, 2) ищущих возможности адаптации в условиях глобализации через обретение целостности бытия. Духовный кризис России и Запада вызван к жизни принижением роли иррационального компонента и повышением значимости рационального, а также тенденциями глобализации и глобализма.

Опираясь на работы классиков, использующих различные типы научной рациональности в объяснении проблем исторических (архаических) и современных глобализирующихся обществ, можно сделать вывод о том, что во взаимозависимых процессах общество – природа и общество – человек есть

нечто общее, которое может быть выражено в двух проектах науки: диалектическом (коллективистский тип общества); метафизическом (индивидуалистский) тип общества. Начиная от Гераклита и Аристотеля и до наших дней, исследуется вопрос об устройстве нашего мира и о методах его познания. Наш мир – это непрерывная череда изменений и взаимных превращений, кризисов.

Труды корифеев и классиков, изучающих типы научной рациональности общественных явлений, в условиях глобализации дополнены и уточнены постнеклассическим типом научной рациональности, которым в частности, занимается В.С. Степин. Он полагает, что «разрешение противоречий культурного и технического характера между цивилизациями техногенного и традиционного типа строится через «диалог культур».

Также было установлено, что классическими типами устройства общества являются коллективистский и индивидуалистский, а соответствуют им космический (диалектический) и универсалистский (метафизический) проекты науки. Также установлено, что исследование законов воспроизводства современных обществ не обходится без философской рефлексии, которая закрепились в виде традиции проведения Всемирных и Российских философских конгрессов, на которых рассматриваются актуальные проблемы современности. Становится ясно, что в условиях глобализации наш мир стал неустойчивым, а затянувшиеся кризисные процессы лишили его стабильности и предсказуемости, что требует использования не только традиционных/классических, но и неклассических типов научной рациональности в исследования современных проблем.

Социальные кризисы в отечественной литературе представлены как исследование проблем взаимодействия общества и природы, человека и общества. Они отражают в виде эсхатологизмов обострённое ощущение неминуемого катастрофического конца человеческой истории и появление новых форм общественной жизни – индустриального общества. Социальные

кризисы обнаружили в человеческом мире «вечный поиск, потери, преодоления и обретения». «Путь цивилизаций – это путь катастроф, вечных апокалипсисов – позади и впереди». Социальные кризисы имеют 1) «организационную» основу (строительство) и выражаются такой эмоциональной формой, как радость, счастье, удовольствие, в силу повышения психической энергии и 2) «дезорганизационную» основу (разрушение) и выражаются такой эмоциональной формой, как страдание, уныние, несчастье, в силу понижения или ослабления психической энергии.

В зарубежной литературе социальные кризисы порождены «прогрессом общества», «культурно-цивилизационными» тенденциями, которые несут гибель традиционных основ (религиозных) и зарождение новых основ (научно-технических), что выглядит как переход от культуры «веры» к культурам «разума» и «чувства». Однако гибель одной культуры – это не гибель общества, а переход его на следующий уровень развития. Стремительно развивающийся мир увлек общество в будущее, предложив взамен невиданные прежде проблемы: «воля сильных» и «воля слабых», «культура переживает этап «варваризации» (духовное содержание культуры заглушается и вытесняется элементами низшего содержания), «культура, общество, цивилизация развиваются через кризисы – обязательный этап в развитии общества», «перемена отношения человека к вещам и связям», «сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой», «кризис бытия породил кризис духовности. Мир разбожествлён», «равенство в бедности» – таков итог осуществления идей социализма. Да и равенство эфемерно», социальный кризис предстает как «появившийся новый «человек массы» («заурядный человек»)), который образует определенную историческую возможность», «упадок европейского идеала, кризис рациональности и кризис европейской науки», в Европе зарождается новый человек и новое общество в лице «рабочего», в современном обществе все становятся «машиноравны», «мир принадлежит машинам, где человек становится придатком машины». Основу

российских социальных кризисов составили такие явления как «упрощение культуры», «консервативная революция», «христианский социализм», и другие противоречивые тенденции. Ключевыми факторы, повлиявшими на формирование кризисного сознания явились Первая мировая война и русская революция 1917 г. XX столетие заставило человека искать всё новые и новые формы спасения и понимание опасностей, грозящих обществу, которое оказалось в преддверии новой формы существования.

Тенденции глобализации и глобализма явили миру не виданные ранее возможности и проблемы. Эсхатологическая растерянность человечества отразилась на кризисе сознания, которое в России явило не только пределы возможностей рациональности, но и подошло к точке бифуркации, за которой, вероятно, откроется принципиально иная форма идеального бытия общества.

Общее для русского и западноевропейского утопизма – предвосхищение социального идеала общества будущего, критический анализ настоящего и моделирование мира вообще. Различие же состоит в борьбе между западноевропейским абстрактным «рацио» и восточно-христианским богочеловеческим «логосом». Для западной философии характерны гносеологизм и онтологизм, для русской – антропоцентризм и связанное с этим доминирование моральных, социальных и историософских проблем, обращение к вопросам о смысле истории и её цели.

В результате отражения кризисных социальных процессов появилось кризисное сознание социума. Кризисное сознание есть отражение кризисного социума, проявляющееся в виде деформированного сознания, в котором нарушена его качественная целостность (сознание общества, коллективного субъекта общественной жизни). Кризисное сознание, отражая кризисное общественное бытие, обретает свое существование в его эсхатологических и пообных формах кризисного мировосприятия человека в условиях переходного периода развития общества. Оно выражается на обыденном уровне общества,

отдельного индивида, коллектива как невозможность человека вернуться назад и изменить свое будущее.

Кризисное общественное сознание в эпоху глобализации является индикатором беспокойства общества и требует использования знаний о нем в целях конструктивных преобразований в духовной и материальной сферах человеческой деятельности. Затягивающийся переходный период общественных преобразований глобального масштаба все больше дестабилизирует основы общественного сознания, лишает его устойчивости, что, в свою очередь, негативно отражается на общественном бытии. Таким образом, как философская категория «кризисное сознание» не имеет парадигмального статуса и не входит в перечень традиционных философских понятий, хотя часто цитируется в различных научных источниках.

С точки зрения переходных состояний общества сознание становится кризисным дважды: в начале своего формирования, или в нулевой точке активности и полного хаоса, и в точке наивысшей активности и стабильности. Кризисное общественное сознание имеет следующие формы: экономическое, политическое, правовое, религиозное, морали и ризоморфизм, духовное. Сущность кризисного сознания субстанциальна, это самостоятельно существующее бытие, фиксирующее кризисные рациональные формы мыслимого объекта

Кризисное общественное сознание предстает в двух основных типах:

- 1) кризисное общественное сознание первого рода, образованное в результате отражения кризисных процессов бытия;
- 2) кризисное общественное сознание второго рода, или кризисное общественное сознание как таковое, являющееся продуктом кризисного общественного сознания первого рода, которое и есть, собственно, искомый тип, исследуемым в настоящей работе.

К типам кризисного общественного сознания относятся сформированные в эпохальные исторические периоды в разных обществах:

1. *Мифологическое*, когда человек, преодолевая свое первородное историческое существование, выделяет себя из мира Природы.

2. *Религиозное*, когда человек, создав для себя рукотворную среду, укрепил свое духовное существование верой.

3. *Светское*, как переходное состояние от сознания религиозного к сознанию научному.

4. *Научное*, когда вера в Бога утрачивает свою силу, укрепляется и растет вера в разум человека и его могущество.

5. *Глобализационное*, которое свидетельствует о том, что наступил *кризис образа-идеала*, порожденного научным сознанием и период эсхатологической растерянности общества перед техногенной катастрофой.

Представленные типы кризисного общественного сознания имеют статическую и динамическую природу: в *статике* – это новое для своего времени сознание общества, которое необходимо было принять социуму и жить согласно его природе; в *динамике* – это его мучительные и болезненные проявления, которые свидетельствовали о переходе от одной стадии общественного развития к другой. Типология кризисного общественного сознания, систематизированная в философской литературе, уточняется и дополняется диссертантом через открытие его имманентных свойств и качеств.

Кризисное общественное сознание в результате представлено следующими типами: первого рода – результат отражения кризисного бытия общества; второго рода – производное от первого и ставшее поэтому кризисным; конкретно-историческое: мифологическое, религиозное, научное, светское, глобализационное; статическое – вновь образованное и динамическое – переходное.

Специфика российского общества заключается в том, что оно представляет собой многонациональное, поликонфессиональное и мультикультурное сообщество, духовные основания которого сочетают в себе

и западные, и восточные ценностные ориентиры. Отметим в этой связи идею евразийства.

В настоящее время бинарные оппозиции типа Запад-Восток, на наш взгляд, непродуктивны, т.к. Россия, как и остальные страны, переживает глобализационный кризис и находится в поиске новой стратегии устойчивого и поступательного развития.

Найти выход из кризиса российское общество сможет не за счет реформ как таковых, а только за счет познания природы и специфики кризисного сознания. Но теоретического познания природы кризиса не достаточно. Общество в условиях затянувшегося кризиса не может ожидать изменений объективного, судьбоносного характера. Процесс выхода из кризиса предполагает активную работу общественного сознания. Только исследование природы кризисного сознания и его причин позволят российскому обществу найти выход из создавшейся ситуации.

В результате проведенного исследования условий и предпосылок устойчивого развития и становления экологии и России в аспектах кризисного общественного сознания и способах его регулирования, мы пришли к следующим выводам.

Для разрешения противоречий, вызвавших деформацию общественного сознания, выделяются следующие перспективные направления исследования и регулирования социальных процессов в России: 1) рост национального самосознания; 2) интенсификация отношений Россия – Европа (США, Украина, СНГ и др.); 3) ноосферное сознание, устойчивое развитие, коэволюция, универсальный (глобальный) эволюционизм, «эколого-информационное общество», синергетический подход, социальная экология, экологическое сознание, экологическая этика, философия *устойчивости* и *изменчивости*, баланс между силой и мудростью, консолидация человечества вокруг глобальных проблем.

Российскому обществу следует думать не о переходе от капитализма к коммунизму (социализму) или наоборот, так как это лишь инварианты одной и той же (материальной) цивилизации, а том, чтобы духовные ценности (общечеловеческие) доминировали над материальными на основе повышения экономических показателей, обеспеченных научно-техническим ростом, но возвышающих ценности бережного отношения к природе и установление культурного диалога внутрироссийского и международного. Первостепенная задача российского общества состоит не в реформировании, нагромождении идей, проектов и теорий по выходу из кризиса, а в том, чтобы преодолеть инерционные силы и сломать воспроизводственный механизм кризисного сознания.

Проблемы российского общества: 1) общие: выбор новой методолого-мировоззренческой социально-философской парадигмы; 2) частные: осуществление модернизации через разрешение противоречий между альтернативным путем развития («или – или») и компромиссным («и – и»), между ориентацией на Запад и на Восток и др.

Многолетние исследования российского общества показали, что заявленный курс реформ и ожидания населения привели к тому, что рыночные реформы воспринимаются *негативно*. Евразийство («Большая Евразия») в условиях затяжного глобального кризиса может объединить усилия для формирования интегральной гуманистически-ноосферной мировой цивилизации на основе диалога и партнерства локальных цивилизаций пятого поколения.

Футуристические картины мира россиян – включение себя в процесс творчества и самовыражения (рефлексия), зарубежных футурологов – исключение себя из прогнозов (репрезентация).

Установление норм общественной жизни, критическое осмысление вызовов современности, систематизация проблем общества и социальных институтов, конструирование моделей социального развития и др. – это далеко

не полный перечень вопросов, которые могут быть рассмотрены с помощью данного исследования в рамках социально-философского знания.

Лицам, принимающим решения национального, регионального и местного государственного (межгосударственного) уровня, предлагается воспользоваться данным исследованием в целях познания, диагностики, прогноза, образования и проектирования социальных процессов, имеющих кризисную и глобализационную природу духовного и материального свойства.

В результате проведенного диссертационного исследования выяснилось, что для России возможен путь сбалансированного прогрессивно-циклического развития, который должен быть основан на культурно-цивилизационных принципах и особенностях протекания кризисных социоприродных и социокультурных процессов с использованием знаний основ коэволюции, синергетики, принципов экологической этики, толерантности, глобализационного сознания.

Исследование в этом направлении – это первый шаг на пути социально-философского анализа кризисных российских процессов социоприродной и социокультурной действительности, выбора модернизационных и глобализационных ориентиров развития, поиска кризисным российским обществом своей социокультурной идентичности с целью создания эффективной социальной организации, разработка мировоззренческих и методологических принципов организации социально-гуманитарного знания и комплекса наук о природе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абылгазиев, И.И. Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / И.И. Абылгазиев, И.В. Ильин. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 412 с.
2. Айзятков, Ф.А. Устойчивое развитие: состояние, модель, стратегия (методологический и философско-экологический анализ) / Ф.А. Айзятков. – Саранск: изд-во Саранск. гос. ун-та, 1998. – 566 с.
3. Александров, А.А. Проблема человека в философии Гегеля : Период 1807-1831 годов : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.03. - Екатеринбург, 2004. - 407 с.
4. Алексеев, П.В. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение / П.В. Алексеев. – М.: Политиздат, 1990. – 528 с.
5. Алферов, А.А. Идея общественного прогресса: содержание и становление / А.А. Алферов // Философия в пространстве культуры. Серия «Восток-Запад-Россия». – Ростов н/Д., 1999. – С.96-97.
6. Андрианов, В. Концептуальные подходы к разработке Стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 г. // Общество и экономика. – 2016. – №7. – С.5-15.
7. Аристотель. Категории / Аристотель // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.
8. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. Т.1. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
9. Аристотель. О душе / Аристотель. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 180 с.
10. Аристотель. Никомахова этика. Политика / Аристотель// Собрание сочинений: в 4 т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
11. Аристотель. Физика / Аристотель // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1981. – 613 с.
12. Аристотель. Этическое учение / Аристотель // Хрестоматия по истории философии: в 3 ч. Ч. 3. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 448 с.

13. Арманд, А.Л. Анатомия кризиса / А.Л. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерехин и др. – М.: Наука, 1999. – 456 с.
14. Арутюнян, К.С. Трансформация общественного сознания в условиях социального кризиса: дис. ... канд. филос. наук / К.С. Арутюнян. – Саранск: изд-во «Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева», 2013. – 163 с.
15. Ахиезер, А.С. Об особенностях современного философствования (взгляд из России) / А.С. Ахиезер // Вопросы философии. – 1995. - №12. – С.3-20.
16. Ахиезер, А.С. Россия как большое сообщество / А.С. Ахиезер // Вестник российского философского общества. – 1993. - №1. – С.3-19.
17. Бадмаева, М.В. К вопросу о роли нравственности в сфере государственного управления // Вестни бурятского государственного университета. – 2007. - №2. – С.10-16.
18. Бальчиндоржиева, О.Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.11. - Улан-Удэ, 2015. - 376 с.
19. Барулин, В.С. Соотношение материального и идеального в обществе (Методологические аспекты проблемы) / В.С. Барулин. – М.: Политиздат, 1997. – 143 с.
20. Батищев, Г.С. Введение в диалектику творчества. – С.Петербург: Изд-во РХГИ, 1997. – 464 с.
21. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. – 478 с.
22. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
23. Бек, У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
24. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.

25. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
26. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М.: Дельта, 2001. – 638 с.
27. Берг, М. Черные мысли о свободе / М. Берг // Московские новости. – 1992. – №40. – С.4.
28. Бердяев, Н.А. Война и кризис интеллигентского сознания / Н.А. Бердяев. – М.: Политиздат, 1977. – 334 с.
29. Бердяев, Н.А. Воля к жизни и воля к культуре. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 175 с.
30. Бердяев, Н.А. Дух и машина / Н.А. Бердяев. – М.: Просвещение, 1990. – 346 с.
31. Бердяев, Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: Сварог и К, 1997. – 541 с.
32. Бердяев, Н.А. Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев. – М.: ИНФРА·М, 1995. – 468 с.
33. Бестужев-Лада, И.В. Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952-1999 / И.В. Бестужев-Лада. – М.: Academia, 2000. – 480 с.
34. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2010. – 254 с.
35. Бжезинский, Зб. Выбор. Мировое или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2010. – 264 с.
36. Бжезинский, Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М.: Международные отношения, 2010. – 192 с.
37. Бжезинский, Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – Москва: Астрель, 2015. – 288 с.

38. Богданов, А. Наука об общественном сознании (краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах) / А. Богданов. – М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. – 236 с.
39. Богданов, А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2 кн.: Кн.2 / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – 351 с.
40. Богданов, А.А. Эмпириомонизм: статьи по философии / А.А. Богданов. – М.: Республика, 2003. – 400 с.
41. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – 590 с.
42. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. - М.: Наука, 1993. 604 с.
43. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. - 416 с. 153.
44. Валлерстайн, И. Исторические системы как сложные системы / Иммануил Валлерстайн // Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. Сер.: Философия. – Харьков, 1998. – № 409. – С. 198-203.
45. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. - М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
46. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века. – М.: Логос, 2003. 368 с.
47. Валлерстайн, И. После либерализма / И. Валлерстайн. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
48. Валлерстайн, И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 – 2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 30-42.
49. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. - М.: Прогресс, 1988. - 507 с.
50. Васильев, Н.А. Воображаемая логика / Н.А. Васильев. – М.: Наука, 1989. – 264 с.

51. Вебер, А. Германия и кризис в европейской культуре / А. Вебер // Культурология XX век. – М.: Прогресс, 1995. – 295 с.
52. Вебер, А. Кризис европейской культуры. Избранное / А. Вебер. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 746 с.
53. Вебер, А. Третий или четвёртый человек. Избранное / А. Вебер. – СПб., 1998. – 678 с.
54. Вебер, М. Избранные произведения. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юристъ, 1994. – 702 с.
55. Вебер, М. Избранные произведения. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
56. Вейдле, В.В. Умирание искусства: размышления о судьбе литературного и художественного творчества / В.В. Вейдле. – Париж, 1937. – 346 с.
57. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
58. Вильчек, В.М. Алгоритмы истории: философско-социологические этюды / В.М. Вильчек. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 217 с.
59. Вышеславцев, Б.П. Угроза тоталитарной технократии / Б.П. Вышеславцев // Вестник высшей школы. – 1990. – №7. – С.52-67.
60. Гак, Г.М. Учение об общественном сознании в свете теории познания / Г.М. Гак. – М.: Наука, 1967. – 356 с.
61. Гвардини, Р. Конец Нового времени / Р. Гвардини. – М.: Наука, 2003. – 568 с.
62. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1999. – 1072 с.
63. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Эксмо, 2007. – 880 с.
64. Геде, А. Философия кризиса / А. Геде. – М.: Наука, 1978. – 356 с.
65. Гераклит. О природе / Гераклит // Хрестоматия по философии. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. – 544 с.

66. Гершензон, О.М. Тройственный образ совершенства / О.М. Гершензон. – Томск: ТГУ, 1994. – 367 с.
67. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
68. Глазунов, К.О. Глобализм как предмет социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2002. - 167 с.
69. Горшков, М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2014. - №7. – С. 20-31.
70. Горшков, М.К. Российский социум в условиях кризисного развития контекстный подход (статья 1) / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2016. - №12. – С.26-34.
71. Горшков, М.К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2017. - №1 – С.5-13.
72. Горяев, А.Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11 / А.Т. Горяев. - Волгоград, 2003. – 251с.
73. Готнога, А.В. Диалектико-материалистические основания социального прогнозирования: автореф. д-ра филос. наук / А.В. Готнога. – Красноярск: СФУ, 2015. – 41 с.
74. Грицанов, А.А. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов. – Изд. 3-е испр. и доп. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
75. Грушин, Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования / Б.А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
76. Губаненкова, С.М. Социально-философский анализ евразийства: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / С.М. Губаненкова. - Москва, 2015. - 161 с.

77. Губман, Б.Л. Западная философия культуры XX в. / Б.Л. Губман. – Тверь: Полиграфия; М.: Эксмо, 1997. – 456 с.
78. Губский, Е.Ф. Философский энциклопедический словарь / Е.Ф. Губский. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 576 с.
79. Гумилев, Л.Н. История как форма движения энергии / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2008. – 1280 с.
80. Гумилев, Л.Н. От Руси к России / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 411 с.
81. Гумплович, Л. Основы социологии / Л. Гумплович. – СПб.: Книгоиздательство писателей в Санкт-Петербурге, 1899. – 346 с.
82. Гусейнова, Л.А. Глобальное и региональное в гармонизации социоприродных систем: философско-методологический анализ: автореферата диссертации ... доктора философских наук: 09.00.11, 09.00.08. - Москва, 2009. - 42 с.
83. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль. – М.: Наука, 2009. – 489 с.
84. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука; Ювента, 1998. – 346 с.
85. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – Минск: Наука, 2000. – 752 с.
86. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философии. Культурология. XX век / Э. Гуссерль. – М.: Наука, 1995. – 456 с.
87. Гуссерль, Э. Прологомены / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука; Ювента, 1999. – 446 с.
88. Давыдов, Ю.Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории / Ю.Н. Давыдов // История теоретической социологии. – 1999. – Т. 3. – С.5-17.
89. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст] / Н.Я. Данилевский. - М.: Де'Либри, 2015. - 768 с.

90. Данилов-Данильян, В.И. Устойчивое развитие – проблема выживания человека / В.И. Данилов-Данильян // Наука. Общество. Человек. – 2004. – №4. – С.115-143.
91. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // СОЦИС. – 1994. – №5. – С.142-147.
92. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
93. Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт // Сочинения. – Калининград: ОАО «Янтар. сказ», 2005. – 352 с.
94. Дергачева, Е.А. Феномен глобализации в контексте техногенного социоприродного развития: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11 / Е.А. Дергачева. - Москва, 2013. - 303 с.
95. Джанет, Абу-Луход. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени / Абу-Луход Джанет // Время мира. Альманах Вып.2: Структуры истории. – Новосибирск, 2001. – С.451-452.
96. Джегутанов, К.Д. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ / К.Д. Джегутанов: дисс. ... д-ра филос. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. – 322 с.
97. Джегутанов, К.Д. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ: автореферат диссертации ... д-ра филос. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. – 32 с.
98. Дробницкий, О.Г. Понятие морали: историко-критический очерк: монография / О.Г. Дробницкий. – М.: Политиздат, 1974. – 356 с.
99. Дубровский, Д.И. Проблема сознания в философии и науке / Д.И. Дубровский. – М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2009. – 472 с.
100. Дугин, А.Г. Подсознание Евразии. Мистерии Евразии. - М.: Арктогея, 1996. – 191 с.

101. Дуткевич, П., Казаринова, Д.Б. Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 1. С. 7-14.
102. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
103. Евгеньева, А.П. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К-О / А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981-1984. – 736 с.
104. Евразийство: за и против , вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. - №4. – С.3-48.
105. Ермолаева, О.А. Парадигмальный анализ науки как формы общественного сознания: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Саранск, 2011. - 228 с.
106. Жамбалдоржиев, Б.Ц. Единство социальной онтологии и духовного сознания как предмет философского осмысления: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Улан-Удэ, 1999. - 119 с.
107. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель // Культурология. XX век. – М.: Экономика, 1995. – 468 с.
108. Зиммель, Г. Социологический этюд / Г. Зиммель. – СПб.: Наука, 1901. – 348 с.
109. Ивин, А.А. Философия: энциклопедический словарь / А.А. Ивин. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
110. Изгарская, А.А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: автореф. д-ра филос. наук / А.А. Изгарская. – Красноярск: СФУ, 2015. – 45 с.
111. Ильин, И.А. Кризис современного искусства / И.А. Ильин // ЭОН: альманах старой и новой культуры. – 1996. – №4. – С.9-10.
112. Ильин, И.А. Кризис современного правосознания. Избранное / И.А. Ильин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 726 с.
113. Имамичи, Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы / Т. Имамичи // Вопросы философии. – 1995. – №3. – С.79-80.

114. Иноземцев, В.Л. Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.01/22.00.03. - Москва, 1998. - 392 с.
115. Иноземцев, В.Л. Потерянное десятилетие / В.Л. Иноземцев. - М.: Московская школа политических исследований, 2013. - 600 с.
116. Кант, И. Пролегомены / И. Кант. – М.: Академический Проект, 2008. – 174 с.
117. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Наука, 1999. – 655 с.
118. Кантор, В.К. Западничество как проблема «русского пути» / В.К. Кантор // Вопросы философии. – 1993. - №4. – С.24-34.
119. Караева, П.Т. Общественное сознание как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук / П.Т. Караева. – Черкесск.: изд-во Карачаево-черкесской государственной технологической академии. 2004. – 127 с.
120. Карапетян Л.М. О понятиях «глобализм» и «глобализация» // Философские науки, 2003. № 3. С.47-60.
121. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур. Новая индустриальная волна на Западе / М. Кастельс. – М.: Akademia, 1999. – 568 с.
122. Касьянова, Е.И. Социально-философские основания толерантности: автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.11 / Касьянова Евгения Ивановна. - Чита, 2009. - 45 с.
123. Келлье, В.Ж. Формы общественного сознания [Текст]/ В.Ж. Келлье, М.Я. Ковальзон. – М.: Политиздат, 1959. –264 с.
124. Келлье, В. Формы общественного сознания / В. Келлье, М. Ковальзон. – М.: Политиздат, 1988. – 456 с.
125. Кемкин, В.И. Категория состояние в научном познании / В.И. Кемкин. – М.: Наука, 1983. – 456 с.
126. Кефели И.Ф. Глобализм на перекрестке мнений // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С.3-17.

127. Кефели И.Ф. Социальная природа глобализма// Перспективы человека в глобализирующемся мире. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.88-147.
128. Киященко, Л.П. Работа продолжается (К итогам XI Международной конференции по логике, методологии и философии науки) / Л.П. Киященко // Вопросы философии. – 1995. - №12. – С.137-141.
129. Ковальзон, М.Я. Общественное сознание и общественные науки / М.Я. Ковальзон, Н.И. Макешин. – М.: Знание, 1973. – 64 с.
130. Козлова, Н.Н. Упрощение культуры / Н.Н. Козлова. – М.: Книжный дом, 1995. – 688 с.
131. Коллинз, Р. Геополитические и экономические миросистемы основанных родстве и аграрно-принудительных обществ / Р. Коллинз // Время мира. Альманах. Вып.2: Структуры истории. – Новосибирск, 2001. – С.462.
132. Конт, О. Курс положительной социологии. Т.1 / О. Конт. – СПб., 1900. – 246 с.
133. Копнин, П.В. Проблемы диалектики как логики и теории познания // Избранные философские работы [Текст] / П.В. Копнин. – М.: Издательство «Наука», 1982. – 368 с.
134. Котляр, В.М. Проблемы управления в системе «общество-природа» (философское-методологические аспекты): автореферат... кандидата философских наук : 09.00.01 / В.М. Котляр. - Москва, 1991. – 19 с.
135. Красильщиков, В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. – 1993. - №7. – С. 40-56.
136. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – 272 с.
137. Кувалдин, В.Б. Глобальность: новое измерение человеческого бытия / В.Б. Кувалдин // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М.: издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2003. – 668 с.

138. Кузьмин, С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа / С.А. Кузьмин. – М.: Прогресс, 1996. – 445 с.
139. Куйбарь, В. И. «Эколого-информационное общество» как этап развития глобальной цивилизации: мировоззренческо-методологический аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Иркутск, 2011. - 292 с.
140. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2007. – 365 с.
141. Купряшкин, И.В. Капиталистическая мир-система и проблемы современности: социально-философский анализ идей и концепций: дисс. ... канд. филос. наук / И.В. Купряшкин. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2015. – 170 с.
142. Кутырев, В.А. Челюсти рационализма / В.А. Кутырев // Свободная мысль. – 2000. – №9. – С.6-7.
143. Кутырев, В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 1996. - №11. – С.23-31.
144. Лапин, Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2014. - №7. – С. 8-19.
145. Лапин, Н.И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) / Н.И. Лапин // Мир России. – 1992. – №1. – С.10-11.
146. Ласло, Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. Ласло. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.
147. Лаудан, Л. Наука и ценности / Л. Лаудан // Современная философия науки: хрестоматия. – М.: Логос, 1996. – С.295-342.
148. Левашов, В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2014. - №7. – С. 32-46.
149. Левидов, М. Организованное упрощение культуры / М. Левидов // Красная новь. – 1923. – №1. – С.34-67.

150. Левинтов, П.Г. Социально-философское содержание категории кризис / П.Г. Левинтов // Философские науки. – 1980. – №1. – С.42.
151. Лейбин, В.М. «Модели мира» и образ человека (Критический анализ идей Римского клуба) / В.М.Лейбин. – М.: Наука, 1982. – 568 с.
152. Лекторский, В.А. Материалистическая диалектика: краткий очерк теории / В.А. Лекторский, П.Н. Федосеев, И.Т. Фролов. М.: Политиздат, 1980. 287 с.
153. Лекторский, В.А. Теория познания: в 4 т. Т.2 Социально-культурная природа познания / В.А. Лекторский, Т.И. Ойзерман. М.: Мысль, 1991. 478 с.
154. Лекторский, В.А. Теория познания: в 4 т. Т.3 Познание как исторический процесс / В.А. Лекторский, Т.И. Ойзерман. М.: Мысль, 1993. 397 с.
155. Лекторский, В.А. Теория познания: в 4 т. Т.4 Познание социальной реальности / В.А. Лекторский, Т.И. Ойзерман. М.: Мысль, 1995. 431 с.
156. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
157. Ленин, В.И. Кризис власти / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1980. – Т. 32. – 606 с.
158. Ленин, В.И. Маевка революционного пролетариата / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1980. – Т. 23. – 594 с.
159. Ленин, В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1980. – Т.36. – 742 с.
160. Ленин, В.И. Распущенная дума и растерянные либералы / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1980. – Т.23.– 594 с.
161. Ленин, В.И. Уроки кризиса / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1980. – Т.31. – 762 с.
162. Ленин, В.И. К вопросу о задачах Рабкрина, их понимании и их исполнении / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1980. – Т.44. – 726 с.
163. Ленин, В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. В 49 т. Т 29. - М.: Политиздат, 1969. – 817 с. (194-195)

164. Леньшин, В.П. Формирование массового сознания молодежи в современном мире (социально-философский аспект исследования): дис. ... д-ра. филос. наук / В.П. Леньшин. – М.: изд-во Академии ФСБ России. 2004. – 340 с.
165. Леонова, О.Г. Вызовы глобализации и актуальные тренды общественного сознания в России XXI века / О.Г. Леонова // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – №1. – С. 3-17.
166. Леонтьев, А.Н. Деятельность и сознание / А.Н. Леонтьев // Вопросы философии. 1972. №12. С. 129-140.
167. Леопа, А.В. Историческое сознание как фактор социальной стабильности в условиях глобального кризиса: автореф. д-ра филос. наук / А.В. Леопа. – Красноярск: СФУ, 2014. – 39 с.
168. Лопатин, Л.М. Современное значение философских идей С.Н. Трубецкого / Л.М. Лопатин // Вопросы философии и психологии. – 1916. – №131(1). – С. 2-3.
169. Лосев, А.Ф. Миф-Число-Сущность / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
170. Лось, В.А. Глобализация и переход к устойчивому развитию / В.А. Лось, А.Д. Урсул, Ф.Д. Демидов. – М.: изд-во РАГС, 2008. – 316 с.
171. Лоусон, Т. Социология: А-Я: словарь-справочник / Т. Лоусон, Д. Гэррод. – М.: ФАИМП-ПРЕСС, 2000. – 608 с.
172. Львов, Д.С. Образ новой России – истоки формирования / Д.С. Львов // Вопросы философии. – 1998. - №4. – С.3-18.
173. Майкова, В.П. Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной России: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Москва, 2014. - 259 с.
174. Макиавелли, Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия / Н. Макиавелли. – Минск: Харвест, 2004. – 704 с.
175. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке) / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. – 288 с.

176. Мантатов, В.В. Синергичные стратегии для человеческого развития и окружающей среды / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. - 2013. - №6. - С.14-19.
177. Мантатов, В.В. Этико-экологическая парадигма устойчивого развития байкальского региона в контексте глобализирующейся евразийской цивилизации / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова // Экологическая этика и технологии устойчивого развития в XXI веке: сборник научных статей. – Улан-Удэ: издательство ВСГУТУ, 2014. – С.3-11. (всего 292 с.)
178. Мантатова, Л.В. Стратегия развития: ценности новой цивилизации. – Улан-Удэ: издательство ВСГУТУ, 2004. – 242 с.
179. Мантатова, Л.В. Философские перспективы устойчивого развития информационного общества / Л.В. Мантатова. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2002. – 244 с.
180. Мантатова, Л.В. Ценностные основания современного цивилизационного развития: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Улан-Удэ, 2004. - 322 с.
181. Манхейм, К. Диагноз нашего времени. Человек и общество в эпоху преобразования / К. Манхейм. – М.: Наука, 1994. – 554 с.
182. Манхейм, К. Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом / К. Манхейм. – М.: Инфра-М, 1992. – 346 с.
183. Мареева, С.В. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны / С.В. Мареева // Социологические исследования. – 2015. - №1. – С. 55-63.
184. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 25. Ч. III. – 786 с.
185. Маркс, К. Капитал. Теория прибавочной стоимости / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т. 26. Ч.2. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1963. – 680 с.

186. Маркс, К. Святое семейство / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т.2. – М.: Политиздат, 1967. – 466 с.
187. Маркс, К. Йозефу Блоху, 21-22 сентября 1890 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т.37. – М.: Политиздат, 1967. – 648 с.
188. Маркс, К. Нищета философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т.3. – М.: Политиздат, 1967. – 466 с.
189. Медушевский, А.М. Конституционные кризисы в обществах переходного периода / А.М. Медушевский // Вопросы философии. – 1999. – №12. – С.7.
190. Мережковский, Д.С. Атлантида-Европа: Тайна Запада / Д.С. Мережковский. – М.: Прогресс, 1992. – 260 с.
191. Миклисвейт, Дж. Ответ критикам глобализации / Дж. Миклисвейт, А. Вулдридж // Глобализация: проблемы, перспективы: Реферативный бюллетень. – 2002. – №1. – С.198.
192. Миллер, Г. Тропик Рака. Тропик Козерога / Г. Миллер. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. – 766 с.
193. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизаций: путь разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Эксмо, 1990. – 326 с.
194. Моисеев, Н.Н. Универсальный эволюционизм / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1991. - №3. – С.3-28.
195. Моисеев, Н.Н. Универсум. Информация. Общество / Н.Н. Моисеев. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 434 с.
196. Моисеев, Н.Н. Человек во вселенной и на Земле / Н.Н. Моисеев // Наука, общество, человек. – 2004. – №2. – С.311.
197. Моисеев, Н.Н. Экологический кризис и цивилизационные конфликты / Н.Н. Моисеев // Проблемы глобальной безопасности. – 1995. – №2. – С. 112-136.
198. Мунье, Э. Манифест персонализма / Э. Мунье. – М.: Наука, 1999. – 468 с.
199. Мунье, Э. Об апокалипсическом времени. Манифест персонализма / Э. Мунье. – М.: Наука, 1999. – 656 с.

200. Мунье, Э. Что такое персонализм? / Э. Мунье. – М.: Наука, 1994. – 368 с.
201. Надель-Червинская, М.А. Толковый словарь иностранных слов: общеупотребительная лексика / М.А. Надель-Червинская, П.П. Червинский. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. – 608 с.
202. Назаретян, А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры / А.П. Назаретян. – М.: Наследие, 1996. – 326 с.
203. Назарчук, А.В. Этика глобализирующегося общества. Тенденции и проблемы глобализации в свете социально-этической концепции. К.-О. Апеля / А.В. Назарчук. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. – 456 с.
204. Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. - №7. – С. 61-75.
205. Наливайко, Н.В. Формирование философского мировоззрения обучающихся в современном образовании / Н.В. Наливайко, С.А. Ан, Е.В. Ушакова // Философия образования. – 2015. - №5(62). – С. 101-113.
206. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1994. – 536 с.
207. Ницше, Ф. О пользе и вреде: истории для жизни / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. – М.: Наука, 1990. – Т.1. – 466 с.
208. Омельчук, Р.К. Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Улан-Удэ, 2011. - 377 с.
209. Орлов, М.О. Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации: автореферат диссертации ... доктора философских наук - 09.00.11. – Саратов, 2009. – 44 с.
210. Ортега-и-Гассет, Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) / Х. Ортега-и-Гассет // Избр. труды. – М.: Наука, 1997. – 657 с.
211. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – №3. – С.135-156.
212. Ортега-и-Гассет, Х. Новая технократическая волна на Западе / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Наука, 1986. – 568 с.

213. Осинский, И.И. Евразийство как вызов современности // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Бурятского государственного университета (30.09.2015-01.10.2015, г. Улан-Удэ). - г. Улан-Удэ: издательство Бурятского государственного университета, 2015. - С. 7-10.
214. Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия / Г.В. Осипов // Вопросы философии. – 1997. - №10. – С.3-12.
215. Осипов, Г.В. Российская социологическая энциклопедия / Г.В. Осипов. – М.: НОРМА-ИНФРА·М, 1998. – 672 с.
216. Осипов, Г.В. Россия и США: новая архитектура взаимодействия / Г.В. Осипов // Социологические исследования. – 2016. - №11. – С.35-45.
217. Панарин, А.С. Глобализм как вызов жизненному миру. За Хайдеггера / А.С. Панарин. – М.: АСТ, 2004. – 567 с.
218. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / Александр Панарин М. : ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 415 с.
219. Панарин, А.С. Философия истории / А.С. Панарин. - М.: Гардарики, 1999. - 234 с.
220. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Мысль, 1995. – 456 с.
221. Пискорская, С.Ю. Принцип всеобщей связи явлений и наука / С.Ю. Пискорская. - Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2001. - 104 с.
222. Пискорская, С.Ю. Стиль научного познания и его стандарт: монография. Красноярск: Изд-во Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2007. - 244 с.
223. Пискорская, С.Ю. Теория познания и проблема гносеологических стандартов. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2006. – 276 с.
224. Платон. Государство / Платон // Хрестоматия по истории философии: в 3 ч. Ч. 3. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 448 с.
225. Платон. Теэтет / Платон // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 [Текст]. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.

226. Подзигун, И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ: дис. ... д-ра. филос. наук / И.М. Подзигун. – М.: изд-во РАГС при президенте Российской Федерации. 2003. – 384 с.
227. Подопригора, А.С. Развитие человека в условиях глобализации общества: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Ростов-на-Дону, 2009. - 191 с.
228. Попкова, Н.В. Философская этика / Н.В. Попкова. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. – 352 с.
229. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Наука, 1945. Т. I – 326 с.
230. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 312 с.
231. Пфаненштиль, И.А. Глобализация: проблемы и перспективы / И.А. Пфаненштиль. – Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2006. – 484 с.
232. Пырин, А.Г. Россия в глобальном мире / А.Г. Пырин // Вестник российского философского общества. – 2012. - №1. – С.77-83.
233. Ракитов, А.И. Марксистско-ленинская философия / А.И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1986. – 368 с.
234. Ракитов, А.И. Путь России: понять и жить. Социально-философские этюды / А.И. Ракитов, Е.Д. Панов. - М.: Республика, 1995. - 127 с.
235. Рац, М.В. К концепции открытого общества в современной России / М.В. Рац // Вопросы философии. – 1999. - №2. – С.23-34.
236. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки / Г. Риккерт. – СПб.: Наука, 1997. – 536 с.
237. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 512 с.
238. Розанов, В.В. Декаденты / В.В. Розанов. – М.: Искусство, 1990. – 441 с.

239. Розанов, В.В. Европейская культура и наше к ней отношение / В.В. Розанов. – М.: Просвещение, 1990. – 268 с.
240. Розенталь, М. Краткий философский словарь / М. Розенталь, Ю. Юдин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1954. – 704 с.
241. Розов, Н.С. Национальная идея как императив (эскиз геоэкономической и социокультурной стратегии России для XXI века) / Н.С. Розов // Вопросы философии. – 1997. - №10. – С.13-28.
242. Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. - №7. – С. 3-39.
243. Россия в условиях нестабильности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1995. - №9. – С.3-42.
244. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. Кн.1. А-Н / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. – 990 с.
245. Рузавин, Г.И. Самоорганизация и организация в развитии общества // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С.63-72.
246. Салихов, Г.Г. Человек в глобализирующемся мире: социально-философский анализ: диссертация ... доктора философских наук : 09.00.11. - Уфа, 2010. - 361 с.
247. Сарайкина, Г.С. Методологические аспекты изучения глобализационных процессов: дис. ... канд. филос. наук / Г.С. Сарайкина. – М.: МГУ, 2008. – 198 с.
248. Селезнев, М.А. Социальная революция / М.А. Селезнев. – М.: Прогресс, 1971. – 456 с.
249. Семченко, А.Т. Современный апокалипсис / А.Т. Семченко. – М.: Мысль, 1989. – 464 с.
250. Сербенко, Н.И. Кризис культуры как исторический феномен / Н.И. Сербенко, А.Э. Соколов // Философские науки. – 1990. – №7. – С.32-39.

251. Серебрякова, Ю.А. Национальное самосознание и национальная культура: сущность, специфика и взаимодействие: социально-философский аспект: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Иркутск, 1997. - 339 с.
252. Сидорина, Т.Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей / Т.Ю. Сидорина. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 182 с.
253. Сидорина, Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания / Т.Ю. Сидорина. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 2002. – 239 с.
254. Сидорина, Т.Ю. Философия кризиса / Т.Ю. Сидорина. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 456 с.
255. Силиверстов, С. Глобализация и глобальное регулирование: новейшие тенденции и вызовы для российской экономической политики / С. Силиверстов // Российский экономический журнал. – 2016. - №3. – С. 62-91.
256. Скуратов, Ю.И. Евразийская природа России и некоторые современные проблемы развития государственно-правовых институтов. - Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2012. – 128 с.
257. Соколов, Э.В. О некоторых элементах и структуре общественного сознания / Э.В. Соколов // Философские науки. – 1967. – №1. – С.45-67.
258. Соколова, Р.И. Глобальный кризис и российское государство: социально-философский аспект: автореферат дисс. ... д-ра философ. Наук / Р.И. Соколова. – М.: изд-во РАН Института философии, 2007. – 55 с.
259. Солонин, Ю.Н. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа / Ю.Н. Солонин. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 346 с.
260. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
261. Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер. – СПб.: Книгоиздательство писателей в Санкт-Петербурге, 1898. – Т. 1. – 236 с.
262. Спиноза, Б. Трактат об усовершенствовании разума и о пути, которым лучше всего направляться к истинному познанию вещей / Б. Спиноза // Избранное. – Минск: ООО «Попурри», 1999. – 592 с.

263. Спиркин, А.Г. Философская энциклопедия / А.Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1970. – 866 с.
264. Степин, В.С. Диалог культур в глобализирующемся мире / В.С. Степин. – М.: Наука, 2005. – 428 с.
265. Степин, В.С. Методы научного познания. – Минск: «Вышэйшая школа», 1974. – 152 с.
266. Степин, В.С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / В.С. Степин [и др.]. – М.: Мысль, 2010. – 634 с.
267. Степин, В.С. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.4/ В.С. Степин. – М.: Мысль, 2001. – 605 с.
268. Степин, В.С. Становление научной теории. (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики). – Мн., Изд-во БГУ, 1976. – 320 с.
269. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
270. Степин, В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник российского философского общества. – 2005. - №4. – С.3-24
271. Степин, В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика / В.С. Степин. – М.: Наука, 1996. – 456 с.
272. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. – М.: Мысль, 2003. – 680 с.
273. Сычев, А.А. Этика экологической ответственности / А.А. Сычев. – М.: Альфа-М, 2016. – 320 с.
274. Тард, Г. Этюды психологии общества / Г. Тард. – Париж, 1898. – 346 с.
275. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Политиздат, 1965. – 440 с.
276. Терборн, Г. Глобализация и неравенство. Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста / Г. Терборн. – М.: АСТ, 2004. – 380 с.

277. Тихонова, Н.Е. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям / Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай // Социологические исследования. – 2016. - № 10. – С.43-53.
278. Ткачук, С. От ТС – ЕЭП к собственно ЕАЭС: по поводу согласования промышленной политики стран-участниц (концептуальные соображения) / С. Ткачук // Российский экономический журнал. – 2015. - №6. – С. 36-44.
279. Ткачук, С. От ТС – ЕЭП к собственно ЕАЭС: по поводу согласования промышленной политики стран-участниц (концептуальные соображения) / С. Ткачук // Российский экономический журнал. – 2016. - №1. – С. 54-65.
280. Тойнби, А.Дж. Постигание истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 568 с.
281. Тойнби, А.Дж. Исследование истории: в 3-х т. Т. 2 / А.Дж. Тойнби. – СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та; изд-во Олега Абышко, 2006. – 446 с.
282. Толстых, В.И. Общественное сознание и его формы / В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1986. – 367 с.
283. Тоффлер, Э. Футуршок / Э. Тоффлер. – СПб.: Питер, 1997. – 378 с.
284. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 680 с.
285. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
286. Тощенко, Ж.Т. Вехи российской социологии / Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. – СПб.: Алетейя, 2010. – 664 с.
287. Тощенко, Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2016. - №1. – С.6-17.
288. Тощенко, Ж.Т. Идеологические отношения: (Опыт социологического анализа) / Ж.Т. Тощенко. – М.: Мысль, 1988. – 286 с.
289. Тощенко, Ж.Т. Новые идеи в социологии / Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 479 с.

290. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек: монография / Ж.Т. Тощенко – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.
291. Тощенко, Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. - №6. – С.3-13.
292. Тощенко, Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиции социологии жизни / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2016. - №11. – С.3-14.
293. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. – М.: Academia, 1996. – 196 с.
294. Тощенко, Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
295. Тощенко, Ж.Т. Экономическое сознание и поведение: четверть века спустя (конец 1980-х – начало 2010 гг.) / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2014. - №7. – С. 51-63.
296. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни. Избранное / Е.Н. Трубецкой. – М.: Московская правда, 1995. – 368 с.
297. Туркулец, С.Е. Социально-проективный потенциал права: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11 / С.Е. Туркулец. - Хабаровск, 2012. - 446 с.
298. Тутов, Л.А. Философия хозяйства: предмет и методы исследования : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.01 / Л.А. Тутов. - Иваново, 2005. - 324 с.
299. Уилбер, К.Краткая история всего / К. Уилбер. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 476 с.
300. Уледов, А.К. Структура общественного сознания / А.К. Уледов. – М.: Политиздат, 1968. – 346 с.
301. Уотсон, Р. Будущее. 50 идей, о которых нужно знать / Р. Уотсон. – М.: Фантом Пресс, 2014. – 208 с.
302. Устрялов, Н.В. Проблема прогресса / Н.В. Устрялов. – М.: Наука, 1998. – 268 с.

303. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е - Муж) / М. Фасмер. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
304. Федоров, Н.Ф. Статьи о регуляции природы. Избранные сочинения / Н.Ф. Федоров. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 760 с.
305. Фиркандт, А. Механизм культурных изменений / А. Фиркандт // Личность. Культура. Общество. – 2000. – №3. – С.200-201.
306. Фихте, И.Г. Несколько лекций о назначении ученого / И.Г. Фихте // Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 688 с.
307. Флоренский, П.А. Оправдание космоса / П.А. Флоренский. – СПб.: РХГИ, 1994. – 224 с.
308. Франк, С. Предмет знания. Душа человека / С. Франк. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 992 с.
309. Франк, С. Реальность и человек / С. Франк. – М.: Республика, 1997. – 479 с.
310. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
311. Франк, С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию / С.Л. Франк. – Париж, 1930. – 112 с.
312. Фролов, И.Т. Философия и этика науки: итоги и перспективы // Вопросы философии. – 1995. - №7. – С.32-37.
313. Фромм, Э. Во имя жизни / Э. Фромм // Человек и социокультурная среда. – 1992. – №2. – С.232.
314. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 437 с.
315. Хайек, Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек. – М.: Просвещение, 1983. – 336 с.
316. Хайек, Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф.А. Хайек. – М.: Экономика, 1992. – 346 с.

317. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: «Terra Fantastica», 2003. – 379 с.
318. Хёйзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хёйзинга. – М.: Искусство, 1992. – 468 с.
319. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения: философские фрагменты / М. Хоркхаймер. – М.: АСТ; СПб.: Питер, 1997. – 568 с.
320. Храпов, С.А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России: дис. ... д-ра филос. наук / С.А. Храпов. – М.: изд-во Российского государственного социального университета, 2011. – 304 с.
321. Хюбнер, К. Критика научного разума / К. Хюбнер. – М.: ЦОП Института философии РАН, 1994. – 326 с.
322. Циолковский, К.Э. Космическая философия / К.Э. Циолковский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 480 с.
323. Циолковский, К.Э. Очерки о Вселенной / К.Э. Циолковский. – М.: ПАИМС, 1992. – 256 с.
324. Цыденова, И.Р. Философские основания этики устойчивого развития Китая / И.Р. Цыденова: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Улан-Удэ, 2004. - 142 с.
325. Черткова, Е. Утопизм / Е. Черткова // Русская философия: малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. – 890 с.
326. Чеснокова, Т.Ю. От неандертальца до киборга / Т.Ю. Чеснокова. – М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.
327. Чижевский, А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия / А.Л. Чижевский. – М.: Наука, 1995. – 458 с.
328. Чумаков, А.Н. Глокализация / А.Н. Чумаков // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. – 456 с.

329. Чумаков, А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира / А.Н. Чумаков. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 432 с.
330. Чумаков, А.Н. Диалектика кризиса / А.Н. Чумаков // Вестник российского философского общества. – 2008. - №4(48). – С.8-13.
331. Чумаков, А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография / А.Н. Чумаков. – М.: Канон+, РООН «Реабилитация», 2006. – 516 с.
332. Чумаков, А.Н. Системный подход и его значение для глобальных исследований // Пространство и время. – 2014. - №4(18). С. 30-34.
333. Чумаков, А.Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. – 20013. - №2. С. 23-37.
334. Чумаков, А.Н. Философско-методологические исследования глобалистики // Вестник российского философского общества. – 2004. - №4. – С.96-102.
335. Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода: философские очерки / Н.М. Чуринов; 2-е изд., доп. – Красноярск: СИБУП, 2003. – 515 с.
336. Шакирова, Е.Ю. Аксиологический ризоморфизм современного социокультурного пространства: автореф. д-ра филос. наук / Е.Ю. Шакирова. – Красноярск: СФУ, 2015. – 43 с.
337. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.
338. Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1 / А.К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.
339. Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2 / А.К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 576 с.
340. Шахназаров, Г.Х. Современная цивилизация и Россия / Г.Х. Шахназаров. – М.: Мысль, 2003. – 566 с.
341. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: Просвещение, 1973. – 347 с.

342. Шляпников, В.В. Социально-философский анализ глобализма и антиглобализма как основных тенденций мирового развития: автореф. дис. ... канд. филос. - СПб., 2007. - 16 с.
343. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск: ВО «Наука», «Сибирская издательская фирма», 1993. – 592 с.
344. Шпет, Г.Г. Философия и психология культуры. Избранное / Г.Г. Шпет. – М.: Наука, 2007. – 479 с.
345. Шпет, Г.Г. Философско-психологические труды / Г.Г. Шпет. – М.: Наука, 2005. – 479 с.
346. Штуден, Л.Л. Кризис сознания как феномен культуры: автореф. д-ра филос. наук / Л.Л. Штуден. – Екатеринбург, 2000. – 39 с.
347. Щедровицкий, П.Г. Идея деятельности и деятельностный подход // Георгий Петрович Щедровицкий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 600 с.
348. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1983. – 483 с.
349. Энгельс, Ф. Георгию Валентиновичу Плеханову, 21 мая 1894 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т.39. – Издание второе. – Издание второе. – М.: Политиздат, 1966. – 713 с. (209-212)
350. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1987. – 349 с.
351. Энгельс, Ф. Лауре Лафарг 12 февраля 1893 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. Т.39. – Издание второе. – М.: Политиздат, 1966. – 713 с. (27-30)
352. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1985. – 127 с.
353. Юдин, Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э.Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.
354. Юдин, Б.Г. Эрик Григорьевич Юдин / Б.Г. Юдин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 399 с.

355. Яворская, С.А. Кризис культуры и кризисное сознание в системе социокультурной динамике: дис. ... канд. ист. наук / С.А. Яворская, Ф.А. Айзатов. – Саранск: ГУ «НИИ гуманитарных наук при прав. республики Мордовия», 2006. – 224 с.
356. Ядов, В.А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое / В.А. Ядов // Социологические исследования. – 2014. - №7. – С. 47-50.
357. Яковец, Ю.В. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: научный доклад. – М.: МИСК, 2017. – 64 с.
358. Яковец, Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю.В. Яковец. – М.: Наука, 1999. – 448 с.
359. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс. – М.: Наука, 1978. – 492 с.
360. Ясперс, К. Смысли назначение истории / К. Ясперс. – М.: АСТ, 1991. – 366 с.
361. Altfater, E. Grenzen der Giobalisierung: Ökonomie, Okologie und Politik in der Weltgesetschaft / E. Altfater, B. Mahnkopf. – Munster: Westfälisches Dampfboot, 2002. – S.54-55.
362. https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/
363. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001064/st000.shtml>
364. <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn06.htm>
365. Http://jero.com.ua//ru/news/show_print_version/111219
366. Http://news/kremlin_ru/ref_notes/1245
367. <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/1/1180.doc>.
368. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=911
369. <http://www.nir.ru/sj/sj/4inoz.htm>
370. http://royallib.com/book/popper_karl/otkritoe_obshchestvo_i_ego_vragi.html
371. <http://www.alternativy.ru/node/988>
372. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=203268&fld=134&dst=100018,0&rnd=0.5764727083202305#0>

373. <http://www.contr-tv.ru/print/2686>
374. http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/H/1994-1-Huntington-Stolknovenie_civiliacij.pdf
375. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
376. Husserl, E. Krisis der Europäischen Wissenschaften und die Transzendentele Phänomenologie. - Haag, 1954. - 446 p.
377. Naistat, Fr. La globalización y la nocion filosofica de «historia mundial» (Weltgeschichte) // La comprension del pasado. Escritos sobre filosofia de la historia / Gruz M. (Comps). – Barselona: Herder, 2005. – P.407-430.